Министерство внутренних дел Российской Федерации

Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Сборник научных статей

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2023

Министерство внутренних дел Российской Федерации

Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Сборник научных статей

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2023

УДК 343.13
ББК 67.99(2)93
У26

Редакционная коллегия:
В.Н. Чаплыгина (председатель);
Д.Ф. Флоря (заместитель председателя),
А.Н. Сретенцев, И.В. Поддубный,
Н.В. Морозова (ответственный секретарь)

У26 У**головно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью :** сборник научных статей / редкол.: В.Н. Чаплыгина [и др.]. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2023. – 209 с.
ISBN 978-5-88872-304-3

Сборник содержит научные статьи профессорско-преподавательского состава, адъюнктов и курсантов образовательных организаций МВД России и другой ведомственной принадлежности по актуальным проблемам борьбы с преступностью. Материалы представлены в авторской редакции.

УДК 343.13
ББК 67.99(2)93

ISBN 978-5-88872-304-3 **© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2023**

СОДЕРЖАНИЕ

Архипова И.А.
ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ТИПИЧНЫЕ СИТУАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ 7

Бадиков Д.А., Гришечкина Д.А.
ПРИМЕНЕНИЕ ФОТО- И ВИДЕОЗАПИСИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 12

Бадиков Д.А., Швырков В.В.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА 16

Велиев Я.П., Черкашин А.В.
ВЫЯВЛЕНИЕ И РАСКРЫТИЕ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ АВТОСАЛОНА, ПРИ ОФОРМЛЕНИИ СДЕЛОК КУПЛИ-ПРОДАЖИ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ 22

Волкова В.Р.
ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 27

Воронина Н.А.
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ПРИЗНАНИЯ ЛИЦА ПОТЕРПЕВШИМ ПРИ НЕОКОНЧЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ 30

Габзалилов В.Ф., Омелин В.Н.
РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «НАБЛЮДЕНИЕ» ОТ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ» 34

Гомозова О.Ю., Чаплыгина В.Н.
УТЕЧКА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ «ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ» РАССЛЕДОВАНИЯ 37

Грачева А.С.
ОБЩЕЕ УСЛОВИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ – МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СОХРАННОСТИ ИМУЩЕСТВА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) 44

Григорьева Н.В., Костина Е.А.
СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ 47

Данг Вьет Хынг
ПОДСЛЕДСТВЕННОСТЬ КАК ОБЩЕЕ УСЛОВИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ 51

Демичева Т.С.
ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 54

Емельянова Н.Ю.
К ВОПРОСУ МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 57

Есина А.С., Жамкова О.Е.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ УЧАСТИЯ СВИДЕТЕЛЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ 61
Ефремова О.М., Скоркина О.А.
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА 64
Захарова В.О.
ПРОИЗВОДСТВО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППОЙ: ОШИБКИ И РЕКОМЕНДАЦИИ 69
Игуменов А.С.
ОБЩИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА ПО РОЗЫСКУ ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ ПРИ КРИМИНАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ 72
Калюжный А.Н.
ФАКТОРЫ, ЗАТРУДНЯЮЩИЕ РЕАЛИЗАЦИЮ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ 78
Карпенко Н.А.
ПРОВОКАЦИОННЫЕ РИСКИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ХОДЕ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 82
Кузнецов А.А.
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИ ДОПРОСЕ ПОСТРАДАВШЕГО ОТ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ 89
Ловягина Г.А., Колычева А.Н.
ТИПИЧНЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ, СОВЕРШАЕМЫЕ СЛЕДОВАТЕЛЯМИ И ИНЫМИ СОТРУДНИКАМИ ПО «ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ГРАБЕЖЕЙ 92
Морозова Н.В.
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ 97
Нехаев И.Н.
ПРОБЛЕМАТИКА ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЗАЩИТНИКА 100
Османова Н.В.
ОБ ИЗМЕНЕНИИ ВИДОВ И ПОРЯДКА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ 105
Петухова Ж.П.
СЛЕДОВАТЕЛЬ КАК СУБЪЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ 109
Пимакова О.Г.
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КИБЕРБУЛЛИНГА В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ 111

Помогаева А.И., Смелова С.В.
ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ОБНАРУЖЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ И ФИКСАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 115
Попова Л.В.
ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОНЯТОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 118
Ромашова М.В.
ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОЙ РУБКЕ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ 121
Рудов Д.Н., Чаплыгина В.Н.
ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА ПЛАТЕЖА КАК ОБЪЕКТ МОШЕННИЧЕСТВА 125
Сабурова А.Б.
УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РИСКА В СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 133
Савченко В.А., Чаплыгина В.Н.
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАНДАРТ РАЗУМНОСТИ СРОКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 136
Сезонова Т.В.
ОСНОВАНИЯ И КРИТЕРИИ ОБОСНОВАННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОЧНОЙ ЗАКУПКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ 141
Скобелин С.Ю.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 145
Соколов А.Б.
ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА 149
Солодовник В.В.
ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО УПРОЩЕНИЯ 152
Сретенцев А.Н.
НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ 156
Сретенцев Д.Н., Гусев К.А.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ 159
Сучков А.И., Батуева А.Б.
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛОЖНОГО АЛИБИ В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ 166

Терехова Е.М.
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА 170
Тишков С.А. Магарамомбе Р.Ч.
НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИЦИИ РЕСПУБЛИКИ ЗИМБАБВЕ) 177
Тишутина И.В.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ 182
Ушаков А.Ю., Хайретдинова М.Д.
О СОДЕРЖАНИИ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ 188
Фадюшина П.А., Морозова Н.В.
НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА 191
Фомичев А.А.
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ 194
Чич Б.Е.
ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ОБЖАЛОВАНИИ РЕШЕНИЯ ПРОКУРОРА В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ 199
Чувальникова В.И., Колычева А.Н.
СПЕЦИФИКА РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ 203
Яшков С.А.
К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ (СТ. 137 УК РФ) 206

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ТИПИЧНЫЕ СИТУАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Архипова Ирина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры криминалистики,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В статье рассматриваются актуальные вопросы расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, анализируются поводы для возбуждения уголовного дела, определяются типичные следственные ситуации при расследовании рассматриваемых преступлений.

Одной из гарантий успешного расследования уголовного дела в отношении несовершеннолетних является своевременное и обоснованное принятие решения о его возбуждении. Именно стадия возбуждения уголовного дела является отправной точкой для осуществления предварительного следствия и дознания. В ходе нее необходимо установить поводы и основание для возбуждения уголовного дела. Каких-либо особых правил в отношении несовершеннолетних на данной стадии в УПК РФ не предусматривается, поэтому возбуждение уголовного дела в отношении них происходит по общим правилам.

В качестве поводов для возбуждения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего рассматриваются заявление о преступлении или явка с повинной, сообщение о преступлении, полученное из иных источников, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (ст. 140 УПК РФ).

В качестве основания возбуждения уголовного дела выступают достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Обычно для этого не требуется доказывать наличие всех элементов состава преступления, иначе бы стадия предварительного расследования в таком случае была бы излишней. Практика идет по пути установления необходимого минимума, то есть информации, дающей основание полагать, что произошло преступление. Обычно достаточно установить объективные признаки деяния, то есть определить объект преступления и по возможности его предмет, преступные действия или бездействие и по возможности наличие преступных последствий.

Для принятия решения по сообщению о преступлении у следователя есть трое суток, в течение которых он обязан его зарегистрировать и прове-

рить. Для проверки данного сообщения у следователя имеется широкий арсенал процессуальных средств (ч. 1 ст. 144 УПК РФ):

– дача оперативным подразделениям обязательных для исполнения письменных поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий. Посредством осуществления данных мероприятий можно выявить лицо, совершившее преступление, по возможности его преступные связи, разыскать похищенное имущество и т.д.;

– возможность проводить первоначальные следственные действия (осмотр места происшествия). Посредством проведения осмотра можно собрать криминалистически важную информацию о следах преступления на месте его совершения или на лицах, которые находились там в этот момент; установить характер и степень общественной опасности совершенного деяния и подробный механизм его осуществления; определить объект преступного посягательства;

– проводить иные процессуальные действия (назначить экспертизу, получать объяснения, истребовать и изымать документы и предметы, требовать производства проверок и ревизий).

При этом в ч. 3 ст. 144 УПК РФ предусматривается возможность продления срока проверки сообщения о преступлении с 3 до 10 (а в исключительных случаях – до 30 суток) для проведения сложных и, как правило, долгих документальных проверок, ревизий, экспертиз и иных исследований, а также проведения оперативно-разыскных мероприятий, если без результатов которых возбуждение уголовного дела невозможно.

Если доследственная проверка осуществляется в отношении конкретного несовершеннолетнего, то необходимо установить, может ли такое лицо быть субъектом преступления. Иными словами, устанавливается, достиг ли несовершеннолетний возраста уголовной ответственности и является ли он вменяемым, не отстает ли он в психическом развитии? Эти требования вытекают из положений ст. 421 УПК РФ и ст. 19–20 УК РФ.

При вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела в отношении лица, не достигшего возраста уголовной ответственности или отстающем в психическом развитии, следователь обязан передать необходимые материалы дела в инспекцию по делам несовершеннолетних по месту жительства несовершеннолетнего, поскольку данные категории лиц относятся к лицам, в отношении которых необходима индивидуальная профилактическая работа и постановка на соответствующий учет.

Как правило, первоначальный этап начинается с момента получения сообщения о преступлении и заканчивается привлечением лица в качестве обвиняемого по уголовному делу. Все остальное принято считать последующим этапом расследования. Криминалистическая методика предлагает разработку алгоритма следственных и иных процессуальных действий на основе конкретной ситуации. Значение такого алгоритма велико в условиях ограниченности следователя по времени принятии процессуальных реше-

ний. Но, тем не менее, нижеописанные алгоритмы не могут дать универсального ответа по поводу хода расследования конкретного преступления. Иными словами, в каждой ситуации следователю по возможности необходимо вносить коррективы в стандартный порядок проведения следственных действий. Весь этот процесс наглядно отражается в планировании расследования и постоянном изменении плана в процессе следствия.

Рассмотрим ***типичные следственные ситуации*** первоначального этапа расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними:

1. Несовершеннолетний преступник задержан на месте преступления или пойман по «горячим следам». Рассматриваемый случай распространен при совершении несовершеннолетними краж из магазинов, складов, иных помещений, совершении ими хулиганства или вандализма, причинения вреда здоровью при групповых драках и иных преступлениях, когда они были задержаны прибывшими на место происшествия сотрудниками или неподалеку от него. Или, например, когда преступники попадают на камеру видеонаблюдения, расположенную в месте преступления, что впоследствии служит основанием для их задержания.

Подобная ситуация может иметь конфликтую и бесконфликтную составляющую. Для следствия будет проще, если подросток на фоне его внезапного задержания сознается, и будет активно сотрудничать с правоохранительными органами. Но может случиться и обратная обстановка, когда подросток, несмотря на задержание, будет отрицать свою вину и иным образом противодействовать расследованию. Несмотря на то, что данная ситуация очевидности одна из самых выгодных, все же она требует особой активности от следователя при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

В данной ситуации целесообразно проводить следующие действия:

- принятие решения о возбуждении уголовного дела и избрание меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого. Следователю всегда нужно помнить, что мера пресечения в отношении подозреваемого, а тем более несовершеннолетнего, является крайней мерой и назначается в исключительных случаях (ст. 100 УПК РФ и ч. 2 ст. 423 УПК РФ). Во всех случаях необходимо определить возможность отдать несовершеннолетнего под присмотр родителей, опекунов или иных достойных доверия лиц, о чем взять у них соответствующее письменное обязательство. Если есть основания подозревать, что несовершеннолетний скроется от следствия или продолжит совершать преступления или совершил тяжкое и особо тяжкое преступление, то следователю необходимо выбирать более строгую меру пресечения. Конечно, при выборе строгой меры пресечения необходимо принимать во внимание возраст подростка, состояние его здоровья, сведения о его личности, роде занятий, семейном положении и иные заслуживающие внимания данные;

- освидетельствование подозреваемого. Проведение данного действия позволит выявить и сохранить следы преступления на теле и одежде

несовершеннолетнего, выявить состояние опьянения и иные признаки, которые имеют значение для дела;

- осмотр места происшествия;

- допрос потерпевшего;

- допрос подозреваемого. Оперативность проведения некоторых ранее указанных следственных действий страдает из-за того, что при допросе несовершеннолетнего зачастую нужно обеспечить участие защитника, законных представителей и в некоторых случаях психолога. Поэтому зачастую допрос подозреваемого осуществляется незамедлительно после возбуждения уголовного дела в рассматриваемой типичной ситуации;

- допрос свидетелей. Показания свидетелей при их правдивости позволят получить новую информацию о преступлении или опровергнуть уже имеющуюся. Разумеется, информацию, полученную от свидетелей (равно, как и от других участников процесса), стоит проверять в рамках текущего допроса свидетеля, путем очных ставок, повторных допросов, следственного эксперимента и т.д.;

- проведение опознания подозреваемого потерпевшим или свидетелем.

- назначение судебных экспертиз. При этом их назначение может быть и до возбуждения уголовного дела (например, судебно-медицинская экспертиза трупа), так и после него.

- проведение обыска и выемки (когда это диктуется сложившейся ситуацией на первоначальном этапе расследования).

- при наличии существенных противоречий в показаниях допрошенных лиц необходимо провести между ними очную ставку.

2. Личность несовершеннолетнего подозреваемого известна, но он скрылся от правоохранительных органов или его местонахождение не установлено. Подобная ситуация может складываться по различным преступлениям несовершеннолетних: кражах, грабежах, разбоях, угонах, изнасилованиях и т.д.

Данная ситуация осложняется тем, что необходимо оперативно выявить местонахождение подозреваемого, чтобы в дальнейшем избежать необходимости приостановления расследования. Данная ситуация может плавно перейти в первую рассмотренную нами ситуацию, когда подозреваемого задержат до возбуждения уголовного дела. В такой ситуации следователю необходимо:

1. Принять заявление/сообщение о преступлении и провести по нему все необходимые доследственные мероприятия.

2. Дать письменное поручение органу дознания о проведении оперативно-разыскных мероприятий, направленных на поиск несовершеннолетнего подозреваемого или розыск предметов преступления.

3. Вынесение постановления о возбуждении уголовного дела.

4. Осмотр места происшествия, предметов, документов, трупа Допрос потерпевшего или свидетелей (если есть).

5. Назначение соответствующих экспертиз.

3. Информация о преступлении крайне ограничена, личность преступника неизвестна, но есть основания предполагать, что оно совершено несовершеннолетним. Данная ситуация является самой трудной с точки зрения первоначального этапа, поскольку у следователя мало информации о лицах, которые причастны к данному деянию. Наиболее часто может возникнуть при простых кражах, квартирных кражах, совершенных группой несовершеннолетних, убийствах, совершенных несовершеннолетними из хулиганских побуждений или по мотивам национальной или иной ненависти и вражды.

Тем не менее, перечень действий в данной ситуации похож на тот, что был рассмотрен в предыдущем варианте. Большую роль для возбуждения уголовного дела по факту здесь будет играть:

– осмотр места происшествия;

– поиск информации о подозреваемом или иных лицах (предметах) на регистрационных учетах на основе собранных на месте происшествия следов;

– составление необходимых запросов в инспекцию по делам несовершеннолетних с требованием предоставления соответствующих документов;

– дача поручений органам дознания о проведении оперативных мероприятий, направленных на установление причастных к преступлению лиц, очевидцев преступления и розыск предметов преступления. Крайне важно будет проведение оперативниками опросов, наведения справок, составление субъективного портрета и ориентировок разыскиваемого лица, отождествление личности, проверки ими типичных мест сбыта похищенного имущества и т.д.

Конечно, это далеко не полный перечень типичных ситуаций на первоначальном этапе расследования преступлений несовершеннолетних. Данные ситуации могут существенно варьироваться в зависимости от вида конкретного преступления.

Ключевые слова: преступления, совершаемые несовершеннолетними, особенности возбуждения уголовного дела, типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования.

УДК 343.1

ПРИМЕНЕНИЕ ФОТО- И ВИДЕОЗАПИСИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Бадиков Дмитрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2;

Гришечкина Дарья Александровна,
слушатель факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Статья посвящена анализу проблемных вопросов практики объективной фиксации криминалистически значимой информации посредством осуществления фотосъемки и видеозаписи в рамках производства следственных действий при расследовании преступлений. Рассматриваются актуальные аспекты использования цифровой фотографии и оформления иллюстрационной таблицы, а также отмечается значение и роль данного документа при производстве предварительного следствия.

Фотография в процессе расследования преступлений стала использоваться в XIX в., непосредственно после ее изобретения. В 1839 г. на заседании Французской академии наук была установлена возможность получения изображений фотографическим способом. Получение картинки окружающей реальности химическим способом позволяло получать изображение за достаточно короткий отрезок времени. В процессе совершенствования способов фотографирования область применения полученных изображений росла, и в конечном итоге фотография стала применяться в ходе расследования преступлений.

На сегодняшний день технический прогресс дошел до этапа, когда фото- и видеоматериалы стали одним из основных и неопровержимых источников доказательств. Цифровые устройства не только помогают запечатлеть общую картинку окружающего пространства, но и с их помощью можно определить мельчайшие детали внешности человека [1]. Потенциал в использовании технических средств, в виде фотоаппарата или сотового телефона, развивается с каждым днем. И такое явление, как фотосъемка, стало популярно и используемо не только среди молодежи.

Развитие информации и технологий предъявляют все более высокие требования к работе правоохранительных органов, направляя тем самым их к использованию современных средств обнаружения и фиксации доказательств [2]. Однако это помогает не только сотрудникам в расследовании преступлений и иных правонарушений, но и гарантирует объективность и

правомерность действий со стороны самих должностных лиц в ходе деятельности, гарантируя при этом соблюдение прав и свобод граждан.

Применение средств фото- и видеозапечатления стало объективной необходимостью в работе сотрудников правоохранительных органов. Следователи, криминалисты, эксперты используют фотографию в своей профессиональной деятельности. Ничто не опровергнет факт, передаваемый на фото или картинке. Ведь точность и качество фотографий – достаточное основание для того, чтобы сделать верные выводы в ходе расследования. Именно поэтому, выезжая на место преступления, криминалисты всегда имеют при себе средство фотографирования. Фотография позволяет специалистам зафиксировать данные, обнаруженные в ходе следствия. Точность и объективность этих данных диктуется интересами установления истины по делу [3]. А, как известно, фотография в таком деле «не умеет врать». Благодаря введению нормы о возможности замены участия понятых видеофиксацией, органы следствия могут избежать сложностей в поиске понятых для такого длительного следственного действия, как осмотр места происшествия, которое может производиться в ночное время, при неблагоприятных погодных условиях [4]. К тому же, никто не исключает возможность распространения конфиденциальной информации лицами, участвующими в роли понятых или свидетелей. Фотография же обеспечит негласность и «молчание» в расследовании дела.

Очень важным для сотрудника является точное описание действий, производимых во время осмотра или проведения следственных действий в точной последовательности и формулировки, однако, не всегда это удается. Видео- и фотосъемка же позволяет зафиксировать все точно, наглядно, объективно и без искажений.

Огромным преимуществом фотографирования является возможность неоднократно воспроизводить запись с места происшествия без изменений. В некоторых ситуациях важное значение приобретают и обстоятельства, которые изначально напрямую не относились к месту происшествия. Так, например, видеокамера, которая «случайно» запечатлела лица людей, столпившихся вокруг места происшествия, зафиксировала среди них лицо, которое в дальнейшем окажется причастным к совершению преступления.

Использование цифровых средств съемки позволяет следователю не только восстановить ход событий преступления, но и самому как бы оказаться на месте происшествия и в определенной мере воспроизвести действия преступника.

Память человека – не самый надежный носитель информации и источник ее передачи. Зачастую мелкие элементы, следы не попадают в поле зрения сотрудников, и остаются незамеченными. Фото- и видеоматериалы в свою очередь восстанавливают все с точностью до деталей, тем самым делая расследование более эффективным и приносящим результаты. Порой оторванная пуговица или выпавшая из кармана преступника зажигалка, замеченные на фотографии, становятся тем самым ключом к раскрытию всего дела.

Внедрение в криминалистическую практику фотосъемки, киносъемки, а впоследствии и видеозаписи позволило сделать качественный скачок на новый уровень процесса познания, повысить достоверность информации, зафиксированной в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий [5].

Из всего вышесказанного следует, что фотография и видеосъемка имеют большие преимущества и оказывают значительную помощь в деятельности правоохранительных органов. В первую очередь, цифровая фотография делает возможным незамедлительный просмотр снимков, т.е. получившийся кадр можно увидеть, нажав на кнопку фотоаппарата, сразу же после его производства. К тому же, для цифровой фотографии не требуются так называемые расходники, т.е. не нужно приобретать реквизиты для проявления фотографии и другие реквизиты. Еще одной из положительных черт цифровой фотографии является возможность долгосрочного хранения на электронных носителях, а также резервное копирование, без изменения качества самой фотографии [6]. И большим плюсом, который упрощает работу с фотографиями, является возможность их редактирования с помощью специальных программ и приложений в ускоренном режиме. При этом не может быть переоценена возможность улучшения качества фотографий, так как это значительно повышает результативность и эффективность в расследовании уголовных дел.

Однако не только преимуществами обладают цифровые фотографии. Существуют некоторые проблемы, которые усложняют, а иногда тормозят раскрытие и расследование преступлений. Самой очевидной и распространенной из них является возможность внести коррективы в фото или видео и подправить действительную картинку или запись. Таким образом происходит фальсификация подлинных сведений, что приводит к недостоверности собранных доказательств.

И, конечно, стоит отметить, любое техническое средство, будь то фотоаппарат или видеокамера и все к ней прилежащее, достаточно затратные в обращении предметы. И к тому же в использовании таких устройств необходимо обладать определенными, даже примитивными, навыками.

Качество фотоснимков, полученных при помощи цифровой камеры, состоит из комплекса факторов: качественных характеристик объектива, разрешительной возможности матрицы, систем стабилизации изображения. Таким образом, в современных условиях развития науки и техники невозможно отказаться от достижения данного прогресса [7].

В криминалистике на сегодняшний день цифровые фотографии и видеоматериалы практически полностью вытеснили традиционные способы сбора доказательств и осуществления иных процессуальных действий из-за банального удобства в применении и экономии времени [8].

Наряду с положительными сторонами такого прогресса существуют и проблемы, решение которых пока трудно находится. В первую очередь, обеспечение сотрудников следственных и экспертных подразделений про-

фессиональной цифровой аппаратурой – затрата достаточного количества средств, к тому же для эффективности работы с ней необходимы методические рекомендации.

Несомненно, самым действенным путем решения такой проблемы будет внесение изменений в нормативное регулирование. А именно, корректировки в УПК РФ и правовые документы, которые бы регламентировали использование и обработку изображения, полученного в результате криминалистического использования цифровой техники.

Как было сказано выше, распространенной проблемой в фото- и видеофиксации является фальсификация достоверных данных. Во избежание таких трудностей, по нашему мнению, целесообразным является установление правил и требований при получении и обработке видео и фотоматериалов. Во-первых, рациональным будет использование цифрового носителя информации, который не подлежит перезаписи. Во-вторых, нелишним будет непосредственное участие понятых или свидетелей в запечатлении и воспроизведении информации для объективного восприятия данных и незаинтересованности в их оценке. И необходимой мерой обеспечения достоверности фотоснимков и видеозаписей, с нашей точки зрения, может стать экспертиза по проверке полученных цифровым способом доказательств в отношении монтажа или внесения иных изменений в имеющиеся сведения.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что цифровая фотография и видеосъемка стали неотъемлемым способом получения информации в процессе расследования уголовных дел. Современные технологии позволяют без максимальных усилий получить необходимые сведения не только за короткий промежуток времени, но и в хорошем качестве. Это ускоряет производство по делу и процесс сбора доказательств. Конечно, на сегодняшний день фото- и видео-фиксация применяется в правоохранительной деятельности не в полном объеме, поскольку цифровая аппаратура имеет свои сложности в использовании и затратность в приобретении. Но, несмотря на это, среди криминалистов достаточно распространено применение в своей работе такого рода средств техники. Ведь главной целью сбора доказательств является установление истины по делу, а удобство, качество и скорость фото и видеосъемки в этом процессе позволяют эту цель достичь.

---

1. Сысенко А.Р., Неупокоева И.А., Бадиков Д.А. Фотофиксация при проведении осмотра места происшествия // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2019. С. 78–82.

2. Волкова В.Р., Бадиков Д.А. Проблемы использования цифровых фото-, видео- и аудиосредств при производстве отдельных следственных действий // Закон и право. 2022. № 5. С. 126–128.

3. Бадиков Д.А., Булыжкин А.В. Современные аспекты использования технических средств при фиксации обстановки места ДТП // Управле-

ние деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования: сборник материалов XVI международной научно-практической конференции (к 100-летию со дня рождения В.В. Лукьянова). Орёл, 2022. С. 34–39.

4. Сибилькова А.В. Применение фотографии и видеозаписи при фиксации следов преступления // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования. 2017. С. 211–214.

5. Лаппо Е.А. Отдельные аспекты возникновения и развития криминалистической фотографии и фотосъемки, 2021.

6. Харина Э.Н. Правовые аспекты применения цифровой фотографии, в расследовании преступлений // Наука и современное общество: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2020. С. 131–133.

7. Малыхин А.В., Малыхина Е.А. Цифровая фотография как эффективный способ современного технико-криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1. С. 102–108.

8. Бадиков Д.А. Некоторые аспекты подготовки иллюстрационной таблицы к протоколу осмотра места происшествия // Закон и право. 2022. № 3. С. 131–133.

Ключевые слова: фотография, место происшествия, фиксация, фотосъемка, иллюстрационная таблица, технико-криминалистические средства.

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Бадиков Дмитрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2;

Швырков Владислав Владимирович,
курсант факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В данной статья рассматриваются особенности, а также основные способы совершения взяточничества, а также типичные следственные ситуации, возникающие при расследовании данного вида преступления.

Актуальность статьи обусловлена тем, что на данный момент отмечается высокая важность поддержания антикоррупционной политики в государственных и иных структурах. В статье анализируются способы совершения взяточничества, а также основные элементы данного преступления и типичные следственные ситуации, возникающие в начале расследования.

Современное общество может похвастаться большим количеством общественных отношений, возникающих в различных сферах жизнедеятельности современного общества. Однако, несмотря на большой перечень предоставленных вариантов решения своих повседневных проблем в соответствии с существующим законодательством имеют место быть факты коррупционных действий со стороны различных лиц, что приводит непосредственно к умалению силы Закона перед имущественными ценностями. Так, согласно статистике приведенной в сборнике Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ) «Состояние преступности» за период с января по декабрь 2022 года всего на территории Российской Федерации (далее – РФ) было зарегистрировано 1966795 преступлений, из которых 35340 – коррупционной направленности, а 19490 преступлений непосредственно связаны со взяточничеством [1]. Стоит отметить, что, несмотря на данную статистику, указанный вид преступления носит в подавляющем большинстве случаев латентный характер. В том числе об этом говорят и некоторые авторы, так, по мнению Ч.К. Михайловой, в указанной сфере число незарегистрированных преступлений варьируется в районе 90 % [2].

Переходя к рассмотрению характеристики расследования взяточничеств, будет целесообразным отметить ряд важных структурных элементов расследования этих преступлений, выделенных Э.В. Коваленко и З.Х. Урусовым:

- характеристика методов подготовки и осуществления преступления;
- характеристики личности преступника;
- характеристики посткриминального поведения людей;
- информация о типичных следах преступной деятельности и их местонахождении;
- информация о человеке, который располагает информацией о совершенном поведении [3].

Именно на первоначальном этапе расследования дел о взяточничестве необходимо начинать наиболее полно и подробно рассматривать указанные структурные элементы характеристики, ведь именно от тщательности их установления зависит дальнейший ход расследования уголовного дела. Стоит отметить тот факт, что особенностью расследования данного преступления коррупционной направленности является установление метода его совершения, так как в данном конкретном случае метод представляет собой ситуацию, в которой происходит осуществление преступного умысла. Наиболее классические методы совершения данного взяточничества но-

сят подробно детализированный характер, который представляет собой целую череду умышленных действий со стороны злоумышленника, а именно действия по подготовке, маскировке, непосредственному совершению и сокрытию взяточничества. Также, когда мы говорим о способе реализации преступного умысла, не стоит забывать о том, что мы говорим не только о сокрытии факта получения-дачи взятки, а также о действиях, которые будут направлены на установление законного статуса передачи и получения, допустим денежных средств.

В связи с развитием современного общества и наращивания технологической мощи, в том числе в IT-сфере, следует сказать и о том, что указанный прогресс вносит свой отпечаток на совершение преступлений коррупционной направленности. В первую очередь стоит говорить о том, что появляются более новые и изощренные способы совершения взяточничества, например, путем использования криптовалют. Данный способ выгоден для злоумышленника в силу того, что блокчейн-системы в которых существует криптовалюта не позволяет правоохранительным органам отследить историю транзакций, на что собственно и рассчитывают взяточники. Также используются различные банковские карты, дабы исключить непосредственный контакт взяткодателя и взяткополучателя. Также в качестве способа может выступать осуществление непосредственной передачи денег спустя длительный промежуток времени от непосредственного исполнения действий, входящих в компетенцию должностного лица-коррупционера. Еще одним способом исключения непосредственного контакта фигурантов коррупционных действий является сокрытие денежных средств, имущественных ценностей в различных укромных местах, тайниках или сейфах [4].

Однако наличие указанных способов хоть и в одно время помогает сокрыть совершение преступление, но имеет и существенный недостаток. Такие действия, которые явно необычны для повседневной жизни коррупционеров, являются демаскирующими для их преступных действий. В этом случае данные факты объективной действительности говорят об их субъективных намерениях, то есть являются одновременно доказательством вины, цели и мотивов.

Также стоит отметить, что, начиная расследование взяточничества, необходимо установить статус взяткополучателя. Под этим понимается проведение следственных и иных процессуальных действий, которые будут указывать на то, что он является должностным лицом, уполномоченным на осуществление конкретных действий, которые будут совершены в интересах взяткодателя за конкретную плату, либо в силу своего положения, статуса может поспособствовать осуществлению данных действий. Статус должностного лица должен быть подтвержден соответствующими должностными инструкциями, трудовыми договорами и иными документами, в соответствии с которыми можно говорить о наличии признаков, указанных в примечании статьи 285 Уголовного кодекса РФ.

Как отмечается в юридической литературе, «на предварительном этапе расследования дела о взяточничестве целью принятия объяснения является получение ответов на следующие вопросы: каким образом информация о передаче взятки становится известна заявителю; где, кому, где, когда и как была передана взятка; кто инициировал преступление; кем была передана взятка и кто присутствовал при передаче взятки; какие действия (бездействие) были предприняты в отношении взятки; при каких обстоятельствах имело место соглашение по этому вопросу и кто может это засвидетельствовать; совершались ли подобные действия ранее» [5].

Немаловажным при расследовании не только взяточничества, но и других преступлений различной направленности является аспект грамотного учета, сложившийся следственной ситуации следователем.

Заслуживает внимание мнение, высказанное М.А. Переваловым, о том, что «при производстве следствия, периодически сменяя друг друга, в зависимости от места, времени, окружающей обстановки, поведении участников уголовного судопроизводства и других факторов, возникают разнообразные обстоятельства, оценка и анализ которых позволяют принимать надлежащие организационные, тактические и процессуальные решения, а также выбирать наиболее оптимальные приемы и методы дальнейшего расследования – следственные ситуации» [6].

А.Г. Филиппов отмечает, что следственная ситуация представляет собой ту совокупность информации о фигурантах преступления, потерпевшего лица, а также иные данные об объективных и субъективных составляющих совершения преступления, которую мы имеем на той или иной стадии расследования уголовного дела [7].

Проведенный анализ специализированных литературных источников показывает, что в рамках производства предварительного расследования уголовного дела о взяточничестве применительно к первоначальному этапу расследования присущи отдельные следственные ситуации, а именно: 1) уголовное дело возбуждено по заявлению о предстоящей даче взятки или вскоре после ее передачи, 2) с момента дачи взятки прошло продолжительное время.

Правоприменительная практика показывает, что в случае наступления первой из названных ситуаций, ее исход определяется конкретными и определенными действиями участников следственно-оперативной группы различных подразделений МВД России. Первоначальной задачей руководителя СОГ будет являться отыскание и изъятие предмета взятки, а также других предметов, представляющих важность для предстоящего расследования. Также стоит отметить и важность установление личности злоумышленников и принятие своевременных мер о применении той или иной меры пресечения, а при необходимости произвести задержание [8].

Мы придерживаемся мнения, отмеченного в юридической литературе о том, что на данном этапе необходимо установить обстоятельства, под-

лежащие доказыванию, согласно статье 73 УПК РФ, но при этом приведенные в соответствии с составом дачи или же получения взятки:

«событие преступления (факт дачи-получения взятки; установление места и времени выполнения субъектами конкретных действий или их бездействия); способ, место и время совершения преступления, прямая или завуалированная передача взятки; предмет взятки и его признаки; источник средств для дачи взятки; служебные действия взяткополучателя или его бездействие в интересах взяткодателя; участники (соучастники) преступления; цели и мотивы взяточников; обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность взяточников и их характеристика; характер и размер причиненного ущерба и преступного обогащения виновных лиц; причины и условия, способствующие взяточничеству» [9].

Вместе с тем следует отметить целесообразность собирания доказательств применительно к правовому положению таких участников расследования как должностных лиц взяткополучателей.

Применительно к указанным целям следователь должен изъять и приобщить к материалам уголовного дела:

«приказы о его приеме на работу и назначению на должность; копию трудовой книжки или послужной список;

должностную инструкцию, положение о должности, либо контракт, законодательные акты и другие нормативные материалы, регулирующие деятельность и поведение должностного лица;

лицевой счет по получению всех денежных сумм за период работы; карточку вещевого и денежного довольствия (для военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов) справку о заработной плате за интересующий следствие период;

декларацию о доходах и имуществе;

личное дело должностного лица;

выписку из закона или иного нормативного акта, в которой отражены круг прав и обязанностей, а также ссылка на то, что лица, занимающее данную должность, является представителем власти и наделяется административно-хозяйственными либо организационно-распорядительными полномочиями» [9].

Задачами расследования во второй следственной ситуации являются: собирание и исследование доказательств, позволяющих сделать достоверный вывод о целях и мотивах взяточников, обстоятельствах совершения преступления и причастных к нему лицах. В данной ситуации производится: допрос заявителя и свидетелей; обыск; осмотр и выемка документов; осмотр места происшествия; наложение ареста на корреспонденцию; документальные ревизии; криминалистические экспертизы; оперативно-разыскные мероприятия; допрос подозреваемых во взяточничестве и иных заинтересованных лиц.

Таким образом, были рассмотрены элементы расследования взяточничества, приведены наиболее частые и современные способы совершения

данного преступления. Были отмечены наиболее типичные следственные ситуации, которые могут возникнуть при начале расследования данного преступления коррупционной направленности, а также выделены необходимые процессуальные и следственные действия, которые помогут наиболее эффективно разрешить их.

---

1. URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677/?year=2023&month=1&day=20.

2. Михайлова Ч.К. Проблемы расследования уголовного дела о взяточничестве // Молодой ученый. 2021. № 49 (391). С. 238–241.

3. Коваленко Э.В., Урусов З.Х. Особенности расследования преступлений коррупционной направленности // Право и управление. 2022. № 9.

4. Чаплыгина В.Н. Отдельные аспекты криминалистической методики расследования коррупционных преступлений // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: сборник научных трудов 5-й Международной научной конференции. Курск, 2022. С. 162–165.

5. Степаненко Д.А., Степаненко Р.А. Принципы построения общей методики расследования взяточничества и иных коррупционных преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 149–156.

6. Перевалов М.А. Основные следственные ситуации, возникающие в ходе расследования дел о взяточничестве, и меры, предпринимаемые следователем для их решения // Молодой ученый. 2017. № 22 (156). С. 344–346.

7. Криминалистика / под ред. А.Г. Филиппова. М., 2007. С. 306.

8. Чаплыгина В.Н. Особенности применения полиграфа при расследовании коррупционных преступлений // Криминалистика и судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 316–319.

9. Афанасьев А.Ю., Репин М.Е. Некоторые особенности расследования коррупционных преступлений на первоначальном этапе // Наука. Мысль. 2015. № 12. С. 82–86.

Ключевые слова: преступления, взяточничества, должностное лицо, следственная ситуация, коррупция, способ.

УДК 343.9

ВЫЯВЛЕНИЕ И РАСКРЫТИЕ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ АВТОСАЛОНА ПРИ ОФОРМЛЕНИИ СДЕЛОК КУПЛИ-ПРОДАЖИ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Велиев Яков Павлович,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел,
Дальневосточный юридический институт МВД России,
680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15;

Черкашин Алексей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел,
Дальневосточный юридический институт МВД России,
680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15

В статье рассматриваются наиболее распространенные мошеннические действия, совершающиеся сотрудниками автосалонов при заключении договоров купли-продажи автотранспорта. Особое внимание уделяется механизму совершения данных преступлений и оперативному поиску признаков противоправных деяний, указывающих на возможность совершения неправомерных сделок с автомобилями. Предлагаются меры по противодействию мошенничествам, совершенным работниками автомобильных салонов.

В Российской Федерации автотранспорт является одной из крупнейших базовых отраслей хозяйства, важнейшей составной частью производственной и социальной инфраструктуры. Количество автомобилей, поставленных на государственную регистрацию в подразделениях государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России, значительно выросло за последние 10 лет, и в 2021 г. этот показатель составил 64 млн единиц [1].

С развитием автомобильного рынка стали появляться различные автосалоны, являющиеся магазинами по продаже новых или подержанных автомобилей. В свою очередь на потребительском рынке продаж транспортных средств появляются автосалоны, занимающиеся обманом при оформлении сделок купли-продажи автомобилей. Большинство случаев обмана покупателя попадают под гражданско-правовые отношения. Однако по формальным уголовно-правовым признакам в обращениях граждан усматриваются мошеннических действия со стороны работников автосалона. В связи с этим данный способ совершения мошенничества обладает достаточно высокой латентностью.

Рассматриваемый способ мошеннических действий с автотранспортом распространен в Центральной и Западной части Российской Федерации. Создаются не только дилерские центры продаж автомобилей, но и посредники (автосалоны) по продаже транспортных средств, среди которых появляются мошенники. Мошенничество при оформлении сделок автосалонами совершается как организованными преступными группами (далее – ОПГ), которые применяют мошенническую схему, аналогично преступной схеме «финансовой пирамиды», так и отдельными сотрудниками автосалона.

В исследовании под финансовой пирамидой понимаются мошенничества, основанные на привлечении денежных средств огромного числа участников, с обещаниями выплат за приобретенные акции, привлеченных участников, вложенные средства и т.п. Таким образом, механизм совершения мошенничеств сотрудниками автосалонами заключается в получении заказов на поставку автотранспортных средств и невыполнении договорных обязательств.

Мошенники создают юридическое лицо, арендуют здание, публикуют хорошую рекламу автосалона, создают клиентскую базу, могут заключить договор франчайзинга (согласно ст. 1027 ч. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации) [2] с заводами производителями транспортных средств на поставку автомобилей. По договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства.

При этом могут осуществляться реальные сделки купли-продажи автомобилей, клиенты будут получать заказанные автомобили, но после этого набираются заказы, и автосалон перестает работать, обманув покупателей. Примером являются мошеннические действия по ч 4 ст. 159 УК РФ, генерального директора автосалона Воронина С.Б., который заведомо зная о неблагополучном финансово-хозяйственном состоянии организации и невозможности исполнения обязательств по поставкам автомобилей по договорам с покупателями, имел преступный умысел на хищение чужих денежных средств путем обмана и злоупотребления доверия [3].

Затем через процедуру фиктивного банкротства происходит ликвидация предприятия. Проблема раскрытия данного преступления состоит в доказывании умысла преступников, поскольку возникшие правовые отношения могут перейти в гражданско-правовую сферу.

Помимо вышеизложенной мошеннической схемы, преступления совершают непосредственно сотрудники автосалона, которые оформляют сделки с клиентами на покупку автотранспортного средства у производите-

ля. После продажи автомобиля, сотрудники автосалона присваивают себе полностью, либо частично денежные средства о заключенной сделки. Примером являются мошеннические действия по ч. 3 ст. 159 УК РФ, совершенное генеральным директором ООО «Юго-Запад Авто» Николаевым В.И., который используя свое должностное положение, действуя путем обмана, совершил хищение денежных средств, полученных от проданных автомобилей, принадлежащих потерпевшим [4].

Данная проблема актуальна в настоящее время, поскольку многие иностранные компании по производству автотранспортных средств прекращают, либо приостанавливают производственную и коммерческую деятельность на территории России, в связи с чем автосалоны могут начать процедуру банкротства, в том числе при наличии заказов на автотранспортные средства. Так, в середине 2022 г. в России была прекращена предпринимательская деятельность 101 автосалона [1].

В сложившейся ситуации оперативным сотрудникам органов внутренних дел (далее – ОВД) необходимо выявлять признаки противоправных деяний в сфере совершения сделок купли-продажи автотранспортных средств. Признаки преступления и способы его совершения взаимосвязаны и взаимозависимы между собой. Как отмечает Р.С. Белкин, «зная способ совершения преступления, представляется возможным выявить его признаки, и наоборот, – по признакам судят о способе» [5, с. 169]. Эффективность выявления признаков мошеннических действий зависит от знаний об исследуемом объекте.

При анализе уголовных дел рассматриваемых мошеннических действий, в сфере купили-продажи автотранспортных средств, можно выделить следующие поисковые признаки:

– заключение сделок купли-продажи, договорные обязательства по которым заведомо выполняться не будут (в связи с предоставлением в качестве предмета сделки автотранспортное средство, находящиеся в обременении третьих лиц);

– покупателю были предоставлены заведомо ложные сведения об автотранспорте и его владельце;

– оригинальные узлы, системы и (или) механизмы автомобиля были заменены на аналоги, поддельные запчасти (о чем покупатель не был поставлен в известность);

– на сайте автосалона перечислены все бренды;

– юридический адрес автосалона не указан на официальном сайте автопроизводителя;

– покупка автомобиля при использовании автокредитования.

– наличие обращений от граждан по факту неправомерных действий сотрудников автосалона, по которым приняты решения об отказе возбуждения уголовных дел;

– наличие исковых заявлений в суд по факту действий или бездействий сотрудников автосалона.

Также, с учетом фиктивного банкротства автосалонов, выделим следующие поисковые признаки при изучении документов организации:

– заключение договоров с заведомо неплатежеспособными контрагентами;

– внесение оплаты за не оказанные услуги или недоставленные автотранспортные средства;

– заключение и исполнение сделок, которые заведомо ухудшат финансовое положение автосалона;

– списание средств на расходы, наличие которые не подтверждено документами;

– оформление безнадежных долговых обязательств задним числом.

– наличие неисполненных заказов, по доставке автотранспортных средств, при финансовой возможности их осуществить.

Особое внимание необходимо уделить борьбе с мошенничествами, совершаемыми ОПГ. Отправным моментом следует считать выявление первичных оперативно-разыскных данных об участниках таких структур и их противоправной деятельности. Обобщение научной литературы, изучение уголовных дел и дел оперативного учета позволяет выделить поисковые признаки ОПГ в сфере криминального автобизнеса:

– наличие в регионе нераскрытых, сходных по способу совершения мошенничеств;

– наличие устойчивых межрегиональных противоправных связей;

– наличие коррупционных связей с правоохранительными органами;

– наличие централизованного руководства деятельностью;

– наличие у ее участников стереотипов определенных действий, связанных со специализацией ОПГ;

– наличие специальных помещений и соответствующего места посещения (авторынки, автосалоны, автомастерские и т.п.).

В свою очередь раскрытие рассматриваемых мошенничеств имеет свою специфику, связанную с процессом получения первичных сведений о проверяемом объекте и их анализом. В ходе раскрытия необходимо прослеживать преступные действия сотрудников автосалона, а также фиксировать их действия. Мошеннические действия выявляются и фиксируются путем проведения оперативно-разыскных и следственных мероприятий.

Тем не менее на первоначальном этапе выявления и раскрытия мошенничеств, совершенных сотрудниками автосалона необходимо установить потерпевших (лиц, имеющих имущественные споры с автосалонами и т.п.), с целью сбора следующих сведений:

– о способе поиска автомобиля для покупки (через интернет сайты или другие объявления автосалона, через знакомых);

– о юридическом адресе автосалона, где осуществлялось составление договора купли-продажи автотранспортного средства, либо передача автомобиля для продажи в автосалоне;

– о представителе автосалона, при заключении сделки, кто при этом присутствовал;

– о месте передачи автотранспортного средства;

– осуществлялся ли осмотр на специализированном автосервисе, кто из автомехаников проводил осмотр транспортного средства, какие недостатки были обнаружены;

– о лице, оформлявшего договор купли-продажи автотранспорта, в каком помещение происходила сделка или в каком автомобиле (может ли потерпевший опознать данное лицо, составить фоторобот).

– о способе оплаты по договору купли-продажи автомобиля;

– об условиях сделки;

– иные сведения, имеющие значение для выявления лиц, совершивших преступление [6, с. 169].

В дальнейшем следует, провести ОРМ, направленные на сбор информации в отношении учредителей, руководителей, директора, сотрудников автосалона, а также установить аффилированность с другими юридическими лицами. В процессе получения сведений, необходимо установить весь круг лиц, занимающихся мошенническими действиями, роль каждого участника ОПГ. Таким образом, необходимо получить сведения как о юридических лицах (автосалоне и иные организации, имеющие договорные отношения с автосалоном), так и физических лица (учредители, руководители, сотрудники). Данные сведения оперативный сотрудник получает с использованием информационного поиска. Важное место в этом отводится повсеместно внедряемым в деятельность ОВД системам и подсистемам интегрированных банков данных (ИПС «Следопыт-М», ИБД-Ф и др.).

При анализе уголовных дел в отношении ОПГ, занимающихся рассматриваемыми преступлениями, можно сделать вывод, что особое значение при фиксации действий преступников является проведение ОРМ: наблюдение, оперативный эксперимент или проверочная закупка. Данные ОРМ используются для фиксации сделки купли-продажи автотранспорта [6, с. 171].

Например, при планировании данных мероприятий возможен оперативный сценарий, при котором во время проведения ОРМ «проверочная закупка», необходимо зафиксировать попытку обмана при заключении сделки купли-продажи автомобиля. Это необходимо для установления факта противоправных действий со стороны работников автосалона.

После проведения комплекса оперативно-разыскных и оперативно-технических мероприятий необходимо их оценка с целью дальнейшего использования в уголовно-процессуальном доказывании. Только после этого принимать решение о задержании всех участников ОПГ, занимающихся мошенническими действиями при заключении договоров купли-продажи автотранспортных средств.

1. Статистические данные аналитического агентства «АВТОСТАТ» [Электронный ресурс]. URL: https://www.autostat.ru (дата обращения: 01.10.2022).

2. Гражданский кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс] от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ: в ред. от 1 июля 2021 г.: с изм. от 8 июля 2021 г. № 295 ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Приговор по делу № 1-16/2018, 1-264/2017 от 5 февраля 2018 г. [Электронный ресурс] // Архив Советского районного суда г. Тамбова. URL: http://sudrf.kodeks.ru/rospravo (дата обращения: 02.09.2022).

4. Приговор по делу № 1-844/17 [Электронный ресурс] // Архив г. Санкт-Петербурга. URL: http://sudrf.kodeks.ru/rospravo (дата обращения: 09.02.2022).

5. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: от теории – к практике. М.: Юрид. лит., 1988. 304 с.

6. Велиев Я.П. Особенности выявления и раскрытия мошенничеств, совершенных при оформлении сделок купли-продажи автотранспортных средств // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. Выпуск № 2 (97). С. 160–173.

Ключевые слова: автосалон, мошенничество, расследование, транспортные средства, оперативно-разыскные мероприятия.

УДК 343. 72

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Волкова Валерия Руслановна,
адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров,
Академия управления МВД России,
125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Статья посвящена рассмотрению отдельных вопросов наступления правовых последствий на примере норм уголовно-процессуального законодательства. Автором раскрыта сущность исследуемой правовой категории, предложена собственная дефиниция правовых последствий, приведены примеры последствий применения норм Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Правовые последствия – словосочетание, которое нередко употребляется законодателем при формулировании положений нормативно-правовых актов, а также в научной литературе. Несмотря на популярность

использования данной семантической конструкции, термин «правовые последствия» не имеет в настоящее время ни легального, ни доктринального определения.

Возникает ситуация, когда в различных отраслевых нормативных документах конкретизируется, какие именно правовые последствия наступают в связи с совершением конкретного деяния или наступлением события, которые являются юридическими фактам. Но что представляют собой правовые последствия до сих пор остается не полностью ясно. Именно поэтому определение правовых последствий и рассмотрение их сущности на общетеоретическом уровне представляется значимым и актуальным вектором исследования.

Существуют различные авторские интерпретации анализируемого понятия, которые в основном приводятся в научных статьях. Комплексного монографического исследования данной правовой категории за исключением монографии П.В. Васильева «Правовые последствия и квазипоследствия: постановка проблемы соотношения явлений» [1] научным сообществом не представлено.

Под правовыми последствиями мы предлагаем понимать основанное на нормативно-правовом акте (а также акте индивидуально-правового регулирования) изменение субъективных прав и юридических обязанностей адресата правовых предписаний, вызванное наступлением (совершением) юридического факта.

Как видно из предложенного определения, условием возникновения правовых последствий является нормативное закрепление положений законодательства, которые могут оказать воздействие на правовой статус участников правоотношений. Именно поэтому последствия и именуются правовыми, т.е. основанными на нормах права.

Наиболее часто правовые последствия наступают для лиц в рамках уголовных, административных и гражданских правоотношений. В зависимости от форм реализации права (соблюдение, исполнение, использование, применение) изменяется характер правовых последствий, лица, уполномоченные на их назначение (вынесение), а также возможность и пределы их пересмотра.

Нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства составляют большой пласт норм публичного права и регулируют значимые для общества отношения, связанные с совершением противоправных деяний и привлечением виновных лиц к установленной ответственности.

Если нормы уголовного права, являясь материальными нормами, закрепляют конкретные правовые последствия, которые могут наступить для субъекта за совершение того или иного преступления. То положения уголовно-процессуального законодательства представляют собой процессуальные нормы, т.е. регламентируют процедуру реализации материальных норм. Однако соблюдение или несоблюдение четко установленных законом

процессуальных положений также влечет за собой наступление правовых последствий.

Проиллюстрируем данные теоретические положения конкретными примерами из Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [2]. Согласно ч. 2 ст. 19 УПК РФ «каждый осужденный имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном УПК РФ». В случае вынесения приговора и вступления его в законную силу сам приговор будет являться актом индивидуально-правового регулирования, а факт его вступления в законную силу – юридическим фактом. Наличие судимости сказывается на правовом статусе лица, например, влечет для него новые обязанности, в частности связанные с соблюдением режима в исправительном учреждении, с изоляцией от общества и др. Но это также порождает для осужденного определенные права, например, право на обжалование судебного решения. Таким образом, наличие необходимых элементов (нормативной основы и юридического факта) сказывается на изменениях правового статуса адресата правовых предписаний.

В качестве еще одного примера можно привести уголовно-процессуальный институт реабилитации. В ч. 2 ст. 133 УПК РФ закреплен исчерпывающий перечень лиц, имеющих право на реабилитацию. Юридическими фактами, в частности, будут являться вынесение оправдательного приговора, отказ государственного обвинителя от обвинения и иные, установленные законом. Актом индивидуально-правового регулирования в данном случае будет судебное решение. Таким образом, у лица, незаконно подвергшегося уголовному преследованию, возникает право требовать возмещения вреда, т.е. правовые последствия признания его невиновным проявляются, в частности, в возникновении у него права на реабилитацию.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что сфера уголовных и уголовно-процессуальных отношений насыщена правовыми нормами, которые выступают условиями наступления правовых последствий. Данные последствия могут наступать для различных участников уголовного судопроизводства и выражаться в возникновении у них прав или наделении их определенными обязанностями. Правовые последствия при соблюдении установленных законом условий подлежат пересмотру в рамках существующих пределов (в частности, временном и субъектном). Таким образом, правовые последствия, представляя наибольший интерес для изучения с общетеоретических позиций, могут стать предметом исследования и в отраслевых областях знаний, что, безусловно, благотворно скажется на развитии юридической науки.

---

1. Васильев П.В. Правовые последствия и квазипоследствия: постановка проблемы соотношения явлений: монография. Ульяновск, 2021. 71 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 18 марта 2023 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

Ключевые слова: правовые последствия, уголовно-процессуальное законодательство, субъективные права, юридические обязанности, адресат правовых предписаний.

УДК 343.1

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ПРИЗНАНИЯ ЛИЦА ПОТЕРПЕВШИМ ПРИ НЕОКОНЧЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

Воронина Нина Анатольевна,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В настоящей статье автор исследует проблемные аспекты, связанные с признанием лица потерпевшим, в случае неоконченного преступления. В статье рассматриваются точки зрения ученых, а также судебная практика по заявленной теме. На основе анализа доктринальных подходов автор формирует собственную позицию относительно признания лица потерпевшим при неоконченном преступлении.

Проблематике, связанной с признанием лица потерпевшим при неоконченном преступлении, посвящено немало научных работ [1; 2], однако данная тема до сих пор остается дискуссионной и требующей особого внимания как со стороны ученых, так и правоприменителей. Отметим, что при неоконченном преступлении (покушении или приготовлении) создается угроза причинения вреда (физического, имущественного, морального). В свою очередь, это вызывает трудности в процедуре признания потерпевшим, так как дефиниция «потерпевший» не предполагает угрозу причинения какого-либо вреда. Сложность состоит в том, что оценить угрозу причинения морального вреда достаточно сложно, в отличии от физического и имущественного.

Напомним, что неоконченные преступления нашли правовую регламентацию в ст. 30 главы 6 УК РФ, где содержатся определения «покушение на преступление» и «приготовление к преступлению». Это указывает на межотраслевой характер заявленной темы, так как вопросы признания лица потерпевшим по уголовному делу при неоконченном преступлении стоят на стыке двух отраслей права: уголовного и уголовно-процессуального.

В научных кругах существуют различные позиции относительно признания лица потерпевшим при неоконченном преступлении. Рассмотрим более детально.

В.С. Шадрин отмечает, что даже при наличии угрозы причинения лицу вреда должны возникать основания для признания потерпевшим, так как его права были поставлены под угрозу [3, с. 164–165]. Схожей позиции придерживается Р.Д. Рахунов: «в тех случаях, когда вред не наступил, но была попытка причинения вреда, гражданин, против которого эта попытка направлена, тоже может быть допущен в качестве потерпевшего…» [4, с. 244].

На наш взгляд, представленные точки зрения являются весьма неоднозначными. Если говорить об угрозе причинения физического или имущественного вреда при неоконченном преступлении, то с мнением указанных выше авторов следует согласиться. Однако согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен не только физический, имущественный, но и моральный вред. Но может ли лицо быть признано потерпевшим по уголовному делу в случае угрозы причинения такому лицу морального вреда и как в таких случаях установить, достаточна ли степень причинения морального вреда для признания лица потерпевшим по уголовному делу? Ведь понятие угроза выступает оценочной категорией.

В свою очередь В.В. Иванов отмечает нецелесообразность расширительного толкования морального вреда, аргументируя свою позицию неспособностью достижения целей уголовного процесса при таком способе толкования [5, с. 98]. По мнению ученого, не может выступать основанием для признания лица потерпевшим угроза нарушения прав преступлением в силу того, что всякое преступление приводит к нарушению общественного порядка. Действительно, в реальной жизни не всегда имеет место широкое понимание морального вреда. Рассмотрим на примере.

Так, из приговора Шадринского районного суда Курганской области от 20 июля 2021 г. № 1-295/2021 следует, что 29 марта 2021 г. около 20 часов 30 минут Дымшаков И.А., имея при себе пневматический пистолет марки ПМ-49, находясь в общественном месте, в помещении магазина «Перекрёсток», грубо нарушая общественный порядок, выражая явное неуважение к обществу, желая противопоставить себя окружающим и продемонстрировать своё пренебрежительное отношение к ним, используя малозначительный повод, с целью применения насилия посредством использования вышеуказанного пистолета к ранее ему незнакомому Половинко А.В., находясь вблизи других граждан, достал указанный пистолет и, применяя его в качестве оружия, направил в сторону Половинко А.В. и произвел несколько выстрелов из пневматического пистолета марки ПМ-49 в Половинко А.В. Продолжая свои преступные действия, Дымшаков И.А. умышленно, из хулиганских побуждений, с целью оказания психологического воздействия на находившихся в помещении магазина граждан, взял в руку нож

и продемонстрировал его окружающим, которым пришлось опасаться за свою жизнь и здоровье, после чего с места совершения преступления скрылся. Своими преступными действиями Дымшаков И.А. причинил Половинко А.В. физическую боль и телесные повреждения, повлекших легкий вред здоровью по признаку кратковременного расстройства здоровья [6].

По данному уголовному делу потерпевшим был признан лишь гражданин Половинко А.В., которому непосредственного совершенным преступлением причинен вред, а именно телесные повреждения, повлекшие легкий вред здоровью. Другие граждане, вблизи которых совершалось данное преступление, а также на которых оказывалось психологическое воздействие, потерпевшими признаны не были, а лишь выступали свидетелями по данному факту. В случае расширительного толкования морального вреда (то есть включения в него не только реально причиненных нравственных или физических страданий, но и угрозы их наступления) данных граждан также следовало бы признать потерпевшими по уголовному делу, что весьма нецелесообразно.

Поддерживая мнение В.В. Иванова, отметим отсутствие необходимости в автоматическом признании лица потерпевшим в подобных случаях, когда каждую ситуацию следует оценивать отдельно. Обоснованно пишет В.А. Дубривный, «понятие морального вреда намного шире понятия физического или имущественного вреда, и во многом зависит от субъективных качеств лица, против которого направлено преступление. Один гражданин, узнав, что против него замышляется убийство, не придаст этому большого значения, но на другого это может произвести потрясающее впечатление. Вопрос о причинении того или иного вреда должен решаться по каждому конкретному делу в зависимости от обстоятельств» [7, с. 310].

Интересен подход Д.В. Шарова относительно разрешения этой проблемы. Так, по мнению ученого, вопрос «о реальном признании потерпевшим при неоконченном преступлении необходимо поставить в зависимость от волеизъявления самого лица, подвергшегося посягательству» [2, с. 91]. Тем самым Д.В. Шаров допускает предоставление потерпевшему права самостоятельно решить вопрос: желает ли он быть признанным потерпевшим или нет.

Сторонниками другого подхода выступают В.И. Рохлин, В.Г. Казанцев. Их позиция заключается в необходимости признания лица потерпевшим вне зависимости от причиненного вреда, в случаях покушения или приготовления против них преступления [8, с. 12]. Позволим себе не согласиться с мнением ученых в части всех видов вреда, которые могут быть причинены потерпевшему. На наш взгляд, в тех случаях, когда реальный моральный вред не был причинен, отсутствует сам по себе объект правовой защиты, так как права и интересы лица не были нарушены.

Резюмируя вышесказанное, мы пришли к выводу о необходимости дополнения в ч. 1 ст. 42 УПК РФ положением в части касающейся угрозы причинения физического и имущественного вреда – «потерпевшим призна-

ется физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или создается угроза причинения такого вреда, а также моральный вред…». Полагаем, что вопрос, связанный с угрозой причинения морального вреда, должен решаться в каждом случае отдельно, исходя из анализа всех обстоятельств той или иной ситуации и волеизъявления самого лица.

Итак, нами были обозначены лишь некоторые дискуссионные вопросы в сегменте признания лица потерпевшим в случае неоконченного преступления. Полагаем, что представленная тема требует дальнейшего межотраслевого анализа в целях оптимизации правоприменительной практики.

---

1. Кузовенкова Ю.А., Симиулина Я.В. Признание лица потерпевшим по уголовному делу // Правовая парадигма. 2017. № 3. С. 101–105.

2. Шаров Д.В. Некоторые вопросы признания лица потерпевшим при неоконченном преступлении // Юридические науки. 2013. № 7. С. 91.

3. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений М., 2000. 232 с.

4. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961.

5. Иванов В.В. Проблемы реализации и процессуальные гарантии конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2004. 214 с.

6. Приговор Шадринского районного суда Курганской области [Электронный ресурс]: от 20 июля 2021 г. № 1-295/2021. URL: https://sudact.ru/regular/doc/jW6qdZvy7nY4 (дата обращения: 15.12.2022).

7. Дубривный В.А. О потерпевшем в советском уголовном процессе // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства. Саратов, 1962. С. 310.

8. Рохлин В.И., Казанцев В.Г. Потерпевший в уголовном процессе // Адвокат. 2011. № 5. С. 11–15.

Ключевые слова: потерпевший, неоконченное преступление, признание потерпевшим, приготовление к преступлению, покушение на преступление.

УДК 343.1

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «НАБЛЮДЕНИЕ» ОТ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»

Габзалилов Вадим Фанилевич,
кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел, Уфимский юридический институт МВД России, 450103, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2;

Омелин Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД РФ, 123995, г. Москва, ул. Поварская, д. 25

В статье на основе анализа федерального законодательства об оперативно-разыскной деятельности, научной литературы, рассматривается понятие и содержание оперативно-разыскных мероприятий «оперативный эксперимент» и «наблюдение», также приводятся критерии их разграничения. Исходя из проведенного анализа ОРМ «наблюдение» и «оперативный эксперимент» авторы приходят к выводу, что «оперативный эксперимент» по сравнению с «наблюдением» имеет ряд преимуществ.

Оперативно-разыскные мероприятия (далее – ОРМ) являются важной составной частью оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД).

В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 28 декабря 2022 г.) (далее – ФЗ об ОРД) наблюдение и оперативный эксперимент включены в перечень ОРМ (пп. 6, 14 ч. 1 ст. 6), однако законодатель не раскрывает понятие и содержание указанных ОРМ, а также их содержательную сторону.

Рекомендательный Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», который был принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ в 2006 г., определяет ОРМ «наблюдение» как визуальное и иное восприятие и фиксация значимых для решения задач ОРД явлений, деяний, событий, процессов. Оперативный эксперимент в данном законе определяется как искусственное создание обстановки, максимально приближенной к реальности, с целью вызвать определенное событие либо воспроизведение события или проведение определенных опытов в полностью управляемых условиях и под контролем органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, с вовлечением лица, в отношении которого имеются данные о противоправной деятельности, без уведомления его об участии в оперативном эксперименте, в целях подтверждения совершения данным лицом противоправных действий.

Представляется, что к числу вопросов, требующих теоретического осмысления, относится вопрос о разграничении ОРМ «наблюдение» и «оперативный эксперимент». В этом плане обратим внимание, что функциональная (содержательная) часть оперативного эксперимента весьма специфична и включает в себя наблюдение за объектом оперативного эксперимента, включая его поведение в искусственно созданных оперативным сотрудником условиях. По нашему мнению наблюдение оперативного сотрудника за объектом оперативного эксперимента должно носить пассивный, «бездейственный» характер.

Раскрывая вопрос о разграничении наблюдения от оперативного эксперимента как самостоятельных ОРМ, следует, прежде всего, провести отличие по функциональной (содержательной) стороне указанных ОРМ.

Функциональная (содержательная) сторона ОРМ «наблюдение» существенно отличается от оперативного эксперимента тем, что в ходе его подготовки и проведения отсутствует процесс конспиративного создания искусственных условий с целью выявления преступлений и установления лиц, к ним причастных. Наблюдение за физическими лицами либо другими объектами ОРД происходит в естественных условиях и оперативный сотрудник – инициатор ОРМ не управляет этими условиями.

Анализ практической деятельности показывает, что функциональная сторона оперативного эксперимента включает:

определение намерений и действий объекта оперативной проверки за счет создания указанных условий;

негласное наблюдение (негласный контроль) за поведением проверяемого лица в искусственных (опытных) условиях.

Аналогичные выводы можно встретить и у других авторов. Так, П.Е. Спиридонов отмечает, что обстановка, в которой ведется наблюдение за объектом оперативной заинтересованности, не изменяется под воздействием субъекта наблюдения, как в оперативном эксперименте, она лишь фиксируется в том виде, в котором существует [1, с. 18].

В рамках сравнительного анализа разграничения оперативного эксперимента и наблюдения особое значение также приобретает вопрос об оперативно-тактических задачах (цели) рассматриваемых ОРМ.

Анализ оперативно-разыскной практики показывает, что оперативно-тактические задачи оперативного эксперимента могут носить различный характер в зависимости от поставленных целей проведения данного ОРМ.

ОРМ «наблюдение» имеет собственные оперативно-тактические задачи, которые можно сгруппировать следующим образом:

выявление и фиксация эпизодов преступной деятельности проверяемых лиц непосредственно в момент совершения ими преступлений;

установление связей проверяемых лиц, а также лиц, в различной степени и формах причастных к преступной деятельности объектов наблюдения, путем контроля за их непосредственными и опосредованными контактами;

выявление лиц, обладающих информацией, могущий иметь доказательственное значение, в том числе очевидцев преступлений, потенциальных свидетелей по уголовным делам и потерпевших от преступления, и закрепление этой информации;

выявление мест хранения, маршрутов перемещения, фактов передачи, приобретения, сбыта, уничтожения предметов и документов, представляющих ценность для будущего предварительного следствия по уголовным делам в качестве вещественных доказательств, а также фиксирование наблюдаемых событий;

контроль за поведением разрабатываемых с целью пресечения их попыток скрыться от следствия и суда, воздействовать на свидетелей, уничтожить вещественные доказательства, скрыть ценности, приобретенные преступным путем, установить негласные источники информации об их преступной деятельности и др. [2; 3, с. 44]

Суммируя изложенное, можно констатировать, что оперативно-тактические задачи, решаемые при проведении наблюдения и оперативного эксперимента, имеют существенные отличия.

В целях исключения провокации при подготовке к проведению оперативного эксперимента рекомендуется проведение иных ОРМ, подтверждающих подозрения о причастности лица к тому или иному преступлению. Поэтому в отдельных ситуациях наблюдение за проверяемым лицом может предшествовать оперативному эксперименту.

Отметим, что оперативный эксперимент и наблюдение также отличаются по условиям проведения, которые установлены законодателем. Так, оперативный эксперимент относится к ОРМ ведомственного санкционирования (проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД (ч. 7 ст. 8 ФЗ об ОРД). Проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ч. 8 ст. 8 ФЗ об ОРД).

Постановление о проведении оперативного эксперимента является основным документом, санкционирующим его проведение. Данное постановление позволяет обеспечить последующий контроль за действиями участников оперативного эксперимента.

Анализ практической деятельности показал, что в постановлении должны быть указаны:

- основания для проведения оперативного эксперимента в отношении объекта оперативной заинтересованности;

- признаки преступления, которые содержатся в действиях лица (лиц), в отношении которого (-ых) поступила оперативная информация;

- решение о проведении оперативного эксперимента.

Для проведения ОРМ «наблюдение» в свою очередь не требуется выполнения указанных условий.

Ведомственными нормативными правовыми актами оперативно-разыскных органов, регламентирующими организацию и тактику проведения ОРМ, установлены различные формы фиксации результатов, полученных при проведении оперативного эксперимента и наблюдения.

Исходя из проведенного сравнительно-правового анализа ОРМ «оперативный эксперимент» и «наблюдение» мы приходим к выводу, что «оперативный эксперимент» по сравнению с «наблюдением» имеет ряд преимуществ. При оперативном эксперименте интересующие оперативного сотрудника явления, обстоятельства могут изучаться в чистом виде, изолировано от связанных с ними причин и следствий; это ОРМ включает в себя и вмешательство в наблюдаемое явление, активное его преобразование и искусственное изменение процесса его течения и условий, в которых оно протекает.

---

1. Спиридонов П.Е. Эксперимент в оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 18.

2. Веденин А.В. Наблюдение как оперативно-розыскное мероприятие, особенности использования его результатов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир. 2012.

3. Турчин Д.А. Наблюдение – основной метод раскрытия преступлений // Рос. следователь. 2012. № 5. С. 40–44.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, наблюдение, оперативный эксперимент, оперативно-тактические задачи.

УДК 343.9

УТЕЧКА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ «ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ» РАССЛЕДОВАНИЯ

Гомозова Ольга Юрьевна,
слушатель 5 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2;

Чаплыгина Виктория Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассмотрены наиболее актуальные проблемы незаконной продажи персональных данных, поскольку в уголовной практике все еще

остаются нерешенные проблемы, влияющие на практику расследования дел данной категории, в связи с чем возникает острая необходимость в рассмотрении проблемных аспектов, возникающих в процессе использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет в расследовании и раскрытии преступлений.

В настоящее время информационно-телекоммуникационная сеть Интернет является неотъемлемой частью социальной жизни любого гражданина. Особенностью данной системы является тот факт, что человек способен использовать Интернет как в правомерных целях, так и в целях нарушения уголовного закона. Кроме того, рассматриваемая информационно-телекоммуникационная сеть имеет непосредственное значение для расследования уголовного дела в той части, что в ней содержится большое количество информации, могущей иметь доказательственное значение для хода уголовного дела. Несмотря на то, что Интернет используется практически каждым человеком, в уголовной практике все еще остаются нерешенные проблемы, влияющие на практику расследования дел данной категории, в связи с чем возникает острая необходимость в рассмотрении проблемных аспектов, возникающих в процессе использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет в расследовании и раскрытии преступлений. Рассмотрим статистические данные, касающиеся посягательств на персональные данные пользователей сети. Так, за январь–сентябрь 2022 года количество обращений, связанных с мошенничеством в сфере персональных данных, возросло на 10,5 % год к году. Число дел, доходящих до суда, выросло с 2020-го по 2022 г. на 60 % [1].

По нашему мнению, прогресс в данных цифрах обусловлен как ростом числа утечек данных, так и особым внимание государства к решению данной проблемы. Особое внимание следует уделить тому факту, что уголовные дела данной категории обладают наибольшей сложностью.

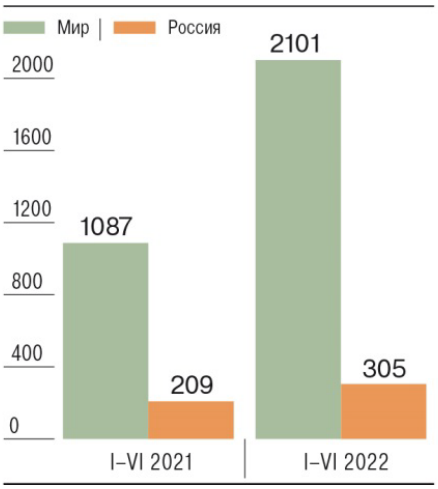

Рисунок 1. Число утечек данных в России и мире.

Приведем пример масштабной утечки данных в 2019 году, когда в России в 2019 году было зафиксировано 213 случаев утечки информации, в результате чего было скомпрометировано 128 млн записей конфиденциальных данных, в том числе относящихся к банковским картам и счетам, а также другая критическая информация. Об этом говорится в ежегодном исследовании группы компаний InfoWatch (есть у РБК), специализирующейся на корпоративной информационной безопасности.

Исследование проводилось на основе собственной базы аналитического центра InfoWatch, состоящей из анализа публичных сообщений об утечках. По числу утечек персональных данных в России в 2020 году лидировали госорганы (21,6 %), высокотехнологичные компании (14,65), образовательные учреждения (13,6 %) и банки (11,75). В мире лидерство принадлежит медучреждениям – более 25 % случаев. В распределении категорий по виновникам утечек преобладают рядовые сотрудники – 56 %, в то время как на долю привилегированных пользователей – руководителей и системных администраторов, приходится около 4 % инцидентов. Еще более 3 % утечек пришлось на подрядчиков, 38 % на внешних по отношению к организации злоумышленников. В России статьей 137 УК РФ предусмотрено уголовное наказание за несанкционированное использование персональных данных о частной жизни гражданина без его согласия [2].

Под несанкционированным ознакомлением следует понимать: отсутствие разрешения на ознакомление хотя бы от одного из участников процесса обмена информацией; отсутствие судебного основания на ознакомление с перепиской других лиц. Право на получение необходимой информации в виде материалов дела в системе МВД определяется возможностью ознакомления с ними по требованию лица в соответствии с его потребностью и объективным интересом. Исключения составляют материалы, которые имеют закрытую информацию для пользователей или распространяются в кругу ограниченного числа лиц. Соблюдение этих правил основано на уважении конституционных прав человека и соблюдении его законных интересов. Итак, ответственность за отказ в предоставлении информации, вменяется в соответствии со статьей 140 УК РФ.

«Черный рынок» традиционно определяется как место незаконного обмена товарами и услугами. Очевидно, что существуют такие виды товаров и услуг, продажа которых разрешается законом. Однако в некоторых случаях этот процесс осуществляется без официального оформления (без получения лицензии, без учета налогов или без соблюдения других необходимых требований). В этом случае покупка и продажа товаров и услуг попадает в категорию «черного рынка». Есть также товары и услуги, продажа которых вообще запрещена законом (например, наркотики, торговля людьми и т.д.). Закон не разрешает покупку и продажу персональных данных без разрешения владельцев. Следовательно, незаконная покупка и продажа такой информации также попадает в категорию «черного рынка». Следует отметить, что купля-продажа персональных данных – это новый вид бизне-

са, который становится все более актуальным в связи с развитием Интернета и других информационных технологий, электронных сервисов, виртуальных отношений.

Персональные данные тогда становятся предметом торговли, когда определенная категория людей заинтересована в их использовании для бизнеса и других целей. Одна из основных причин широкого использования персональных данных на «черном рынке» заключается в том, что эта сфера пока не регулируется законодательством. В настоящее время законодательство ни одной страны не признает какую-либо информацию, в том числе персональные данные, предметом продажи. Поэтому такие выражения, как «покупка и продажа персональных данных», «кража персональных данных» юридически описать сложно.

На данный момент только Закон «О защите персональных данных потребителей», принятый штатом Калифорния и вступивший в силу 1 января 2020 года, предусматривает куплю-продажу персональных данных [3]. Согласно этому закону, продажа персональных данных – это предоставление компанией персональных данных потребителя в коммерческих целях третьей стороне в устной, письменной, электронной или других формах за плату. В данном случае речь идет о продаже персональных данных, собранных компанией от потребителей, которых она обслуживает, третьему лицу, которое желает использовать эту информацию в коммерческих целях для получения дохода. То есть этот закон не регулирует прямые отношения между владельцами персональных данных и их получателями. Эксперты прогнозируют, что такой правовой механизм в будущем будет применяться на всей территории США, а также в других странах. Термин «кража персональных данных» как юридическое понятие в настоящее время отражен только в законодательстве США и Великобритании [4]. «Кража персональных данных» означает захват такого типа информации другими лицами различными скрытыми способами в коммерческих, мошеннических или других преступных целях без разрешения самого владельца персональных данных. В законодательствах многих странах такие действия, как кража персональных данных, описывается как «нарушение неприкосновенности личной жизни», «несанкционированный доступ к компьютерной информации» и т.д. Однако, несмотря на то, что эти юридические вопросы еще не решены, персональные данные как предмет купли-продажи уже давно пользуются большим спросом для целей Big Data. Отметим, что Big Data – это одна из основных технологических и экономических тенденций в мире. Одна из основных характеристик персональных данных – это их ценность.

Ценность персональных данных определяется целью человека, который ее ищет. Как и в случае с другими предметами торговли, рыночный закон спроса и предложения играет важную роль в определении ценности персональных данных. Цена при продаже персональных данных на «черном рынке» зависит от социального статуса и финансовых возможностей людей. Для формирования кадрового состава этого «черного рынка труда» ор-

ганизуются специальные хакерские курсы. В большинстве случаев оплата на «черном рынке» производится в криптовалюте, что очень затрудняет борьбу с подобной киберпреступностью.

На формирование цен персональных данных на черном рынке влияют несколько факторов. Во-первых, как и в нормальной экономике, на «черном рынке» действуют законы спроса и предложения. Вторым фактором является остаток на счете – если на кредитной карте доступная сумма в достаточном количестве, то и цена будет высокой. Третий фактор – это высокий бал стабильности карт лояльности (loyalty cards), что также увеличивает их ценность. Наконец, ценность персональных данных может зависеть от их повторного использования. То есть возможность повторного использования увеличивает ценность этих данных. Например, клиенты «черного рынка» платят больше за многоразовую кредитную карту, чем за одноразовую подарочную карту. Незаконная продажа персональных данных часто осуществляется в Интернете. Для оказания подобных незаконных услуг широко используется скрытая сеть DarkNet. Доступ к этой сети возможен с помощью специального программного обеспечения. Анонимность членов этой сети защищена, и они обязаны осуществлять куплю-продажу посредством биткоина и других криптовалют. На «черном рынке» корпоративные данные обычно более ценны, чем персональные. Поэтому преступники больше нацелены на персональные данные, которые собираются и хранятся на предприятиях и в организациях, что делает их более уязвимыми.

Киберпреступники сортируют и инвентаризируют любую незаконно изъятую информацию без разрешения владельца, прежде чем выпустить ее на рынок. Данным, которые считают ценными, они назначают более высокую цену. А то, что, по их мнению, менее ценно, они собирают и массово продают за небольшую плату. Хакеры и посредники с «черного рынка» пытаются по возможности быстро провести процесс купли-продажи украденных персональных данных, потому что их владельцы стараются принять ответные меры, как только узнают о краже. Если какие-либо персональные данные являются актуальными, надежными и полными, то они считаются ценным ресурсом для бизнеса. Персональные данные, обладающие всеми этими свойствами, пользуются большим спросом на «черном рынке». Однако, поскольку такого рода информация приобретается нелегальным путем, проверить ее невозможно.

На «черном рынке» персональных данных предлагаются следующие услуги: местонахождение мобильного абонента в режиме реального времени; идентификация лиц, находящихся в зоне охвата мобильного абонента в режиме реального времени; − список лиц, с которыми абонент общается по мобильному телефону и другая информация; информация о географическом местоположении, времени и траекториях движения человека; информация о личном имуществе человека, его банковских счетах и т.д.; персональные данные, собираемые на серверах провайдеров при использовании интернет-сервисов и т.д.

На «черном рынке» персональные данные покупают для различных видов деятельности. Но в большинстве случаев конечная цель одна – получить прибыль. Есть разные способы незаконного заработка денег с помощью персональных данных. Рост количества компаний, специализирующихся на аналитике Big Data, разработке программного обеспечения для автоматизации маркетинговых процессов, быстро увеличивает спрос на персональные данные на «черном рынке» [5. с. 80]. В цифровом маркетинге существует наибольший спрос на информацию, которая служит следующим целям [6]: повышение эффективности интернет-компаний; точный таргетинг рекламных кампаний; анализ профилей и интересов пользователей; разработка наилучших продуктов и услуг.

На основе анализа полученных персональных данных коммерческие компании определяют целевую аудиторию, применяют индивидуализированные, адресные рекламные технологии. Таким образом, когда люди используют различные поисковые системы, социальные сети, онлайн-сервисы в Интернете, собирается информация об их желаниях, потребностях, образе жизни, увлечениях, которая становятся очень полезной для рекламной и маркетинговой деятельности. Одно из самых распространенных преступлений – кража финансовой информации чужих кредитных карт, банковских счетов и т.д. и присвоение их денег. Для получения такой информации используются различные технологии, характерные для физической и виртуальной среды.

В некоторых случаях персональные данные необходимы для создания и продажи поддельных документов. В других случаях – вымогают деньги, шантажируя людей после изъятия их персональных данных. Кроме того, криминальные группы, получив информацию о наличии у кого-то ценного имущества, пытаются заполучить его. Персональные данные также могут быть предметом политической борьбы. Так, политические оппоненты, получив незаконным путем персональные данные другой стороны, могут использовать их для снижения ее политического престижа. Персональные данные также могут использоваться иностранными спецслужбами в политических и идеологических целях. В этом случае персональные данные становятся объектом национальной безопасности.

Для эффективной борьбы с «черным рынком» персональных данных важно усовершенствовать соответствующее законодательство и усилить меры по борьбе с киберпреступностью. С технологической точки зрения ответственность за решение важных задач ложится на учреждения, реализующие государственную политику по усилению защиты персональных данных, а также предприятия и организации, оказывающие различные услуги гражданам [7, с. 270]. Сами граждане должны заботиться о своих персональных данных, правильно обращаться с ними, учитывать особенности виртуальной среды. Особое внимание следует уделить формированию у них культуры информационной безопасности. Кроме того, чтобы эффективно использовать персональные данные для нужд Big Data, необходимо разработать и внед-

рить механизмы их анонимности [8, с. 30]. В настоящее время функционирующие в этой сфере международные органы обсуждают создание соответствующих юридических механизмов, позволяющих людям пользоваться своими персональными данными, получая при этом доход [9, с. 30], для чего, прежде всего, важно, чтобы каждый получил право на собственность своих персональных данных. Стоит согласиться с В.Ф. Васюковым и А.Д. Цыплаковой в том, что «…незаконный доступ к персональным данным может стать серьезной угрозой национальной безопасности» [10, с. 121].

В связи с выше обозначенным полагаем необходимым защиту персональных данных рассматривать как неотъемлемую часть национальной безопасности, при этом учитывая, что большие данные, в которых персональные данные имеют особый вес, сравниваются с запасами нефти с точки зрения их стратегической важности и преимуществ. Следовательно, необходимо сделать так, чтобы и права людей на неприкосновенность частной жизни, и национальная безопасность были обеспечены на высоком уровне, а также чтобы была возможность использовать персональные данные в полезных целях.

---

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677.

2. Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

3. Dayman D. CCPA Sell Definition, 29 September, 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.osano.com/articles/ccpadefinition-sell (дата обращения: 20.04.2023).

4. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (дата обращения: 20.04.2023).

5. Колычева А.Н. Понятие криминалистической фиксации доказательств, размещенных на ресурсах сети интернет // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 1 (82). С. 75–81.

6. Spiekermann S., Böhme R., The challenges of personal data markets and privacy [Электронный ресурс] // Electronic Markets, June 2015. URL: https://www.eprofing.springer.com/journals/printpage (дата обращения: 20.04.2023).

7. Чаплыгина В.Н., Черкасова Е.А., Рудов Д.Н. Особенности расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Современный ученый. 2023. № 1. С. 267–271

8. Воробей С.Н. Проблемы правовой регламентации процессуального порядка изъятия электронных носителей и копирования содержащейся на них информации // Полицейская и следственная деятельность. 2021. № 2. С. 26–31.

9. Васюков В.Ф., Адигамов А.И. Международный опыт противодействия преступлениям, совершаемым с применением информационно-телекоммуникационных технологий // Взаимодействие правоохранительных органов и специальных служб государств участников СНГ в сфере борьбы с преступностью: международная научно-практическая конференция. М., 2021. С. 25–30.

10. Васюков В.Ф., Цыплакова А.Д. Проблемы противодействия преступлениям, совершаемым с применением информационно-телекоммуникационных технологий: российский и международный опыт // Современное государство и правовая система: материалы международной научно-практической конференции преподавателей и аспирантов. Смоленск, 2021. С. 117–124.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, информация, персональные данные, безопасность, черный рынок, торговля.

УДК 343.1

ОБЩЕЕ УСЛОВИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ – МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СОХРАННОСТИ ИМУЩЕСТВА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)

Грачева Анастасия Сергеевна,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В рамках статьи рассмотрены проблемные вопросы, связанные с реализацией общего условия предварительного расследования, предусмотренного ч. 2 ст. 160 УПК РФ, предложена дефиниция мер по обеспечению сохранности имущества подозреваемого (обвиняемого) и их разграничения с понятиями «охрана» и «защита». Предложено авторское видение значения обозначенных мер с точки зрения обеспечения прав подозреваемого (обвиняемого).

Смысл ст. 160 УПК РФ ориентирует на значимые правовые установления, касающиеся обязанности следователя, дознавателя применять меры к обеспечению сохранности имущества подозреваемого или обвиняемого, в случае его задержания или заключения под стражу.

Дефиниция указанного понятия не определена ни в законодательстве, ни в теории уголовно-процессуального права. Необходимость в обеспечении сохранности имущества возникает лишь в тот момент, когда следователь, дознаватель применяет меру процессуального принуждения: задержа-

ние или заключение под стражу, а соответственно, возможность осуществления постоянного присмотра и реализации прав субъекта (подозреваемого или обвиняемого) в сфере распоряжения и пользования собственностью ограничивается. При этом, если фактически имущество находится в совместном владении или пользовании подозреваемого или обвиняемого и другого лица, находящегося на свободе, обязанность по применению мер по обеспечению сохранности не возникает.

Традиционно в качестве ключевых категорий механизма обеспечения права собственности, неприкосновенности жилища выступают «защита» и «охрана». Однако в уголовном судопроизводстве используется понятие «обеспечение сохранности» применительно к вещественным доказательствам, предмету залога и, наконец, имуществу подозреваемого или обвиняемого.

Недостаточно полная правовая определенность приводит к существованию противоречивых позиций о содержании и соотношении понятий: «защита», «охрана», «обеспечение сохранности» имущества. Одной из функций права является охранительная функция, к ней и относятся указанные категории. В связи с этим достаточно часто данные понятия взаимозаменяются или используются в качестве синонимов. Опираясь на их лексическое значение, можно с уверенностью заключить, что они не тождественны.

Совокупный анализ юридической литературы позволил обобщить различные точки зрения относительно соотношения понятий «защита» и «охрана» имущественных прав:

1) понятия являются тождественными, представляют собой систему правового регулирования общественных отношений, направленных на предупреждение правонарушений, а в случае их нарушения устанавливают ответственность (Г.Н. Стоякин) [1];

2) понятие «охрана» является общерегулятивным, в отличие от «защиты», которая носит правоохранительный характер (Т.Б. Шубина) [2];

3) понятие «охрана» носит более общий характер, чем «защита» (А.С. Дежнев) [3].

В Словаре Д.Н. Ушакова «сохранность» – сохранение в полной целостности, в наличии [4], или в словаре Т.Ф. Ефремовой – это «целый, невредимый[5]».

Термин «сохранность» употребляется в гражданском законодательстве, а именно в ст. 343 Гражданского кодекса РФ [6] «Содержание и сохранность заложенного имущества», где определено, что необходимые меры по обеспечению сохранности заложенного имущества включают его охрану, а также поддержание в исправном состоянии.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что в науке отсутствует единый подход применительно к объему и содержанию понятий «защиты», «охраны» и «обеспечения сохранности». На основании анализа соотношение этих категорий представляется нам следующим: они неравно-

значны, недопустимо их взаимозаменение как в теории, так и в правоприменительной практике. На наш взгляд, понятие «охрана» поглощает собой «обеспечение сохранности», но не включает «защиту», поскольку не выполняет восстановительной функции [7]. Их реализация осуществляется в разных правовых направлениях: «охрана» и «обеспечение сохранности» имеют превентивный характер, тогда как «защита» возможна лишь как ответная мера на нарушение права участника уголовного судопроизводства [8].

Интересным представляется мнение, согласно которому меры по обеспечению сохранности имущества относятся к мерам имущественного принуждения, наряду с мерами пресечения имущественного характера [9]. Раскрывая перечень мер по обеспечению сохранности имущества, И.Б. Тутынин включает в него наложение ареста на имущество; меры по обеспечению сохранности имущества обвиняемого или подозреваемого, распространяя их как на случаи задержания и заключения под стражу, так и на помещение в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы; отказ в удовлетворении ходатайства обвиняемого (подозреваемого), заключенного под стражу об участии в гражданско-правовых сделках [9]. Безусловно, задержание, заключение под стражу и помещение в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы – связано не только с психическим и физическим принуждением, но и имущественным. Однако нельзя согласиться с тем, что меры по обеспечению сохранности имущества являются его разновидностью.

Данные меры, по сути, формируют правовую основу по снижению негативных социальных последствий применения мер процессуального принуждения: задержания или заключения под стражу в упомянутой сфере, однако изначальный позитивный потенциал нивелируется отсутствием ясного алгоритма действий следователя, дознавателя в конкретной ситуации, что ставит под сомнение саму возможность исполнения воли законодателя.

На основании вышеизложенного, авторская дефиниция *мер по обеспечению сохранности имущества* представляет собой создание условий, способствующих нормальному функционированию и сохранению имущества подозреваемого или обвиняемого путем привлечения к участию нотариуса для заключения гражданско-правовых сделок, передачи близкому родственнику, родственнику или иному лицу на ответственное хранение, применения мер, исключающих ограничение или переход права собственности.

---

1. Стоякин Г.Н. Понятие «защита гражданских прав» // Проблемы гражданско-правовой ответственности защиты гражданских прав. Свердловск, 1973. С. 30–35.

2. Шубина Т.Б. Теоретические проблемы защиты права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 5–6.

3. Дежнев А.С. Охрана интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. С. 20.

4. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Хит-книга, 2020.

5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. URL: https://www.efremova.info.

6. Гражданский кодекс Рос. Федерации (часть первая) от 21 октября 1994 г.: по состоянию на 25 февраля 2022 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

7. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. С. 88.

8. Макарова З.В. Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы // Правоведение. 2000. № 3. С. 215–227.

9. Тутынин И.Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 42.

Ключевые слова: обеспечительные меры; задержание; заключение под стражу; защита; охрана; обеспечение сохранности имущества.

УДК 343.1

СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Григорьева Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12;

Костина Елена Александровна,
следователь Отдела полиции «Центральный»,
Следственное управление УМВД России по Тульской области,
300041, г. Тула, ул. Староникитская, д. 7

Статья посвящена деятельности следователя на завершающем этапе досудебного производства. Авторы выделяют основные элементы окончания предварительного следствия, составляющие комплекс процессуальных действий, последовательность которых находится в непосредственной зависимости от вида (формы) окончания расследования.

В теории уголовного процесса нет определенной четко-выраженной структуры действий следователя общей для всех видов этапа окончания предварительного следствия, точно также как нет таковой регламентации и в уголовно-процессуальном законодательстве. Поэтому, можно прийти к выводу, что окончание предварительного следствия является комплексом действий, последовательность которых находится в непосредственной зависимости от выбора вида (формы) в которой завершается расследование. В настоящее время законодатель предусмотрел пять видов, которыми может окончиться следствие: 1) постановление о прекращении уголовного дела; 2) постановление о направлении уголовного дела в суд, для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера; 3) составление обвинительного заключения; 4) постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; 5) постановление о прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего лица с применением принудительной меры воспитательного воздействия.

Концентрация всех этих форм под эгидой: «Окончание предварительного следствия» отнюдь не случайна. Обусловлен данный факт тем, что все вышеуказанные виды обладают единой правовой природой, и сходными нормами, относящимися к порядку их производства, в связи с чем, обособленное изучение конкретных форм окончания предварительного следствия, без рассмотрения их общей направленности не позволяет в полной мере изучить сущность заключительного этапа предварительного расследования.

Принимая решение о завершении расследования, следователь должен быть уверен, что все необходимые следственные и процессуальные действия проведены, а дело исследовано полно, всесторонне и объективно, к тому же с безукоризненным соблюдением всех предписаний уголовно-процессуального законодательства. Укрепить уверенность в правильности проведенного расследования позволяет проведение оценки и анализа собранных доказательств. Выявленные доказательства, полученные незаконным путем, теряют свое доказательственное значение, следовательно, борьба с преступностью ослабевает, совершившие преступления лица остаются безнаказанными, поэтому проведение оценки представляется довольно значимым элементом в структуре уголовно-процессуальной деятельности следователя на завершающем этапе [1].

Вторым, но не менее значимым элементом представляется уведомление заинтересованных лиц о завершении расследования и разъяснение им прав на ознакомление с материалами уголовного дела. Рассматриваемое уведомление имеет процессуальную форму в виде протокола и запрещает лицу, уполномоченному проводить расследование, совершать в дальнейшем какие-либо следственные действия. Однако, следователь наделяется правом их совершения, в случае принятия решения об удовлетворении хо-

датайства, поступившего в процессе ознакомления с материалами уголовного дела от заинтересованного лица.

Третьим элементом является систематизация материалов уголовного дела, которая заключается в упорядочивании собранных доказательств в соответствии с определенными правилами делопроизводства. Между тем законодатель не акцентирует внимание на данном процессе, указывая лишь некоторые документы, которые должны следовать друг за другом, к примеру, ч. 8 ст. 166 УПК РФ предписывает, что фотографические негативы, фонограммы и другие фиксирующие ход и результаты следственных действий документы должны находиться непосредственно за протоколом данного следственного действия. Тем не менее правильное оформление имеет большое практическое значение в связи с тем, что экономит время, направленное на изучение существа дела [2]. Элементами процесса придания материалам необходимой структуры являются: формирование томов уголовного дела; нумерация листов дела; составление описи и сшивание, входящих в дело материалов.

Четвертым элементом является ознакомление участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела, по завершении которого составляется соответствующий протокол. Порядок такого ознакомления законодателем предусмотрен в ст. 216–219 УПК РФ. Указанные статьи относятся к главе 30, поименованной как «Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору», однако, данный факт не означает, что право на знакомство с материалами уголовного дела, участвующие лица приобретают лишь в случае окончания предварительного следствия вышеуказанным видом. К примеру, рассматривая производство о применении принудительных мер медицинского характера, а именно ст. 439 УПК РФ, в части третьей можно заметить, что ознакомление как процедура, обеспечивающая доступ заинтересованных в исходе дела лиц к собранным по уголовному делу материалам, проистекает в порядке и по правилам, изложенным в ст. 216–219 УПК РФ. Изучая производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, обращаясь к ст. 420 УПК РФ, следует отметить, что оно осуществляется в общем порядке, который предусмотрен частями 2–3 УПК РФ, соответственно порядок производства ознакомления с материалами уголовного дела, регламентированный в части, относящейся к окончанию следствия с составлением обвинительного заключения будет совпадать с производством ознакомления и при других видах завершения расследования. Изучая более подробно порядок ознакомления, следует заметить, что первыми будут знакомиться: потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, если они заявят соответствующее ходатайство. При этом гражданский истец, гражданский ответчик и их представители имеют право знакомиться только с материалами, касающимися гражданского иска. Далее к ознакомлению приступает обвиняемый и его защитник, которые могут знакомиться как вместе, так и раздельно. Важной особенностью ознакомления является то, что участники могут ис-

следовать материалы уголовного дела, представленные не только на бумажном носителе, но также они имею право ознакомиться со всеми имеющимися вещественными доказательствами.

Окончание ознакомления оформляется процессуальным документом, которым является протокол. В это время уполномоченное должностное лицо, продолжая осуществлять действия, входящие в этап окончания предварительного следствия переходит к пятому элементу заключительного этапа расследования, которым является разъяснение участникам прав об обращении к следователю с ходатайством или иным заявлением, при наличии которых он их принимает, фиксирует и рассматривает, после чего выносит постановление. Именно в этот момент у следователя могут возникнуть основания о производстве тех дополнительных следственных действий, о которых говорилось ранее. Результаты, полученные при производстве таких действий, вкладываются в имеющийся материал, после чего участников процесса знакомят с дополнительными документами. Повторное ознакомление может быть рассмотрено в качестве отдельного элемента заключительного этапа, как это указывается профессором Н.С. Мановой, в учебном пособии, посвященном уголовному процессу [3]. Однако, на наш взгляд вышеописанные действия необходимо рассматривать в совокупности, так как при разрешении ходатайств как следствие, будет возникать необходимость дополнительного ознакомления.

Шестым элементом заключительного этапа расследования является выбор вида окончания предварительного следствия, от чего будет зависеть процессуальный документ, подводящий итог расследованию. Также на заключительном этапе досудебного производства могут быть осуществлены другие процессуальные действия, например: принятие следователем мер к устранению пробелов, выявленных в ходе оценки доказательств; направление материалов уголовного дела или копии иного составленного по результату расследования итогового документа прокурору; вынесение представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления; деятельность прокурора, направленная на проверку правильности выводов, сделанных следователем; реализация иных процессуальных решений, например, таких как принятие мер направленных на реабилитацию лица при прекращении уголовного дела. К тому же в рамках рассматриваемого этапа следует сказать и о вне процессуальной деятельности следователя, которая заключается в действиях прямо не предусмотренных законодателем в связи с их малозначительностью для процесса расследования, к примеру, составление статистических карточек, а именно формы 1.1, из которой строится статистика в целом, в связи с тем, что в ней отмечаются все результаты, полученные в ходе расследования.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что окончание предварительного следствия является этапом, состоящим из целого комплекса процессуальных действий, направленных на полную, всестороннюю и объективную проверку материалов дела, собранных в процессе расследо-

вания, а также на обеспечение прав и интересов участников уголовного судопроизводства, что в совокупности способствует формулированию и обоснованию следователем определенных выводов в итоговом для досудебного производства документе, в целях направления его по назначению.

---

1. Багрян А.А. Некоторые проблемы подведения итогов предварительного следствия // Закон и право. 2021. № 10. С. 140–143.

2. Зенченко Л.Е. К вопросу о систематизации материалов уголовного дела в отношении двух и более обвиняемых // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 211–213.

3. Манова Н.С. Российский уголовный процесс: учебник. М.: Дашков и К, Ай Пи Эр Медиа, 2010.

Ключевые слова: предварительное следствие, окончание, уведомление, ознакомление, материалы уголовного дела.

УДК 343.1

ПОДСЛЕДСТВЕННОСТЬ КАК ОБЩЕЕ УСЛОВИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

Данг Вьет Хынг,
помощник следователя милиции района Бадинь города Ханоя,
Министерство общественной безопасности
Социалистической республики Вьетнам

В статье исследуются понятие и виды подследственности в Социалистической Республике Вьетнам. Проведенный сравнительно-правовой анализ позволил автору выявить проблемы ее применения в уголовном судопроизводстве Вьетнама, а также предложить пути совершенствования.

Важная роль в формировании общих условий предварительного расследования, определяющих единообразный порядок уголовно-процессуальной деятельности по уголовному делу, в России и Вьетнаме отводится подследственности (ст. 151 УПК РФ, ст. 163 УПК СРВ [5]).

Следует отметить, что в России подследственность определяется как совокупность признаков уголовного дела, в зависимости от которой уголовно-процессуальный закон относит его к компетенции того или иного органа предварительного расследования [1, с. 76]. Правоприменительная практика в России, взяв за основу совокупность признаков уголовного дела и компетенцию органов предварительного расследования, выделяет предметную

(родовую), территориальную, персональную, альтернативную (смешанную) подследственность и подследственность по связи уголовных дел.

Наука уголовно-процессуального права Вьетнама определяет подследственность в уголовном судопроизводстве как совокупность прав и обязанностей компетентных органов по расследованию преступных деяний, выяснению доказательств, установлению вины, доказыванию невиновности, отягчающих и смягчающих обстоятельства, установлению последствий преступления [2, с. 26].

Анализ показывает, что определение подследственности на основе правового статуса органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с одной стороны, вытекает из истории развития уголовного судопроизводства и взаимосвязано с основами формирования стадий в уголовном процесса Вьетнама. С другой – имеет более упрощенную форму реализации, связанную с деятельностью органов, осуществляющих производство по уголовному делу.

Следует отметить, что во Вьетнаме имеется только одна форма: предварительное следствие. При этом прокурор осуществляет не только прокурорский надзор и уголовное преследование, но производство по уголовному делу на различных этапах предварительного расследования. Более того досудебное производство Вьетнама, в отличие от Российской Федерации, предусматривает 3 стадии. Третья стадия – это стадия принятия решения об обвинении прокурором, по окончании которого им принимается соответствующее решение (прокурорское заключение; возвращение уголовного дела на дополнительное расследование; приостановление или прекращение уголовного дела).

Как показывает анализ, в юридической литературе Вьетнама при определении подследственности выделяют следующие признаки: 1) организационная система (вид) следственного органа, т.е. исходя из конкретного наименования ведомства; 2) децентрализация следственного органа, т.е. система организации следственных органов внутри ведомства; 3) территория (место) совершения преступления [3, с. 25; 4, с. 42]. Данные признаки нашли отражение в ч. 5 ст. 163 УПК СРВ.

Как показывает анализ, указанные виды подследственности не раскрывают всех особенностей предварительного расследования во Вьетнаме и не учитывают иные обстоятельства, связанные с субъектом совершения преступления (персональная подследственность), совершение преступлений, квалифицируемых по разным составам (альтернативная подследственность, подследственность по связи дел). Кроме того не учитывается то, что признаки подследственности распространяются и на другие статьи об общих условиях предварительного расследования.

Указанные обстоятельства способствуют тому, что положения об общих условиях предварительного расследования во Вьетнаме, характеризующие подследственность уголовных дел, определяют, во-первых, виды следственных органов, осуществляющих производство по уголовному делу

в полном или сокращенном объеме (ст. 163 УПК СРВ, глава XXXI «Сокращенное производство») и производящих отдельные процессуальные действия в установленный законом период времени (ст. 146, 164 УПК СРВ).

Обращает на себя внимание, что положения о подследственности не определяют конкретные статьи уголовного кодекса Социалистической Республики Вьетнам [6], так как их описание имеет ограниченный характер. В отличие от ст. 150 и 151 УПК РФ, подследственность уголовных дел во Вьетнаме определяется отдельным Законом об организации органов предварительного расследования от 26 ноября 2015 г. № 99/2015/QH13 [7].

Например, согласно указанному Закону, следственные органы Министерства общественной безопасности расследуют уголовные дела о преступлениях, предусмотренных главой XIII, главой XXVI, а также преступлениях, предусмотренных статьями 207, 208, 282, 283, 284, 299, 300, 303, 304, 305, 309, 337, 338, 347, 348, 349 и 350 УК СРВ, когда такие преступления подпадают под юрисдикцию народных судов.

По нашему мнению, представляется целесообразным подследственность уголовных дел всех следственных органов Социалистической Республики Вьетнам изложить в нормах уголовно-процессуального закона в соответствующих статьях. Данное изменение позволит сконцентрировать в кодифицированном законе, регулирующем уголовное судопроизводство, нормы материального права, определяющие подследственность следственных органов.

Таким образом, установленные в ч. 5 ст. 163 УПК СРВ виды подследственности не раскрывают всех особенностей предварительного расследования во Вьетнаме и не учитывают иные обстоятельства, связанные субъектом совершения преступления (персональная подследственность), совершение преступлений, квалифицируемых по разным составам (альтернативная подследственность, подследственность по связи дел), а также то, что признаки подследственности распространяются и на другие статьи об общих условиях предварительного расследования (ст. 146, 163, 164 УПК СРВ, глава XXXI «Сокращенное производство»).

---

1. Словарь по уголовно-процессуальному праву (досудебное производство) / под ред. М.В. Мешкова. М.: Московский университет МВД России, 2005. С. 76.

2. Bùi Văn Minh. Thẩm quyền điều tra trong tố tụng hình sự: Luận văn thạc sỹ luật học. Hà Nội. 2018. Trang 26 / Перевод автора: Буй Ван Минь. Подследственность в уголовном судопроизводстве: магистерская дис. по юриспруденции. Ханой, 2018. С. 26.

3. Phan Mạnh Thăng. Cách xác định thẩm quyền điều tra trong vụ án hình sự. Tư vấn Luật. 2022. Số 10. Trang 25 / Перевод автора: Фан Ман Тханг. Как определить подследственность по уголовным делам // Юридическая консультация. 2022. № 10. С. 25.

4. Hoàng Đình Diên. Căn cứ xác định vụ án hình sự thuộc thẩm quyền xét xử của Tòa án Quân sự. Tạp chí Tòa án nhân dân. 2020. Số 3. Trang 42 / Перевод автора: Хоанг Динь Диен. Основания для рассмотрения уголовного дела относятся к юрисдикции военного суда // Народный суд. 2020. № 3. С. 42.

5. BỘ LUẬT TỐ TỤNG HÌNH SỰ CỦA NƯỚC CỘNG HOÀ XÃ HỘI CHỦ NGHĨA VIỆT NAM, Luật số: 101/2015/QH13, Hà Nội, ngày 27 tháng 11 năm 2015 / Перевод автора: Уголовно-процессуальный Кодекс Социалистической республики Вьетнам, № 101/2015/QH13, Ханой, 27.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-to-tung-hinh-su-2015-296884.aspx.

6. Bộ luật Hình sự Việt Nam số: 100/2015/QH13 ngày 27 tháng 11 năm 2015 (Nguồn: URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-hinh-su-2015-296661.aspx) // Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам [Электронный ресурс]: от 27 ноября 2015 г. № 100/2015/QH13. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-hinh-su-2015-296661.aspx (дата обращения: 20.02.2023).

7. Luật tổ chức cơ quan điều tra hình sự , số 99/2015/QH13, Hà Nội ngày 26/11/2015. Nguồn: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Luat-to-chuc-co-quan-dieu-tra-hinh-su-2015-298378.aspx / Перевод автора: Закон об организации следственных органов [Электронный ресурс]: от 26 ноября 2015 г. № 99/2015/QH13 (Ханой). URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Luat-to-chuc-co-quan-dieu-tra-hinh-su-2015-298378.aspx (дата обращения: 14.02.2023).

Ключевые слова: подследственность, предварительное расследование, дознание, сокращенное производство, следственный орган.

УДК 343.1

ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Демичева Татьяна Сергеевна,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В статье рассматриваются некоторые особенности проверки сообщений о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также анализируются возможности использования современных технологий на данном этапе.

Особое внимание уделено вопросам производства осмотра места происшествия.

В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция роста преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Активная криминальная деятельность в данной сфере обусловлена развитием информационных технологий, что дает возможность для возникновения новых способов совершения противоправных деяний, возможностью обеспечения анонимности преступника. Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости совершенствования механизма противодействия современным видам преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Возбуждению уголовного дела предшествует проверка материалов, поступивших в правоохранительные органы. Важность этапа проверки сообщения о преступлении заключается в необходимости установления достаточных данных, позволяющих принять процессуальное решение по итогу рассмотрения сообщения о преступлении, а также формировании доказательственной основы, необходимой для дальнейшего расследования уголовного дела. Специфическими особенностями обладает обнаружение и фиксация следов при проверке сообщений о преступлениях, совершенных использованием информационно-телекоммуникационных технологий [1].

Одним из основных следственных действий на этапе проверки сообщения о преступлении является осмотр. Например, осмотр средства сотовой связи или иного электронного носителя следует осуществлять не только описав его внешние характеристики, но также требуется изучение информационной среды, а именно сведений, содержащихся в памяти устройства [2]. Например, в протоколе осмотра места происшествия при совершении преступления в сети-Интернет целесообразно отразить сведения о порядке и последовательности открытия веб-страниц и файлов, в которых содержались цифровые следы преступной деятельности; указать способ доступа лица к странице в сети; отражение IP-адреса маршрутизатора, обслуживающего данную сессию.

Использование программного комплекса «Мобильный криминалист» с целью извлечения криминалистически значимой информации позволяет не только извлекать информацию с различных устройств, но и получать данные, содержащиеся в облачных хранилищах, извлекать и исследовать удаленные данные путем изучения файловой системы. При изъятии информации, содержащейся на электронном носителе информации, в том числе, если она находится в облачных хранилищах, следователь, для осуществления доступа к информации должен находиться непосредственно рядом с электронным носителем информации. Однако, у злоумышленников есть возможность удаления или дистанционного изменения информации с хранилища, используя другое устройство, тем самым уничтожив значимую для расследования информацию. Справедливо отмечают О.В. Химичева и

А.В. Андреев, что уголовно-процессуальный закон в настоящее время не регламентирует механизм получения информации без изъятия физического носителя, однако регламентация данного механизма необходима с целью совершенствования практики расследования современных видов преступлений [3, с. 23]. Использование злоумышленниками различных систем, позволяющих им остаться анонимными, например, VPN Proxy-сервисов в процессе совершения противоправных действий, также осложняет процесс получения данных о лице и его местоположении. По нашему мнению, требуется законодательное регулирование механизма предоставления информации данными сервисами.

Определение места происшествия по делам о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий обладает некоторыми особенностями. Длительное время среди правоприменителей было проблемным аспектом определение территориальной подследственности при совершении хищений, совершенных дистанционным способом [4]. В целях защиты конституционных прав граждан, потерпевших от преступлений, и повышения оперативности их раскрытия, полноты возмещения причиненного им вреда, соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства, издан приказ МВД России от 3 апреля 2018 г. № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений». Приказом предписывается осуществлять принятие решения о возбуждении уголовного дела в органе внутренних дел, в который поступило сообщение о преступлении в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, вне зависимости от места его совершения.

Одной из актуальных проблем является практика взаимодействия правоохранительных органов, в том числе в электронном виде, с контролирующими органами, учреждениями финансово-кредитной системы и организациями информационно-телекоммуникационной сферы при проведении проверки сообщения о преступлении. Как справедливо отмечают Ю.В. Гаврилов и С.В. Нуянзина, проблема длительности получения ответов на запросы провоцирует нарушение сроков предварительного расследования, а также создает условия для сокрытия следов преступления, лицами их совершившими [2, с. 71].

Для информационно-аналитического обеспечения мероприятий по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершенных дистанционным способом с использованием информационно-телекоммуникационных технологий с 2020 г. введена в эксплуатацию подсистема программно-технического комплекса интегрированного банка данных коллективного пользования федерального уровня «Дистанционное мошенничество». Функциональные возможности программного обеспечения подсистемы интегрированного банка данных «Дистанционное мошенничество» позволяют территориальным органам МВД России проводить анализ информации в целях выявления серийных преступлений, как

в рамках одного региона, так и в масштабах страны, кроме того, интегрированный банк данных позволяет также обнаружить скрытые связи между объектами.

В заключение следует отметить, что изучение вопросов расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий требует комплексного исследования. Особенно актуальным в данном направлении является изучение возможности использования современных технологий правоохранительными органами с целью выявления, пресечения и расследования преступлений в данной сфере.

---

1. Васюков В.Ф., Колычева А.Н. Осмотр и фиксация страниц интернет-сайта в сети Интернет // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 115–118.

2. Гаврилин Ю.В., Нуянзина С.В. Обеспечение законности при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Академическая мысль. 2020. № 4 (13). С. 70–73.

3. Химичева О.В., Андреев А.В. Цифровизация как тренд развития современного уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 21–23.

4. Васюков В.Ф., Волеводз А.Г., Долгиева М.М., Чаплыгина В.Н. Преступления в сфере высоких технологий и информационной безопасности: учебное пособие. М., 2023.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, информационные технологии, следственные действия, уголовно-процессуальная форма, современная преступность.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Емельянова Надежда Юрьевна,
преподаватель кафедры уголовного процесса,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Статья посвящена аспектам института медиации в уголовном процессе. В ней исследуемое явление рассматривается как альтернативная возможность разрешения уголовно-правовых споров.

Развитие уголовного судопроизводства потребовало новый подход к разрешению уголовных конфликтов, который должен быть направлен на восстановление справедливости и в равной мере удовлетворения потребностей пострадавшего лица, совершившего преступление и общества. Именно таким подходом к разрешению уголовного конфликта является восстановительное правосудие.

Сегодня в ряде стран используются варианты разрешения уголовно-правовых споров, лежащие в основе восстановительного правосудия: полицейское предупреждение, штраф по соглашению, условный отказ от уголовного преследования, трансакция и др. [1, с. 56]

Считается, что восстановительное правосудие является альтернативным способом традиционному правосудию.

Традиционное уголовное правосудие имеет карательный характер, весь уголовный процесс, начиная с расследования преступления и заканчиваясь судебным актом, направлен на доказательство вины лица, предъявления ему обвинения и определения наказания за совершенное деяние. В этом судопроизводство определяет лицо преступником и, отбыв наказание, ему сложно будет проходить процесс реинтеграции в общество. То есть человеку, оступившемуся и нарушившему нормы закона однажды, очень сложно будет заново входить, вливаться в нормальное общество людей, если даже он осознал свой противоправный поступок, раскаялся, пересмотрел своё поведение и решил жить по-новому. Можно сказать, что и жертва в этом случае остаётся на обочине, поскольку существующее правосудие не даёт возможности полностью восстановиться от последствий преступления.

Именно вышеизложенные обстоятельства нацеливают к поиску альтернативных, традиционному уголовному судопроизводству, способов. Это было необходимо для того, чтобы усилить внимания законодателя к максимальной защите прав, свобод и интересов человека и гражданина.

Сущность правосудия с позиции восстановительного правосудия в том, чтобы посодействовать жертве и преступнику решить их ситуацию [2, с. 45].

Иначе говоря, преступление в традиционном понятии – это выпад против государства. В понимании же восстановительного правосудия преступление – это насилие, обида, которые причинены одним лицом другому. Вред, нанесенный конкретному человеку или определенной социальной группе, порождает у преступника обязательства по заглаживанию вреда.

Ряд зарубежных стран альтернативные возможности разрешения конфликтов использует довольно активно. Наиболее широко применяется медиация по уголовным делам.

Идея такого правосудия строится на понимании: «преступление – насилие над людьми и отношениями» [3], из чего следует, что основной идеей правосудия должно стать возобновление данных взаимоотношений. В рамках этой концепции взыскание подразумевается равно как «желание причинения боли» [4, с. 25] и «ответственность посредством лишения и

страдания» [5]. В этом представлении оно не содействует развитию у лица ответственности за свершенное, пребывание в местах лишения свободы рушит умение осужденного к существованию в обычном мире, портятся социальные навыки, ощущение ответственности за себя и близких, культивируется дальнейшая преступность. Человек склонен к самооправданию, считает себя жертвой, и, отбывая наказание, несет приписанную ему обязанность пред обществом, однако не берет на себя действительной ответственности пред жертвами [5].

Первая известная программа восстановительного правосудия, примирения лица, совершившего противоправное деяние, и лица, которому был причинён вред, заработала в 1974 г. в Канаде.

В разрешении задач восстановительного правосудия потерпевший и преступник – наиболее активные и непосредственные стороны, уполномоченные урегулировать конфликт, возникший между ними и принять взаимовыгодное для них решение. Цель и задачи традиционного правосудия другие, происходит отчуждение преступника, который взаимодействует лишь с правосудием и выступает как объект процессуальной деятельности органов преследования, у него отсутствуют реальные контакты с жертвой, чаще он не осознает страдания, причиненные последнему.

Сущность восстановительного правосудия заключается в том, что преступник и жертва, а также третьи заинтересованные лица, при участии не заинтересованного третьего лица, встречаются и анализируют совершенное преступление, совместно разрабатывают пути разрешения наступившего уголовного конфликта, в случае подхода к компромиссу, фиксируют эту договоренность документально.

В законе не указывается о медиации как альтернативном варианте разрешения уголовно-правового конфликта, поэтому отдельные процессуалисты в силу, как объективных, так и субъективных причин, с недоверием относятся к ее применению.

Пункт 2 статьи 2 Закона о медиации дает следующее понятие: «Процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения».

Из вышеизложенного можно считать, что вся эта процедура примирительная и в её базе лежат переговоры конфликтующих сторон, где переговоры происходят с участием третьей, независимой стороны, медиатора. В процессе этого с помощью медиатора-посредника важно выработать взаимовыгодное соглашение для всех в создавшемся конфликте.

Д.В. Маткина и А.П. Гуськова считают медиацию ситуацией совместного решения проблемы участниками конфликта, шансы которого на успех высоки в силу особенных условий и профессиональной помощи медиатора в осуществлении взаимодействия сторон на пути к урегулированию спора между субъектами при участии заинтересованной стороны [6, с. 34].

О.В. Александрова предлагает следующее определение: медиация – это переговоры с участием третьей стороны, заинтересованной в том, чтобы стороны разрешили спор (конфликт) максимально выгодно для обеих сторон [7, с. 17].

В заключение хочется сказать, что динамика уголовного законодательства фактически потребовало новый метод к разрешению уголовных споров, который должен быть направлен на восстановление справедливости и, которая удовлетворит требования как пострадавшей стороны, так и стороны, совершившей преступление, медиация как один из таких методов.

По нашему мнению, такой институт должен существовать в современном мире и активно развиваться, но только в категории менее тяжких преступлений.

---

1. Апостолова Н.Н. Медиация по уголовным делам // Рос. юстиция. 2010. № 3. С. 55–58.

2. Ван Несс Д.У. Восстановительное правосудие и международные права человека. Восстановительное правосудие. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа». 2003. С. 45.

3. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание [Электронный ресурс]. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Кристин Н. Пределы наказания. М.: Прогресс, 1985. С. 26.

5. Карнозова Л.К. Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России [Электронный ресурс] (дата обращения: 18.03.2023).

6. Гуськова А.П., Маткина Д.В. Медиация в уголовном процессе // Рос. судья. 2013. № 2. С. 34.

7. Александрова О.В. Школа посредничества (медиации) // Третейский суд. 2014. № 2. С. 17.

Ключевые слова: судопроизводство, медиация, медиатор, правосудие, права и свободы человека.

УДК 343.1

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ УЧАСТИЯ СВИДЕТЕЛЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Есина Алла Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры предварительного расследования,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12;

Жамкова Ольга Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы относительно возникновения процессуального статуса свидетеля у граждан и необходимости юридического оформления появления данного участника в уголовном судопроизводстве, приводятся мнения ученых относительно совершенствования норм, обеспечивающих участие свидетеля в уголовном процессе.

Бесспорным следует признать факт того, что сегодня свидетельские показания остаются одним из основных средств получения доказательств, даже не смотря на стремительное развитие и широкое распространение электронных устройств, с помощью которых четко фиксируются и воспроизводятся практически любые события окружающего мира.

Обеспечение прав свидетеля, равно как и обеспечение прав любого иного участника уголовного процессе, является важным направлением в деятельности следователя. С момента появления процессуального статуса у гражданина, оказавшегося вовлеченным в сферу уголовного судопроизводства, у следователя (как и у любого должностного лица – участника, наделенного властными полномочиями) возникает обязанность – разъяснить права участнику уголовного дела и обеспечить их. В этой связи, определение момента, с которого у лица появляется процессуальный статус свидетеля, приобретает особый смысл и значимость.

Свидетель в уголовном процессе – это лицо, которое обладает информацией, имеющей значение для дела, и которое вызвано для дачи показаний (ч. 1 ст. 56 УПК РФ). Исходя из законодательного определения свидетеля, ключевыми элементами рассматриваемого понятия следует считать: обладание лицом необходимой информацией и факт вызова лица на допрос. Никакого специального процессуального документа о признании лица свидетелем следователь не выносит. Возникает вопрос: насколько оптимально определен момент появления статуса свидетеля в тексте закона? С какого момента у следователя появляется обязанность обеспечить права свидетеля: с момента направления повестки о вызове на допрос, с момента получения

этой повестки гражданином или с момента явки на допрос (то есть буквальное появление в кабинете следователя)? Вопросы не риторические, если учитывать ответственность должностных лиц за нарушения или ненадлежащее обеспечение прав участников уголовного дела.

Позиция законодателя, выраженная в ч. 3 ст. 187 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что обязанности свидетеля появляются у гражданина с момента получения повестки о вызове на допрос: обязан явиться, обязан указать причины невозможности явки. У следователя появляется право применять меры принуждения (привод) в случае неявки на допрос свидетеля без уважительной причины. А если, например, предположить, что гражданин пришел к следователю по собственной инициативе, без вызова на допрос, без получения повестки? Вправе ли в этом случае гражданин считать себя свидетелем по уголовному делу? С другой стороны, если лицо активно отрицает факт получения повестки, следует ли его считать свидетелем?

Полагаем, что при получении лицом повестки на допрос в качестве свидетеля это лицо не приобретает правовой статус свидетеля в полной мере, так как юридические последствия, связанные с уголовной ответственностью за дачу заведомо ложных показаний, либо отказа от дачи показаний согласно ст. 307 и 308 УК РФ в этот момент для лица еще не предусмотрены. В связи с этим, только лишь факт вызова лица на допрос в качестве свидетеля не наделяет последнего правовым и процессуальным статусом, поскольку все права и обязанности, образующие этот статус, вступают в юридическую силу только после его прибытия на допрос и прохождения необходимой процедуры, включающей в себя: разъяснение прав, последствий нарушения процессуальных обязанностей, получение соответствующих подписей. Таким образом, формулировка в законе о том, что свидетель – это лицо, вызванное для дачи показаний в данном контексте вызывает сомнение.

Представляется, что момент приобретения гражданином статуса свидетеля важен именно с точки зрения обеспечения его общегражданских, конституционных прав. В этой связи полагаем необходимым изменить формулировку ч. 1 ст. 56 УПК РФ определив, что свидетель – это не только лицо, обладающее необходимой и значимой по уголовному делу информацией об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, но и вызванное или явившееся самостоятельно на допрос в качестве такового.

Поскольку производству следственных действий всегда предшествует установление оснований для их производства, то очевидно, что принимая решение о допросе свидетеля, следователь устанавливает основания для вызова конкретного лица для получения показаний. В этой связи целесообразно, чтобы допросу свидетеля предшествовало оформление решения следователя, выраженное в отдельном постановлении. Полагаем, что данное предложение позволит поддержать приоритет прав личности, в части защиты от уголовного преследования.

В пользу высказанного предложения следует привести ситуацию, которая довольно распространена в правоприменительной практике и является предметом многих научных дискуссий. Речь идет об особой категории лиц, именуемой исследователями как «заподозренный» свидетель. В ряде случаев лицо, в отношении которого имеются недостаточные основания для процессуального подозрения в совершении преступления, допрашивается в качестве свидетеля. Такая практика имеет место, когда уголовное дело возбуждается по факту совершения преступления, в отношении неопределенного лица или круга лиц. Как правило, в отношении таких лиц производятся непроцессуальные действия, направленные на получение сведений, изобличающих отмеченных лиц в совершении преступления (например, оперативно-разыскные мероприятия). Не всегда принимаемые меры дают результат, позволяющий получить сведения, необходимые для признания лица подозреваемым в совершении преступления. Для получения дополнительных, необходимых сведений, как правило, производится допрос такого лица в качестве свидетеля, с разъяснением соответствующих прав, обязанностей и ответственности свидетеля, упомянутых выше. По справедливому мнению ряда ученых, такой допрос является незаконным, так как нарушает право лица на защиту, а полученные в результате допроса сведения, отраженные в протоколе допроса, должны признаваться недопустимым доказательством.

Следует отметить, что феномен «заподозренного» свидетеля широко изучен многими исследователями. Анализ выраженных в доступных научных публикациях мнений по решению проблемы соблюдения права «заподозренного» свидетеля на защиту позволяет сгруппировать их по трем направлениям. Представители первого направления [1] предлагают ввести особый статус «заподозренного» свидетеля в уголовное судопроизводство, определить в нем особенности его допроса. Второе направление [2] характеризуется мнением о возможности допроса такого лица как свидетеля, при наделении его и его адвоката дополнительными правами для зашиты от уголовного преследования (например, правом знакомиться с материалами дела, правом на бесплатную юридическую помощь и т.д.), объем и содержание которых близки или аналогичны с правами подозреваемого по УПК РФ. Приверженцы третьего направления [3] говорят о невозможности допроса таких лиц в качестве свидетеля, исходя из анализа определенной совокупности достаточно большого количества норм УПК РФ.

Полагаем, что каждое из направлений содержит предложения, заслуживающие внимание, поскольку неопределенность процессуального статуса свидетеля просматривается не только у так называемых «заподозренных» лиц, но и у лиц, с кем заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, лиц, в отношении которых проводятся действия, фактически свидетельствующие о начале уголовного преследования в отношении них.

Надеемся, что некоторые проблемные вопросы, рассмотренные в данной статье, послужат поводом к дискуссии и желанию обосновать свою правовую позицию по данному вопросу.

---

1. Сопнева Е.В. Развитие представлений о заподозренном лице // Актуальные проблемы уголовного процесса. 2014. № 11 (48). С. 2568–2573.

2. Бояринцев А.А. К вопросу о правовом положении свидетеля, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование // Рос. следователь. 2020. № 12. С. 23–26.

3. Смолькова И.В. Нужна ли фигура «заподозренного» в уголовном процессе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 4. С. 23.

Ключевые слова: свидетель, следователь, процессуальный статус, показания свидетеля, допрос свидетеля.

УДК 343.1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА

Ефремова Ольга Михайловна,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2;

Скоркина Олеся Алексеевна,
курсант 4 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Статья посвящена психологическим и нравственным аспектам допроса, обозначены их особенности. Важное значение при производстве допроса имеет не только тактика его проведения, но и психологических анализ допрашиваемого, изучение его темперамента и психики, а также умение выстроить с допрашиваемым доверительные отношения для успешного достижения цели допроса, дача правдивых и полных показаний. Определены цели установления психологического контакта и предлагаются этапы, способствующие его установлению.

Для успешного проведения допроса следователь заранее должен изучить личность допрашиваемого, собрать необходимую информацию, кото-

рая могла бы помочь в получении достоверных показаний. Важное значение имеет анализ психологических аспектов допрашиваемого, а также изучение темперамента и его психики. Получив эти данные, следователю будет проще построить диалог с допрашиваемым, это будет способствовать получению полной и достоверной информации. Ведь немалую роль играет реакция человека на какие-либо вещи, его поведение. Говоря о психологических особенностях допрашиваемого, необходимо детально остановиться на темпераменте и его характере.

Темперамент представляет собой систему, которая характеризует протекание психических процессов и поведение, их силу, скорость, возникновение, изменение и прекращение. Темперамент – совокупность психодинамических свойств индивида, которые прослеживаются в специфике его характера.

Характер – совокупность стабильных черт личности, отражающих отношение человека к себе и к другим людям, которые его окружают. Характер формируется в раннем возрасте, в связи с этим родители должны ответственно подходить к воспитанию ребёнка, потому что именно на данном этапе происходит наиболее активное перенятие как положительных, так и отрицательных качества от своих родных. Но нельзя сказать, что формирование характера происходит до определённого возраста, так как он способен изменяться на протяжении всей жизни в зависимости от индивидуальных особенностей личности. Характер, делает человека уникальным, способствует выделению его из толпы.

Допрос с точки зрения юридической психологии представляет собой, непосредственное взаимодействие, общение следователя с допрашиваемым, в ходе которого в пределах законодательства происходит воздействие на мыслительную, волевую стороны последнего, применяя при этом психологические методы для получения истинной информации о произошедшем событии [1, с. 57].

Главенствующее место в проведении допроса занимает подготовка к нему. Этот этап является очень важным и требует от следователя максимального внимания. Допрос со стороны лица, его проводящего должен быть уверенным, иметь определенную систему, могут быть заранее подготовлены определенные вопросы, подобраны методы психологического воздействия, все это будет свидетельствовать о подготовке следователя к данному мероприятию [2]. Следователь должен определить цель допроса, составить письменный план, так как зачастую удержать всю информацию в голове очень сложно, можно упустить важные моменты, также необходимо создать необходимые условия для взаимодействия с допрашиваемым, проанализировать свой накопленный опыт и умело его использовать при производстве последующих схожих допросов, выбрать тактические приемы.

Следователь должен знать, как расположить к себе допрашиваемого для последующего построения диалога, какие вопросы необходимо зада-

вать, какие психологические приемы использовать. Необходимо быть настроенным на поведение допрашиваемого, быть готовым к подавлению его сопротивления с психологической стороны. Помимо этого, эффективность допроса зависит от его времени, места проведения, от окружающей обстановки, от внешних и внутренних раздражителей, от поведения следователя.

При производстве данного следственного действия необходимо обращать внимание на психологию допрашиваемого в зависимости от процессуального положения, которое он занимает в уголовном деле. Перед началом получения показаний следователь сообщает лицу в качестве кого он будет допрошен, заполняет анкетные данные, разъясняет права и приступает к основной части. Вначале допрашиваемому в свободной форме предлагается изложить все известные ему данные, которые связаны с произошедшим событием и могут иметь значение для расследования и раскрытия уголовного дела. После свободного рассказа следователь анализирует полученную информацию, оценивает ее и, исходя из этого, выбирает приемы психологического воздействия для дальнейшего проведения допроса, строящегося в вопросно-ответной форме. С помощью психологических приемов следователь не только помогает допрашиваемому вспомнить нужную информацию, но и тем самым преодолевает сомнения в даче достоверных показаний [3].

Важным моментом в допросе является установление психологического контакта с допрашиваемым. Это такое состояние общения, при котором участники допроса испытывают потребность в совместной деятельности, в передаче, обмене информации. Установление психологического контакта с допрашиваемым является необходимой предпосылкой получения правдивых показаний, достижения истины по расследуемому делу [4, с. 39]. Целями установления психологического контакта являются снятие напряжения, преодоление барьеров, стимулирование психической деятельности допрашиваемого в предстоящей беседе.

Существует несколько этапов, которые способствуют установлению психологического взаимодействия:

1. Следователю необходимо продумать и построить систему общения, а также спрогнозировать процесс установления психологического контакта.

2. Создать необходимые внешние условия, которые будут облегчать взаимодействие с допрашиваемым, обратить внимание на окружающую обстановку, в которой будет происходить последующий допрос.

3. Уметь правильно применять коммуникативные навыки, выстраивать свои мысли в хронологическом порядке, устанавливать зрительный контакт.

4. Особое внимание стоит уделять психологическим особенностям допрашиваемого, анализировать его психическое отношение к начавшемуся общению.

5. Обладать умениями разрешать и ликвидировать барьеры, которые возникают в процессе общения.

6. Находить точки соприкосновения, которые будут возбуждать у допрашиваемого интерес к расследованию и раскрытию преступления, к даче правдивых показаний во время дальнейшего общения.

В процессе допроса применяются методы психологического воздействия, которые способствуют получению от допрашиваемого показаний, представляющих интерес для следствия. Существуют приемы, применяемые в бесконфликтной ситуации и приемы, применяемые в конфликтной ситуации.

Допрашиваемые могут забыть о каких-либо важных фактах, где-то приукрасить ту или иную ситуацию или наоборот недоговорить, а также воспринять и описать какие-то моменты неправильно. В данном случае необходимо применять такие приемы, которые направлены на активизацию мыслительной деятельности, которые помогли бы вспомнить события, связанные с произошедшим событием.

Касаемо нравственных аспектов проведения допроса, важно отметить, что допрос с психологической стороны, это, прежде всего, беседа между допрашивающим и допрашиваемым. В данном случае собеседники находятся в неравном положении, и их взаимодействие регулируется соответствующим законодательством. Несмотря на то, что между участниками складываются отношения соподчинения, это не дает следователю права для достижения установленной цели, совершать те действия, которые выходят за рамки закона [5]. Рассматривая нравственные особенности проведения допроса, следует особое внимание уделить правилам речевого этикета. Следователю необходимо обращаться к гражданам на «вы», исключение могут составлять малолетние лица. При взаимодействии с участвующими в деле лицами, независимо от их процессуального положения, следователь должен придерживаться вежливой формы общения и ни в коем случае не допускать грубые выражения со своей стороны. Допрос, как и любое другое следственное действие, не должно угрожать жизни и здоровью участвующих лиц, а также унижать их честь и достоинство. Запрещается применять насилие и иные незаконные меры.

Взаимоотношения следователя с допрашиваемым зависят, прежде всего, от нравственного климата, который должен выстроить следователь. Необходимо соблюдать не только правовые нормы, но и нормы морали. Независимо от того какое следственное действие осуществляется, следователь должен соблюдать и правила профессионального этикета, в своих действиях он должен быть беспристрастен, справедлив, бдителен, размерен и объективен.

Подводя итог, стоит отметить, что для успешного достижения цели допроса, необходимо уметь выстроить с допрашиваемым доверительные отношения. Перед тем как приступить к основной части допроса нужно установить психологический контакт, а для этого следователь должен изу-

чить личность допрашиваемого, его психические особенности, собрать всю необходимую информацию, чтобы знать, как правильно выстраивать диалог, который приведет к получению достоверных показаний. Как помощь при допросе выступают психологические приемы, выбор которых зависит от конкретной ситуации, которая складывается между допрашиваемым и допрашивающим. А также в процессе предварительного следствия следователь обязан придерживаться норм морали, то есть общепринятых правил поведения, которые складываются естественным путем на протяжении жизни и деятельности общества и которые выражают представления о добре и зле, о справедливости, чести и долге.

---

1. Ефремова О.М. Процессуальные гарантии и обоснованности деятельности следователя // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. №3 (80). С. 55–59.

2. Аксенова Л.Ю. Тактические и психические аспекты допроса [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 18.09.2022).

3. Чаплыгина В.Н., Посохина Д.Г. Психологические особенности профессиональной деятельности следователя // Особенности оперативно-розыскной деятельности ОВД в свете изменяющегося законодательства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию уголовного розыска России / под редакцией Ю.Н. Савенкова, 2018. С. 77–81.

4. Назаркин Е.В., Виноградов И.В. Психологические аспекты проведения допроса // Юридический факт. 2019. № 53. С. 39–41.

5. Сидоренко Е.В. Психология допроса и критерии допустимости психологического воздействия в ходе проведения допроса. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. С. 69–73.

Ключевые слова: следователь, допрос, уголовный процесс, психологические особенности, нравственные особенности.

УДК 343.1

ПРОИЗВОДСТВО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППОЙ: ОШИБКИ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Захарова Валентина Олеговна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предварительного расследования факультета повышения квалификации, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

Статья посвящена исследованию особенностей уголовно-процессуального регламентирования производства предварительного следствия следственной группой через призму типичных ошибок и рекомендаций.

Проблемы повышения качества расследования были и остаются актуальными в следственной деятельности [1, с. 21]. Одним из способов сокращения сроков расследования и, одновременно, снизить вероятность допущения следственных ошибок является расследование преступления силами нескольких следователей.

Как только не называют эту форму расследования: «бригадный способ», «следственно-оперативная группа», «оперативно-следственная группа». Единственно верным является название, которое предлагает нам законодатель – производство предварительного следствия следственной группой.

По причине отсутствия дефиниции этой деятельности в уголовно-процессуальном законе, мы предлагаем следственную группу определить как форму организации деятельности нескольких следователей (один из которых является руководителем), обеспечивающую быстрое, объективное, полное и всестороннее расследование сложного или большого объема уголовного дела и принятие мер по предупреждению преступлений [2, с. 3].

В осуществлении предварительного следствия следственной группой имеется больше преимуществ, чем недостатков:

- возможность одновременного производства большого количества следственных действий (допросов, обысков, выемок, осмотров документов);
- сокращение сроков предварительного расследования;
- улучшение качества расследования;
- повышается квалификация молодых следователей.

До 1952 г. возможность осуществлять предварительное следствие силами нескольких следователей юридически отсутствовала. И только в приказе Генерального прокурора СССР от 19 марта 1952 г. № 63 «Об устранении фактов волокиты в расследовании уголовных дел» впервые было отмечено, что волокита серьезно снижает эффективность борьбы с преступностью, в целях сокращения сроков следствия, обеспечения его полноты и

всесторонности, рекомендовалось производить расследование силами нескольких следователей.

В законе право расследовать силами двух и более следователей впервые закреплено в УПК РСФСР в 1960 г. Сейчас эта коллективная форма расследования достаточно подробно регламентирована в ст. 163 УПК РФ «Производство предварительного следствия следственной группой».

Казалось бы, за столько лет применения этой нормы, уже не должно быть неразрешенных вопросов, неясностей, пробелов. Но ошибки следователями продолжают и продолжают допускаться [3, с. 48]. Рассмотрим наиболее распространенные, типичные следственные ошибки и дадим ряд рекомендаций по осуществлению производства предварительного следствия следственной группой.

1. В нарушение требований ст. 163 УПК РФ имеют место факты принятия решений о производстве предварительного следствия следственной группой до возбуждения уголовного дела, что приводит к признанию недопустимыми всех полученных доказательств.

2. Мы рекомендуем выносить отдельное постановление о производстве предварительного следствия следственной группой, хотя законодатель допускает возможность указывать об этом в постановлении о возбуждении уголовного дела.

3. Только руководитель следственного органа может принять решение о производстве следственной группой, а также об изменении ее состава.

4. Недопустимо включать в состав следственной группы оперативных сотрудников. Однако их можно указывать в качестве привлеченных к работе следственной группы (ФИО, место работы, должность, звание, а не обезличено (например сотрудники УЭБ и ПК ГУ МВД России по г. Москве).

5. Не так давно законодатель разрешил следователям-криминалистам входить в состав следственной группы наравне с другими следователями, но возлагать на них руководство следственной группой является ошибкой.

6. При принятии решения о назначении руководителя следственной группы, вышестоящий руководитель должен исходить из наличия опыта следственной деятельности в целом и данной категории преступлений в частности. Не менее важна и способность управлять коллективом.

7. Ошибочным является игнорирование требований чч. 3 и 4 ст. 163 УПК РФ, где указаны исключительные полномочия руководителя следственной группы. Да, возможно поручить члену следственной группы готовить проекты соответствующих документов, но не более того. Полностью перекладывание своих обязанностей на подчиненных может привести к непоправимым последствиям.

8. Руководителю следственной группы рекомендуется участвовать в ряде следственных действий, производимых другими следователями, а также лично производить следственные действия.

9. В зависимости от различных обстоятельств, распределение обязанностей среди членов следственной группы рекомендуется осуществлять:

- по эпизодам;
- по фигурантам;
- по видам следственных и иных процессуальных действий;
- без привязки к отдельным направлениям (смешенный подход).

Это должно зависит от:

1) личных качеств и опыта руководителя;

2) качественного и количественного состава членов следственной группы;

3) конкретных обстоятельств уголовного дела [4, с. 114].

10. Руководителю следственной группы настоятельно рекомендуется быть в курсе всего, что происходит в ходе расследования. В основу взаимоотношений с членами следственной группы должно быть положено равное сочетание контроля и доверия.

Расследование преступлений следственной группой – это коллективная деятельность, где от каждого сотрудника зависит конечный результат. Руководителю необходимо уметь управлять теми следователи, которые вошли в состав следственной группой: мотивировать не самых результативных и своевременно инициировать поощрение лучших. Это позволить повысить качество расследования и, в целом, оптимизировать эту деятельность.

---

1. Николаев А.П. Взгляды следователей на препятствия к качественному расследованию преступлений // Рос. следователь. 2017. № 14. С. 21–22.

2. Захарова В.О. Коллективные формы расследования: от принятия решений до рекомендаций // Рос. следователь. 2021. № 3(9). С. 3–7.

3. Цветков Ю.А. О феномене следственной ошибки // Журнал прикладных исследований. 2021. № 3–4. С. 48–57.

4. Захарова В.О. О распределении обязанностей в следственной группе в ходе расследования уголовного дела // Вестник Академии Следственного комитета Рос. Федерации. 2016. № 3 (9). С. 114–119.

Ключевые слова: предварительное следствие, следователь, следственная группа, уголовное дело.

УДК 343.1

ОБЩИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА ПО РОЗЫСКУ ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ ПРИ КРИМИНАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Игуменов Антон Сергеевич,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел,
Уфимский юридический институт МВД России,
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2

В данной статье осуществлен анализ современного состояния информационно-аналитического обеспечения оперативно-разыскной деятельности подразделений уголовного розыска по розыску лиц, пропавших без вести при криминальных обстоятельствах, рассмотрены имеющиеся в связи с этим некоторые проблемы, а также предложения по их решению.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что для раскрытия преступлений, связанных с безвестным исчезновением людей, либо замаскированных под таковую значимую роль, играет информационно-аналитическое обеспечение оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) подразделений уголовного розыска. Качество и своевременность сбора, обработки, фиксации и анализа необходимой информации, на прямую влияет на эффективность розыска лиц, пропавших без вести и раскрытие совершенных в отношении них преступлений.

Развитие информационных и коммуникационных технологий (далее – ИКТ), на наш взгляд, требуют совершенствования организации и тактики использования таковых в ОРД в целом, так и в разыскной работе в частности.

Учитывая изложенное, с учетом предмета нашего исследования, в данной статье считаем необходимым проанализировать состояние информационно-аналитического обеспечения оперативно-разыскной деятельности подразделений уголовного розыска по розыску лиц, пропавших без вести при обстоятельствах, указывающих на факт совершения в отношении них преступления (криминальных обстоятельствах).

Необходимо отметить, что Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [1] на уровне государственного управления определены цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики России в сфере применения ИКТ, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических приоритетов в условиях информационной среды.

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Правительству Российской Федерации поставлена задача обеспечить достижение национальных целей развития России, в том числе ускоренное внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. отмечено, что в мире сегодня накапливается громадный технологический потенциал, который позволяет совершить настоящий рывок в повышении качества жизни людей, в модернизации экономики, инфраструктуры и государственного управления. Насколько эффективно мы сможем использовать колоссальные возможности технологической революции, как ответим на её вызов, зависит только от нас. И в этом смысле ближайшие годы станут решающими для будущего страны [2].

Освоение новых ИКТ открывает широкие возможности и в решении задач ОРД органов внутренних дел (далее – ОВД) на основе совершенствования её специальных методов, определенных ведомственными нормативными правовыми актами.

Наиболее масштабные изменения, как нам представляется, должны коснуться именно оперативно-аналитического обеспечения, целью которого является повышение эффективности деятельности, как оперативных подразделений ОВД в целом, так и уголовного розыска в частности, путём их обеспечения своевременной и достоверной оперативно-аналитической информацией, полученной в результате обработки значительных по объёму, разнообразных по видам, структурированных и неструктурированных сведений в сфере ОРД ОВД.

Развитие правовых основ оперативно-аналитического обеспечения предусматривает разработку многоуровневой системы законодательных, ведомственных и межведомственных нормативных актов, обеспечивающих достаточность и эффективность правового регулирования деятельности субъектов оперативно-аналитического обеспечения в соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации [3], Стратегией национальной безопасности Российской Федерации [4], Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [5], Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации [6], а также соответствующими планами проведения мероприятий по их реализации.

Развитие в условиях информационного общества оперативной аналитики является насущной потребностью оперативных подразделений правоохранительных органов и общеевропейской тенденцией, которая выражается в повсеместном формировании организационно-технологических основ реализации предикативной (предупредительной) функции полиции [7].

Продолжая анализ информационно-аналитического обеспечения ОРД, считаем необходимым обозначить проблему использования электронных средств и оргтехники в разыскной работе.

В ходе проведенного нами изучения материалов проверки, уголовных дел и дел оперативного учета установлено, что сотрудниками разыскных подразделений неэффективно используются различные ресурсы, предоставляемые единой информационно-телекоммуникационной системой (далее – ЕИТКС). Для разыскных подразделений оперативность в получении данной информации особенно актуальна. Кроме того, использование электронных средств связи позволяет значительно снизить бумажный документооборот и, соответственно, нагрузку на сотрудников.

Так, изучение материалов проверки показало, что в 24,6 % случаев указанные выше информационные ресурсы не использовались (соответственно в ходе проведения первоначальных мероприятий по розыску. Изучение уголовных дел и дел оперативного учета показало, что фактов полного отсутствия материалов отражающих наведение справок по имеющимся на вооружении системам не выявлено. Хотя в целом активность их использования оставляет желать лучшего. Так, например, по 17,2 % изученных дел оперативного учета выявлены факты хранения материалов, отражающих только получение установочных данных разыскиваемого лица.

Кроме того, проведенным исследованием установлено, что в 3 % случаев безвестного исчезновения лиц, на имя пропавшего приобретались билеты на различные виды транспорта). При этом данную информацию нельзя считать безусловным подтверждением некриминального характера исчезновения человека, однако ее наличие уже в существенной мере будет способствовать определению вектора планирования дальнейших мероприятий. Считаем необходимым привести пример из личного практического опыта автора о факте безвестного исчезновения молодой женщины, которая в результате совершенного в отношении нее физического и сексуального насилия потеряла память и способность адекватно мыслить, в результате чего приобрела билет на ближайший поезд. Факт приобретения пропавшей билета был установлен только через двое суток с момента ее посадки на поезд и через трое суток после поступления заявления о розыске, а соответственно, значительный комплекс проведенных оперативно-разыскных мероприятий в течение указанного периода оказался бесполезным.

В связи изложенным, на наш взгляд, особую актуальность, приобретает проверка пропавших по учетам, используемым в ОВД, путем наведения справок, использование при этом различных ресурсов ЕИТКС, а также различных автоматизированных информационных поисковых систем (далее – АИПС), а также учетов, ведущихся различными сторонними организациями, Интернет-ресурсов, использование социальных сетей, в первую очередь в ходе осуществления первоначальных мероприятий по розыску, особенно при наличии обстоятельств, указывающих на криминальный характер исчезновения человека.

О неудовлетворительном положении дел в направлении использования информационно-телекоммуникационных ресурсов системы МВД России говорил в своих работах также и А.В. Парфенов, который также в целях повышения эффективности разыскной работы предлагает создание единой электронной базы данных актов гражданского состояния, что позволило бы выявлять пропавших людей среди умерших или захороненных за государственный счет на территории всей страны, а также облегчить наведение справок об изменении персональных данных граждан, о заключении брака, рождении детей [8, с. 122].

Считаем необходимым отдельно затронуть вопросы перспектив развития АИПС в рассматриваемой деятельности. К основным из них следует отнести «Опознание», «Ксенон-2», «Папилон» и иные системы.

Особого внимания заслуживает АИПС «Опознание». В ходе проведенного нами исследования (проведение опросов и интервьюирования сотрудников, учтен личный опыт автора) выявлены весьма значительные недостатки данной АИПС, с учетом которых можно сделать вывод, что данная система безвозвратно устарела.

Так, в ходе опроса сотрудников, относительно АИПС «Опознание», установлено: положительный опыт идентификации в автоматическом режиме АИПС «Опознание» отразили – 0,9 % респондентов; отсутствие возможности загрузки и использования фото, а также биометрической идентификации как недостаток отметили – 92,3 % опрошенных; невозможность использования баз данных ИЦ других субъектов РФ отразили – 87,6 %; проблемы с доступом отметили – 74,2 %.

На наш взгляд, решением описываемых выше проблем может быть разработка принципиально новой АИПС. Необходимость разработки и внедрения в деятельность ОВД новой, современной системы для накопления, обработки и анализа информационных ресурсов, и решения задач разыскной работы придерживаются 92,1 % опрошенных сотрудников.

Еще одним перспективным, по нашему мнению, направлением в совершенствовании информационно-аналитического обеспечения разыскной работы по рассматриваемому направлению могло бы являться использование учетов Бюро регистрации несчастных случаев (далее – БРНС), однако во многих территориальных ОВД субъектов РФ за последние 5 лет данное подразделение расформировано и упразднено.

Входе проведенного нами исследования установлено – 68,4 % опрошенных нами оперативных сотрудников прямо отметили, что возможности БРНС, однозначно положительно сказываются на эффективности разыскной работы, особенно в ходе проведения первоначальных мероприятий по розыску, когда соответствующее дело оперативного учета еще на заведено (на наш взгляд данный показатель был бы значительно выше если бы все респонденты имели стаж службы свыше 5 лет).

С учетом изложенного, для нашего исследования приобретают значение статистические показатели о зарегистрированных заявлениях о про-

павших без вести и о лицах разысканных в ходе первоначальных мероприятий по розыску. Так, по данным ЦСИ «ГИАЦ МВД России» [9], отмечается ежегодный рост количества зарегистрированных заявлений о розыске лиц, пропавших без вести на всей территории России (в 2017 году зарегистрировано – 144054 (+1,4 %), в 2018 – 146075 (+1,4 %), в 2019 – 180523 (+23,6 %), в 2020 – 181291 (+0,4 %), в 2021 – 208685 (+15,1 %). В свою очередь, ежегодно растет и количество лиц, разысканных без заведения дела оперативного учета (в 2017 году – 129735 (+3,7 %), в 2018 – 129960 (+0,2 %), в 2019 – 163328 (+25,7 %), в 2020 – 166971 (+2,2 %), в 2021 – 193685 (+16,0 %). Если сопоставить количество зарегистрированных заявлений и количество лиц, разысканных без заведения ДОУ, то только в 2021 году доля последних составляет 92,8 %.

Данные показатели на наш взгляд прямо свидетельствуют о весьма значительных объемах работы на первоначальном этапе и обосновывают расширение возможностей оперативных подразделений, в том числе необходимость использования возможностей БРНС, что, на наш взгляд, позволит в значительной мере повысить эффективность работы.

К сожалению, объективно отследить статистику способов установления (в том числе с использованием учетов БРНС) местонахождения пропавших не представляется возможным, официальные данные ЦСИ «ГИАЦ МВД России» содержат сведения только о лицах, разысканных с использованием оперативно-справочных и разыскных учетов. Данный показатель отслеживается благодаря отметке в статистической карточке на прекращение розыска, проставляемой оперативным сотрудником, осуществлявшим розыск. Объективность данного показателя, как нам представляется, сомнительна.

В соответствии с проведенным нами исследованием, в ходе изучения материалов проверки за 2017 год, по результатам наведения справок в БРНС, установлено местонахождение 23,4 % пропавших. На наш взгляд, реальный показатель значительно выше, поскольку в 37,2 % изученных материалов не отражены способы установления и идентификации пропавших.

Опрос сотрудников оперативных подразделений уголовного розыска, в число которых входит и руководящий состав центрального аппарата МВД по РБ (имеющих стаж свыше 5 лет), показал, что 34,3 % респондентов считают, что до заведения дела оперативного учета, в ходе наведения справок в БРНС, в рамках производства по материалу проверки обнаруживалось не менее 1/3 пропавших, 32,1 % указали, что БРНС способствовало розыску не менее 1/4 разыскиваемых данной категории.

По нашему мнению, является целесообразным предусмотреть создание (возобновление деятельности) БРНС во всех ОВД субъектов РФ.

При подведении общего итога, с учетом вышеизложенного, следует отметить, что информационно-аналитическое обеспечения ОРД при решении рассматриваемых задач требует совершенствования по различным направлениям, в том числе технического и организационно-тактического.

1. Указ Президента Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Послание Президента Рос. Федерации Федеральному Собранию [Электронный ресурс]: от 1 марта 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Указ Президента Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 5 декабря 2016 г. № 646. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Указ Президента Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Указ Президента Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 13 мая 2017 г. № 208. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Указ Президента Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 1 декабря 2016 г. № 642. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Руководство ОБСЕ по полицейской деятельности на основе оперативных данных и информации: серия публикаций Департамента по противодействию транснациональным угрозам (Отдел стратегических вопросов полицейской деятельности), изд. 13. Вена: ОБСЕ, 2017.

8. Парфенов А.В. Современное состояние розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел российской федерации // Правоохранительная деятельность. 2020. № 1. С. 122.

9. Форма статистической отчетности «3» ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» 10.5.0.16/csi [Электронный ресурс] (дата обращения: 22.12.2022).

Ключевые слова: информационно-аналитическое обеспечение оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскное мероприятие, розыск, без вести пропавший, первоначальные мероприятия по розыску, криминальные обстоятельства безвестного исчезновения.

УДК 343.9

ФАКТОРЫ, ЗАТРУДНЯЮЩИЕ РЕАЛИЗАЦИЮ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ

Калюжный Александр Николаевич,
доктор юридических наук, доцент,
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,
302034, г. Орел, ул. Приборостроительная, д. 35

В статье подчеркивается значимость рассмотрения сообщений о посягательствах на свободу личности; выделяется предварительный этап расследования указанных преступлений; анализируются проблемы должностных лиц правоохранительных органов на данном этапе; приводятся данные судебной статистики, результаты анкетирования и интервьюирования субъектов расследования.

Посягательства на свободу личности получили распространение с момента начала совместной жизнедеятельности людей, когда человека порабощали, обменивали, продавали и эксплуатировали. Прошедшие тысячелетия позволили мировому сообществу выработать уголовно-наказуемые формы преступного нарушения права на личную свободу человека, сформировали международные нормы и институты противодействия данным негативным социальным явлениям, однако так и не искоренили рассматриваемые преступления. По данным международных правозащитных организаций более 700 тыс. человек ежегодно подвергаются работорговле и последующей незаконной эксплуатации, как правило, посредством занятия проституцией или иных сексуальных услуг [1, с. 46–47].

Противодействие преступлениям, посягающим на свободу личности, осуществляется с помощью ряда организационных, профилактических, правовых и иных мер, а их раскрытие и расследование наиболее эффективно в периоды расследования, где имеется максимальная возможность обнаружения следовой картины преступления, восстановления его события, пока не уничтожены следы противоправных посягательств и не оказано противодействие расследованию [2, с. 70].

Одним из таких периодов расследования выступает предварительный этап, начинающийся с момента поступления сообщения о преступлении и заканчивающийся принятием процессуального решения в порядке ч. 1 ст. 145 УПК РФ. Основными задачами предварительного этапа расследования выступают: обнаружение и фиксация следов, совершенного посягательства на свободу личности, установление события преступления, определение направлений поиска преступников и установления местонахождения жертвы, принятие решения в порядке ч. 1 ст. 145 УПК РФ [3, с. 257].

В то же время, несмотря на значимость предварительного этапа для всего периода расследования преступлений против свободы личности (возможность обнаружения предпосылок установления виновных и последующего окончания расследования направлением уголовного дела в суд) результативность проведения процессуальных и иных проверочных действий на данном этапе зависит от целого ряда факторов, предопределенных складывающимися следственными ситуациями:

Во-первых, узкий, ограниченный круг источников информации о посягательствах на свободу личности. Наиболее часто заявителями о преступлениях выступали родственники или знакомые потерпевших, которые обращались в правоохранительные органы с сообщениями о пропаже человека, или о его выезде за пределы Российской Федерации для трудоустройства или обучения. Имелись и случаи обращения с заявлениями о преступлениях, поступившие от близких и родственников потерпевших, к которым обращались сами жертвы или сами преступники с требованиями передачи выкупа (31,9 %). Данная ситуация способствовала установлению обстоятельств события преступления и решению задач предварительного этапа расследования. Реже в качестве заявителей выступали очевидцы совершенных противоправных действий. В подавляющем большинстве случаев они не могли воспроизвести событие преступления, описать приметы преступников, затруднялись охарактеризовать деятельность виновных, сомневаясь в наличии фактов совершенных преступлений.

Источником информации о совершении преступлений на свободу личности являются и сами потерпевшие, которых преступники отпустили для реализации противоправных намерений (передачи выкупа, оформления сделок с недвижимостью и т.п.) или же жертвы, сбежавшие от виновных, реже освобожденные очевидцами преступления (44,2 %). Потерпевшие, удерживаемые преступниками, обычно не имеют возможности обращения за помощью в компетентные органы.

Во-вторых, несвоевременность поступления сообщений о преступлениях против свободы личности в правоохранительные органы. Данный фактор предопределен предыдущим и заключается в отсутствии у заявителей объективной и достоверной информации о событии преступления. Когда же родственники или близкие потерпевших осознают факт совершенного преступления или обоснованно подозревают о его наличии, они вынужденно обращаются с сообщениями о преступлении в правоохранительные органы. Неблагоприятность такой ситуации заключается в том, что с момента совершения посягательства на свободу личности прошел определенный период времени, способствующий естественному или преднамеренному уничтожению следов преступления, перемещению потерпевшего в заранее подготовленные места удержания, реализации преступных планов виновных, уклонению причастных лиц от справедливого наказания. Негативный характер запоздалого обращения близких и родственников в правоохранительные органы обусловлен и их психологическим состоянием, за-

пугиванием со стороны преступников, требовавших предоставления выкупа в обмен на жизнь потерпевшего, убеждавших в некомпетентности субъектов расследования и неспособности оказания какой-либо помощи. Указанный фактор затрудняет реализацию задач предварительного этапа расследования исследуемых преступлений, препятствует установлению события преступления, приводит к необоснованной волоките с принятием процессуального решения.

В-третьих, неполный объем криминалистически значимой информации, необходимой для установления события преступления и принятия законного и обоснованного решения в порядке ст. 145 УПК РФ. Отсутствие (пропажа) потерпевшего или его возможный выезд за рубеж еще не указывают на наличие события преступления, а имеющиеся у правоохранительных органов информация, поступившая от родственников, близких жертвы или очевидцев преступления недостаточна для принятия процессуального решения. Бесспорно, объем поступающей субъектам расследования информации зависит от складывающейся следственной ситуации, но, в большинстве своем, требует проведения комплекса дополнительных следственных и иных процессуальных действий. Следует учитывать и то обстоятельство, что посягательства на свободу личности имеют выраженную корыстную направленность, обусловливающую совершение вместе с ними иных посягательств: прежде всего, различных форм хищений (71,4 %), причинения телесных повреждений, не охватываемых признаки составов преступлений, закрепленных в главе 17 УК РФ (8,1 %), незаконного оборота оружия (5,8 %) и других.

В-четвертых, фактическая невозможность производства отдельных следственных или иных процессуальных действий, а также оперативно-разыскных мероприятий. Организованный и транснациональный характер преступлений против свободы личности вынуждает преступников тщательно планировать свои противоправные действия, маскировать следы подготовки к совершению исследуемых преступлений, распространять информацию, привлекающую потерпевших к общению с преступниками (вербовать жертв). Последствиями данной деятельности является перемещение потерпевших в другие субъекты Российской Федерации или зарубежные страны, где осуществляется эксплуатация жертв. Указанные обстоятельства существенно затрудняют производство следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий или же делают невозможным реализацию проверочных мероприятий на территории иностранных государств [4, с. 184].

В-пятых, лимитированность субъектов расследования процессуальными сроками, в течение которых установить событие преступления и принять законное и обоснованное решение в порядке ст. 145 УПК РФ не представляется возможным, поскольку возможная жертва преступления вывезена за рубеж или ее местонахождение неизвестно, а криминалистически значимой информации, указывающей на признаки преступления, посягающего

на свободу личности нет. Анализируемый фактор подчеркивает высокую латентность исследуемых посягательств [5, с. 6], свидетельствуя о возбуждении уголовных дел по иным составам преступлений (по ч. 1 ст. 105 УК РФ) или принятию должностными лицами правоохранительных органов необоснованных решений в отказе в возбуждении уголовного дела.

В-шестых, недостаточность опыта раскрытия и расследования преступлений против свободы личности у должностных лиц правоохранительных органов. Проведенное нами изучение материалов уголовных дел, анкетирование и интервьюирование субъектов расследования, свидетельствует, что практические работники испытывают значительные трудности в противодействии анализируемым посягательствам: более 38 % из них, поверхностно знакомы с криминалистическими рекомендациями по расследованию таких преступлений; свыше 42 % опрошенных не используют рекомендации в своей работе, полагаясь на свой собственный опыт или мнения коллег по работе.

---

1. Алисиевич Е.С. Совет Европы на страже прав жертв торговли людьми: правовые стандарты и факторы риска // Международное правосудие. 2018. № 3. С. 46–65.

2. Торбин Ю.Г., Усачев А.А., Плеснева Л.П. Формы взаимодействия следователя с органами дознания на начальном этапе досудебного производства // Lex russica. 2020. № 3. С. 70–79.

3. Шурухнов Н.Г. Предварительный этап расследования преступлений: в порядке постановки и обсуждения проблемы // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 5. С. 257–260.

4. Литвишко П.А. Осуществление уголовно-процессуальной юрисдикции в зарубежных представительствах государств: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 265 с.

5. Абрамова С.Р. Криминалистическая характеристика способов торговли несовершеннолетними // Рос. следователь. 2019. № 1. С. 6–9.

Ключевые слова: проблемы расследования, предварительный этап, сообщение о преступлении, свобода личности.

УДК 343.1

ПРОВОКАЦИОННЫЕ РИСКИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ХОДЕ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Карпенко Наталья Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД,
Дальневосточный юридический институт МВД России,
680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15

Статья посвящена проблемам, возникающим в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности при документировании преступлений и признания отдельных оперативно-разыскных мероприятий провокационными. Обращено внимание, на необходимость применения четкой позиции судов в части признания сведений, полученных в ходе проведенных ОРМ допустимыми доказательствами в целях отграничения провокации от законного проведения ОРМ.

В законодательстве Российской Федерации закреплен запрет на применение провокации при осуществлении оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД). Ст. 5 Федерального закона № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) запрещает органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-разыскную деятельность подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация) [1]. Данное определение представляется обобщённым, не полным, так как не содержит пояснений, что подразумевается под склонением, подстрекательством и иными перечисленными действиями.

Дефиниция «провокация» упоминалась еще в секретной инструкции Департамента полиции 1907 г. об организации политического розыска и является предметом исследований правоведов, научных деятелей до сих пор. Провокация как метод борьбы с преступностью использовался полицией Российской империи законно. А.Д. Назаров утверждает, что временем появления понятия провокации в современном понимании является советский период, а именно 1922 г., когда в УК РСФСР появилось первое упоминание о провокации взятки [2]. Именно тогда закрепился запрет на использование провокационных методов. Однако с тех пор и до нашего времени единого, традиционного понятия в науке не закрепилось.

При изучении определения провокации крайне важно также понять, как оцениваются данные действия помимо законодательства, регламентирующего ОРД. В определении Конституционного Суда РФ от 19 февраля 2009 г. № 91-О-О суд пояснил, что указанные в ст. 6 ФЗ об ОРД мероприятия, должны применяться в совокупности с нормой, установленной ч. 8

ст. 5 этого же закона, то есть запрещено совершать действия, провоцирующие граждан, в том числе на незаконный оборот наркотиков [3].

Анализируя уголовное законодательство, следует отметить, что ст. 304 УК РФ содержит норму, запрещающую провокацию, но лишь определенных общественно опасных деяний, таких как взятка, коммерческий подкуп либо подкуп в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд [4]. Законодатель устанавливает уголовную ответственность лишь за провокацию такого общественно опасного деяния как получение взятки. Действия же лица, которое намекает на получение взятки, подстрекает лицо передать ему данную взятку в понятие провокации не вошли. Такие действия как провокация кражи, незаконного оборота наркотических веществ и другие незаконные действия остаются за сферой уголовной регламентации. По этому поводу в уголовно-правовой литературе долгое время существует мнение, о приравнивании провокации к соучастию (подстрекательстве) в преступлении (исключением выступает проанализированная нами выше ст. 304 УК РФ).

Так, Д.К. Григорян называет главными отличиями между подстрекателем и провокатором цели, которые они преследуют: «подстрекатель – лицо, которое полностью осознает, что своими словами побуждает другого человека совершить преступление, и желает наступления последствий, к которым они могут привести. В данном случае естественно, что подстрекатель не желает расследования данного преступления, потому что в случае его раскрытия, он также понесет уголовную ответственность. Но если говорить об институте провокации, то в этом случае мотивы лица, которое провоцирует на совершение преступления, скрыты от других лиц, его главной целью является совершение преступления другим лицом для привлечения последнего к уголовной ответственности. Фактически его интеллектуальное и опосредованное участие тщательно скрывается» [5].

Отсутствие закрепленных в нормативных правовых актах признаков провокации и точного определения является серьезной проблемой в правоприменительной практике при документировании преступлений.

Если проанализировать перечень оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), закреплённых в ст. 6 ФЗ об ОРД, следует отметить, что довольно часто в деятельности оперативных подразделений в целях документирования преступной деятельности, крайне остро проблема провокации преступления стоит при проведении таких ОРМ, как проверочная закупка и оперативный эксперимент.

О законности проведения оперативного эксперимента, особенно по коррупционным преступлениям существуют различные дискуссионные мнения. Так, Е.С. Дубоносов определяет ОРМ, как «способ получения информации путем воспроизведения негласно контролируемых условий и объектов для проявления противоправных намерений лиц, обоснованно подозреваемых в подготовке или совершении преступлений» [6, с. 91]. В указанном определении автор считает, что сутью оперативного эксперимента

является конспиративное наблюдение за проверяемыми и лицами, которые находятся в разработке и входят в состав подозреваемых в подготовке или совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких.

А.Е. Чечетин определяет оперативный эксперимент как ОРМ основанное на моделирование оперативно-разыскной ситуации, позволяющей опытным путем обнаружить противоправные действия как находящихся под контролем, так и неизвестных лиц, с целью документирования и пресечения их преступной деятельности [7, с. 115–120].

Действительно, важным моментом при подготовке и проведении данного ОРМ является тот факт, что оперативные сотрудники моделируют условия, которые максимально соответствуют реальной обстановки, вызывающей определенное событие и действие, под их контролем, вовлекая лицо, в отношении которого имеются данные о противоправной деятельности, без его уведомления об участии в оперативном эксперименте, документируя его противоправное деяние, так как умысел на совершение преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления у этого лица возник ранее.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что ранее в целом по России большинство обвинительных приговоров по делам о получении взятки основаны на доказательствах вины, полученных в результате проведения ОРМ – оперативный эксперимент в отношении взяткополучателя. Однако, в связи с рядом решений Европейского суда по правам человека, возникла необходимость в разъяснении действующего законодательства для исключения возможности провокационных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов [8]. Важно знать и соблюдать критерии отграничения провокации или подстрекательства от законного проведения оперативного эксперимента как ОРМ по делам о взятках.

Важные позиции законности проведения ОРМ основаны на положениях п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее – Пленум ВС РФ № 24) [9], который разъясняет, что от преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, следует отграничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа. Указанные действия совершаются в нарушение требований ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без

вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы, и преступление не было бы совершено.

Основываясь на указанных выше правовых позициях, следственными органами последовали решения об отказе в возбуждении уголовных дел либо их прекращении, так как в материалах зачастую отсутствовали данные свидетельствующие о том, что взяткополучатель совершил бы преступление без вмешательства сотрудников правоохранительных органов.

Чтобы избежать провокационных действий при проведении ОРМ, сотрудники оперативных подразделений в практической деятельности существенно изменили подход к организации проведения данного ОРМ.

В настоящее время в правоприменительной практике оперативные подразделения[1] отказались от проведения оперативного эксперимента по коррупционным преступлениям, документирование взяток осуществляется так называемыми методами проведения «пассивных» ОРМ – ПТП, СИТКС, наблюдение с применением технических средств и др. Проведение таких ОРМ обосновывается тем, что в настоящее время сами заявители практически не обращаются в правоохранительные органы с заявлением о вымогательстве взятки. Если сам оперативный работник проявит инициативу и начнет работать с заявителем, создавая и подготавливая условия для проведения ОРМ, то в дальнейшем судебно-следственными органами доказательства могут признаться недопустимыми, а оперативного сотрудника могут обвинить в совершении должностного преступления.

Заслуживает внимание рассмотрение вопроса провокации при документировании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершенных бесконтактным способом. В правоприменительной практике некоторых регионов не считается провокацией использование оперативными подразделениями муляжа при проведении ОРМ оперативный эксперимент[2], так как мероприятие направлено на выявление дальнейших участников бесконтактного сбыта наркотиков.

Однако проведение оперативного эксперимента с использованием муляжа наркотического средства в настоящее время может расцениваться как провокация. Верховный Суд РФ разъяснил, что под провокацией сбыта понимается подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов или лицам, привлекаемым для проведения оперативно-разыскных мероприятий [10], иначе говоря, не будет расцениваться как провокация только деяние преступника, когда он сам настаивает на сбыте «товара».

---

[1] Информация получена в ходе интервьюирования оперативных сотрудников ОЭБ и ПК УМВД России по Хабаровскому краю.

[2] Сведения взяты в результате опроса сотрудников ОКОН УМВД России по Хабаровскому краю.

Аргументами суда, а также прокуратуры является факт того, что в случае подтверждения факта сбыта наркотических средств возникает необходимость незамедлительного возбуждения уголовного дела, ведь состав преступления присутствует, а если продолжать проведения таких мероприятий, незаконная деятельность, по сути, будет продолжаться, соответственно возникают следующие эпизоды преступлений, а правоохранители такого допускать не должны, ведь преступную деятельность необходимо пресекать. Но как документировать такую деятельность и выявлять остальных участников преступных групп?

Также возникает вопрос о критериях провокационных действий при проведения такого ОРМ, как проверочная закупка в части документирования преступлений, где могут участвовать сотрудники оперативных подразделений. В данном ОРМ также создаются условия для совершения мнимой сделки, проводятся подготовительные мероприятия в целях документирования преступления. Проводя аналогию, можно утверждать, что если бы не было сотрудников оперативных подразделений, тогда бы и не было преступления. На данный счет отсутствуют разъяснения Пленума Верховной суда, и это пока радует практических работников, так как у многих оперативных сотрудников возникает боязнь быть привлеченными к ответственности после проведения ОРМ, они начинают понимать неэффективность ОРМ и правовую незащищенности своих действий.

Анализируя судебную практику по делам, связанных с незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ, можно заметить, что суд признает проверочную закупку провокацией в тех случаях, когда у правоохранительных органов не было достаточных данных, оснований подозревать лицо в незаконном сбыте, а сама сделка стала результатом вмешательства сотрудников. Целями повторной проверочной закупки могут являться пресечение и раскрытие организованной преступной деятельности и установление всех её соучастников, выявление преступных связей участников незаконного оборота наркотических средств, установление каналов поступления наркотиков, выявление производства при наличии оперативно-значимой информации по данным фактам. Кроме того, это могут быть случаи, когда в результате проведённого ОРМ не были достигнуты цели мероприятия (например, сбытчик наркотического средства догадался о проводимом мероприятии) [10].

Следует отметить, что при проведении проверочной закупки по экономическим составам преступления в практической деятельности также возникают проблемы, при оценке доказательств, представленных сотрудниками оперативных подразделений при проведении ОРМ, направленных на документирование преступлений. Рассмотрим на примере выявления и получение данных об обстоятельствах подлежащих доказыванию преступлений, предусмотренных ст. 171.3 УК РФ, в части признания сведений, полученных в ходе проведенных ОРМ допустимыми доказательствами [11, с. 104].

Так, в 2018 г. районный суд г. Хабаровска вынес обвинительный приговор по ст. 171.3 УК РФ в отношении гр. Ч., который, имея умысел на реализацию алкогольной продукции, разместил в соцсетях объявление о продаже спирта без соответствующей лицензии в крупном размере. В ходе ОРМ «Проверочная закупка» сотрудником оперативного подразделения был задокументирован факт преступления, а именно подсудимый сделал скидку и, осознавая, что наличие такой лицензии обязательно, умышленно, из корыстных побуждений, осуществил незаконную розничную продажу этилового спирта в 50 канистрах, всего на сумму 112 000 руб. [12] Данный факт документально зафиксирован оперативным подразделением актом ОРМ «Проверочная закупка» и средствами аудиовидеофиксации, которые согласно установленному порядку были использованы в суде в качестве доказательств.

Однако в ходе пересмотра дела вышестоящим судом данный приговор был отменен по тем основаниям, что подсудимый в жалобе указал на неправильный расчет стоимости крупного размера проданной им продукции и изменил свои показания, указав на то, что в действиях сотрудников правоохранительных органов имеется провокация при проведении ОРМ «Проверочная закупка» [13]. Решением вышестоящего суда результаты ОРМ признаны недопустимым доказательством и виновный освобожден от уголовной ответственности.

Из проанализированного примера видно, что у гр. Ч. умысел на продажу этилового спирта сформировался самостоятельно без воздействия сотрудников полиции. Чтобы исключить провокации при проведении ОРМ, умысел на осуществление преступного деяния должен сформироваться независимо от сотрудников оперативного подразделения, необходимо чтобы лицо стояло перед выбором совершить преступление или отказаться. Анализ ст. 171.3 УК РФ дает четкое понимание, что в состав преступления включена субъективная сторона преступления, которая содержит прямой умысел лица, совершающего преступное деяние. В данном случае, подсудимый разместил объявление в соцсетях, заранее указав объём и стоимость реализуемой им продукции, что являлось уголовно наказуемым деянием.

Закон должен соблюдать баланс между интересами сторон – в частности, стремление оперативных работников выявить преступление не должно повсеместно рассматриваться судами как провокация, так как проведение определённых ОРМ уже предполагает создание определённых условий для фиксации преступных действий. Как показывает практика[1], довольно часто со стороны лица (преступника) в целях своей защиты предпринимаются меры противодействия с целью обвинения участников-инициаторов проведения ОРМ в нарушении закона.

Необходимо давать тщательную оценку всем обстоятельствам. После вынесения судебного решения оправдательного характера в отношении

[1] Сведения получены в ходе интервьюирования сотрудников оперативных подразделений ОБЭП и ПК УМВД России по г. Хабаровску.

гр. Ч, задокументировать в практической деятельности данное деяние как преступление проблематично, так как лица, совершающие данные деяния, знают, как уйти от уголовной ответственности. Подсудимый, в ходе пересмотра дела вышестоящим судом начал менять показания и суд встал на его сторону и признал, что умысел на реализацию этилового спирта сформировался под воздействием сотрудников, что является провокацией при проведении ОРМ.

Подводя итог сказанному, отметим, что нормативными правовыми актами четко регламентированы основания, условия, тактика и методы проведения ОРМ. В случае законодательной трактовки судебно-следственными органами критериев провокации и законности ОРМ не в пользу оперативных сотрудников, значение ОРД теряет свою функциональность, и преступники по отдельным составам преступлений будут оставаться безнаказанными.

---

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

2. Назаров А.Д. Провокации в оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]. М.: Юрлитинформ, 2010. 152 с. URL: http://law.sfukras.ru/data/method/e-library-kup/Mono/%D0%9D%D0%B0%D0%B7%D0% B0%D 1 %8 0%D0%BE%D0%B2,%202 010.pdf.

3. Определение Конституционного Суда Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 19 февраля 2009 г. № 91-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. от 7 апреля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Григорян Д.К., Ищенко Д.П., Ищенко Г.К. К вопросу о необходимости уголовной ответственности за провокацию преступления [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neobhodimosti-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-provokatsiyu-prestupleniya.

6. Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. 6-е изд. М.: Юрайт, 2019. 379 с.

7. Чечетин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. С. 115–120.

8. Дело «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) [Электронный ресурс]: постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума

Верховного Суда Рос. Федерации от 9 июля 2013 г. № 24: в ред. от 24 декабря 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2013. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ [Электронный ресурс], утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 27 июня 2012 г. URL: https://konsultant228.ru/dokumenty/obzor-2012 (дата обращения: 28.04.2022).

11. Карпенко Н.А. О проблемах, возникающих при оценке доказательств, полученных в ходе проведения ОРМ, направленных на выявление преступлений, предусмотренных ст. 171.3 УК РФ // Вестник ДВЮИ МВД России. 2022. № 2 (44). С. 104–110.

12. Приговор Железнодорожного районного суда г. Хабаровска [Электронный ресурс]. URL: https://zheleznodorozhny--hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv num= 1&name op=doc&number=54325231&delo id=1540006&new=0&text number=1 (дата обращения: 21.01.2021).

13. Решение Хабаровского краевого суда [Электронный ресурс]: URL:https://kraevoy-- hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv num=1&name op=doc&number=9449098&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 21.01.2021).

Ключевые слова: провокация, оперативно-разыскная деятельность, преступления, ОРМ, оперативный эксперимент.

УДК 343.9

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИ ДОПРОСЕ ПОСТРАДАВШЕГО ОТ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ

Кузнецов Александр Александрович,
заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики,
Омская академия МВД России,
644092, г. Омск, пр. Комарова, д. 7

Дистанционные мошенничества, совершаемые с использованием современных телекоммуникационных технологий, являются распространённым преступлением. Пострадавшими от таких мошенников чаще всего являются пожилые люди, в таких случаях находящиеся в стрессовой ситуации. Определение обстоятельств, входящие в предмет допроса является тактической задачей следователя, позволяет рационально получить требуемые сведения.

Хищения, совершенные дистанционно, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, представляют собой большую опасность для общества, так как имеют высокую степень латентности и относятся к категории тяжких преступлений. Повсеместное использование банковских карт, безналичных расчетов, электронных кошельков, виртуальных счетов, оплаты услуг и товаров по средствам использования личных кабинетов и сети «Интернет» стало неотъемлемой частью жизни человека, и вошло в обыденность. При этом вопросам безопасности использования указанных услуг, со стороны организаций их предоставляющих, а также граждан их использующих, уделяется недостаточное внимание. Банковские организации ежегодно предлагают своим клиентам, все более удобные средства хранения и использования денежных средств, исключающих непосредственный контакт с денежными купюрами и личное посещение финансовых учреждений, тем самым снижая количество бумажной денежной массы, и внедряя электронные средства платежа в обыденную жизнь. Постоянный рост предложений по использованию безналичных средств платежа в сочетании с возможностями информационных технологий и зачастую безграмотностью пользователей этих услуг, ежегодного порождают все новые виды и схемы хищений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

В настоящее время, большинство хищений совершается с использованием сети интернет, подменных номеров, а также SIP-телефония (IP-телефония), и использованием мессенджеров (Viber, Whats App, Telegram).

Таким образом, используя понятие информационно-телекоммуникационных технологий, мы объединяем все доступные и современные средства коммуникации (связи) между людьми – сотовая связь, спутниковая связь, интернет-соединения, SIP-телефония (IP-телефония) и т.п. Отдельно выделяя мошенничество с использованием средств сотовой связи (подразумевая все современные средства связи) подчеркиваем, что как не меняется образ жизни наших граждан и как активно не проводится профилактическая деятельность среди населения, процент совершения дистанционных мошенничеств под предлогом «член семьи попал в беду» остается актуальным и достаточно распространенным.

При поступлении заявления (сообщения) о совершении мошенничества перечень конкретных обстоятельств, подлежащих установлению в стадии возбуждения уголовного дела, зависит от содержания диспозиции уголовно-правовой нормы, по признакам которой возбуждается уголовное дело. Для повышения результативности работы по раскрытию и расследованию хищений, совершенных с использованием ИТТ, необходим постоянный и своевременный обмен информацией между следователем (дознавателем) и сотрудниками оперативных подразделений, осуществляющими сопровождение расследования соответствующих преступлений. Для выявления и пресечения указанных преступлений с учетом высокой степени их латентности, требуются высококвалифицированные специалисты, владею-

щие приемами и методами оперативно-разыскной и следственной работы, умеющие применять свои знания на практике.

Получение сведений от пострадавшего при совершении дистанционного мошенничества фактически является основным доказательством совершенного преступления. В последнее время вновь участились случаи, при которых потерпевший передает денежные средства преступнику или (а чаще вменно так) – третьему лицу в определенном месте. Речь идет о так называемых курьерах, которые лично забирают деньги у пострадавших. Соответственно как опрос (в рамках предварительной проверки сообщения о преступлении), так и допрос потерпевшего (в рамках проведения первоначального следственного действия) является наиболее важным способом получения сведений, показаний о лицах, причастных к совершению преступления. Специфика установления обстоятельств совершенного мошенничества под предлогом, что родственник попал в беду обусловлено личностью пострадавшего, которыми являются, как правило, пожилые люди. В силу возраста, болезненного состояния такие лица не могут контролировать ход ведения беседы по телефону. Тем более, что за последнее время мошенники усовершенствовали варианты допущения обмана, используя возможности социальной инженерии. Подобные и иные обстоятельства обязывают следователя в первую очередь при допросе пострадавших получить сведения, характеризующие личность потерпевшего и его ближайших родственников, а также степень их родства, личные отношения не только с пострадавшим, но и между собой. Практике известны случаи, когда преступником оказывались родственники, близкие потерпевшего.

Далее, после установленного психологического контакта с потерпевшим и разъяснения сути создавшейся ситуации следует перейти к выяснению данных о звонившем. Подлежит выяснению дата, время поступления звонка, по возможности, абонентские номера телефонов, с которых звонили; дословное содержание разговора, кем представился звонивший, какую информацию сообщил, что предлагал сделать; описание голоса (хриплый, высокий или низкий, молодой или старый и т.д.), манеру строить фразы; характерные особенности речи и голоса преступника (например, шепелявит, проглатывает окончание фразы, говорит скороговоркой и т.д.), возможность его опознания, имеется ли запись разговора на мобильном телефоне (при наличии соответствующей специальной программы). Естественно, если использовался голосовой робот, то подобную информацию от потерпевшего следователь не получит. Далее, кто был инициатором встречи и определял места передачи денежных средств. С целью восстановления в памяти произошедшего следует детализировать поступки пострадавшего после диалога с преступником. Так, устанавливается точное время прибытие курьера и в дальнейшем выясняются обстоятельства общения с последним. Сначала следует установить возможных соучастников: с кем прибыл курьер, на каком транспорте (его индивидуальные признаки). В дальнейшем выясняем обстановку передачи денежных средств (место, время, воз-

можные свидетели). Был ли телефонный звонок от курьера (с какого номера?), описание внешности и особые приметы соучастника. Содержание разговора с курьером.

Следующим обстоятельством, которое следует установить при допросе потерпевшего является размер ущерба. Подлежит выяснению сумма и в каких купюрах были переданы деньги, обоснованность их наличия у потерпевшего. Документы, удостоверяющие наличие названной суммы, свидетели, которые могут данный факт подтвердить.

В завершение допроса потерпевшего подлежат выяснению вопросы, связанные с фактом обнаружения обмана: в какой момент осознал, что совершено мошенничество, какие действия предпринял.

В предмет допроса потерпевшего от дистанционного мошенничества может быть включен и дополнительный перечень обстоятельств в зависимости от создавшейся следственной ситуации, полученных результатов от проведенных процессуальных и следственных действий, организационных мероприятий.

При допросе потерпевшего при дистанционном мошенничестве следует глубоко изучить возможность опознания звонившего, курьера или иных соучастников как по голосу, так и по приметам внешности. С участием специалистов экспертно-криминалистических подразделений составить композиционных портрет преступников и приобщить к материалам уголовного дела, использовать возможности подсистемы ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество».

Ключевые слова: следователь, допрос, дистанционное мошенничество, обстоятельства, подлежащие установлению.

УДК 343.9

ТИПИЧНЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ, СОВЕРШАЕМЫЕ СЛЕДОВАТЕЛЯМИ И ИНЫМИ СОТРУДНИКАМИ ПО «ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ГРАБЕЖЕЙ

Ловягина Гюнель Анваровна,
слушатель факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2;

Колычева Алла Николаевна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматриваются типичные ошибки, возникающие в деятельности правоохранительных органов при осуществлении тактических

действий по «горячим следам» при расследовании грабежей, на основании которых предложен ряд методических рекомендаций по их предотвращению и сокращению в целом.

Действуя по «горячим следам», следователям и иным лицам, в чьи обязанности входит обеспечение законности и правопорядка, приходится принимать решения наиболее оперативно. В силу этого и множества других обстоятельств данные лица на практике допускают тактические ошибки, способные негативно повлиять на дальнейший ход расследования. Опираясь на рассмотренную в предыдущей главе методику, существующую в теории, и практический опыт, можно выявить данные ошибки и предложить рекомендации по их устранению.

Одним из наиболее важных следственных действий при расследовании грабежей по горячим следам является осмотр места происшествия. При правильном его проведении возможно получить первоначальную объективную информацию посредством обнаружения материальных следов преступления. В свете сказанного уместным представляется мнение Н.В. Морозовой, которая обращает внимание на тот факт, что следственный осмотр достаточно сложен как в тактическом, так и организационном плане, поэтому требует от следователя достаточной внимательности и концентрации, временных затрат [1, с. 51].

Грубой ошибкой являются случаи, когда следователи пренебрегают рассматриваемым следственным действием и уделяют ему недостаточное внимание, полагая, что каких-либо полезных результатов осмотр места происшествия не даст, в связи с этим отсутствует целесообразность тратить на него время, которое у сотрудников следственных органов крайне ограничено. В таких ситуациях протокол осмотра места происшествия составляется формально, в нем не описывается все то, что было обнаружено на месте происшествия, в связи с этим он не несет какой-либо информативной нагрузки, имеющей значение для предварительного расследования [2, с. 204]. Во-первых, действуя подобным образом, сотрудники снижают эффективность расследования грабежей по горячим следам, что, на наш взгляд, недопустимо. Во-вторых, подобная установка сотрудников правоохранительных органов ошибочна, так как по уголовному делу обязательны для установления время и место совершения преступного деяния, указанные обстоятельства названы в качестве обязательных, подлежащих доказыванию по уголовному делу, поэтому проведение осмотра места происшествия с фиксацией его результатов в протоколе, является обязательным в силу законодательных требований.

Также можно отметить случаи, когда следователи проводят осмотр места происшествия, но пренебрегают осмотром прилегающей территории [2, с. 204]. Хотя именно при совершении грабежей высока вероятность того, что орудия преступления, следы преступника и часть похищенного имущества могут находиться неподалеку. Например, преступник выхватил сумку

у женщины и убежал. Оказавшись в соседнем дворе, он понял, что за ним никто не гонится. Тогда он может взять из сумки деньги или иные ценности, а саму сумку с остальным содержимым выкинуть на месте. Следователь, зная по указаниям потерпевшей направление, в котором скрылся преступник, пренебрегая детальным осмотром данной территории, теряет часть доказательств, в том числе возможно оставленные отпечатки пальцев и биологические следы.

В рамках данного вопроса стоит отметить и основные ошибки, которые допускаются в процессуальной части при производстве расследования грабежей по горячим следам, в частности при написании протокола осмотра места происшествия.

На сегодняшний момент при процессе осуществления осмотра места происшествия прослеживается проблематика в части описания предметов и веществ в протоколах осмотра места происшествия. При описании обнаруженного вещества на месте происшествия большинство специалистов совершают ошибки в части употребления в процессуальных документах конкретных слов, например, «кровь», «слюна», так как невозможно моментально сделать вывод являются ли вещества таковыми или нет без надлежащего исследования [2, с. 206]. Ввиду этого для надлежащего расследования и во избежание ошибок специалистам стоит отказаться от употребления конкретных значений в силу субъективного фактора.

Установленное законом изъятие и приобщение к материалам дела следов преступления является важным действием, к которому нужно подходить грамотно. Например, если при собирании вещественных доказательств неправильно их упаковать, то в последующем встает вопрос о подлинности данных вещественных доказательств. Отражение в материалах дела при произведении должностным лицом каких-либо действий с вещественными доказательствами является необходимым. Если в ходе судебного процесса судом будет установлено, что какие-либо действия должностного лица не вносились в протоколы, то будет вставать вопрос о допустимости данных доказательств [3, с. 8–9].

Как отмечалось ранее, при проведении осмотра места происшествия следователю необходимо изъять видеозаписи с камер видеонаблюдения и осмотреть их. В противном случае это может не только затруднить ход действий по горячим следам при расследовании грабежей, но и привести к утрате доказательств. Так, если следователь своевременно не изучит и не изымет видеозаписи, то возможны следующие негативные последствия:

- на момент производимых действий по горячим следам будет отсутствовать объективная информация о внешности преступника, его одежде, особых приметах, а также о деталях произошедшего, направлениях его отхода;

- по истечению определенного периода времени изъятие видеозаписей станет невозможным в связи с перезаписью информации [4, с. 23].

Отсюда возникает проблема: при осмотре места происшествия следователь тратит много времени на обследование самой территории и только после этого может перейти к изучению видеозаписей с камер видеонаблюдения. Хотя для задержания преступника, совершившего грабеж, по горячим следам важнее получить информацию с камер. Так, следователю будет целесообразно поручить решение вопроса обнаружения и первоначального изучения видеозаписей оперуполномоченным сотрудникам.

Отметим ряд ошибок, которые совершаются сотрудниками при задержании лица, совершившего грабеж. Типичной является следующая – виновное лицо, убегая от сотрудников полиции, теряет по пути предмет, похищенный в результате совершения грабежа, при этом сотрудники правоохранительных органов этот предмет самостоятельно подбирают и продолжают погоню, догнав его, они указанный предмет кладут в карман или дают ему в руки и доставляют в отделение вместе с похищенным предметом [5, с. 175]. Таким образом, лица, осуществляющие задержание по горячим следам, оставляют на предмете преступления свои следы, что также может затруднить осуществление расследования.

Отдельно отмечаем, что криминалистически нецелесообразно везти виновное лицо с места его задержания в отдел полиции. Тактически правильным будет дождаться следователя, который протокольно зафиксирует место и время задержания, а также иные следы преступления. На практике чаще всего задержанного в наручниках доставляют в отделение полиции для дачи признательных показаний, при этом место его задержания остается чаще всего неисследованным [5, с. 175].

Исходя из проанализированных выше ошибок, которые наиболее типичны при производстве тактических действий по горячим следам при расследовании грабежей, предлагаем следующие рекомендации, позволяющих их избежать.

1. При поступлении сообщения о совершенном грабеже, немедленно и в обязательном порядке произвести осмотр места происшествия.

2. При осмотре места совершения грабежей необходимо: избегать поверхностности действий, исследовать прилегающую территорию, учитывать показания потерпевшего и (или) очевидцев, изымать и исследовать видеозаписи с камер видеонаблюдения.

3. Грамотно оформлять процессуальные документы, опираясь на помощь участвующих специалистов, а именно: фиксировать весь ход следственного действия, избегать конкретных субъективных формулировок («кровь», «слюна», «золото», «серебро» и т.д.), отражать все изымаемые предметы и вещества, указывать порядок их изъятия и способ упаковки.

4. При производстве осмотра места происшествия и иных тактических действий по горячим следам следователю необходимо для оптимизации времени распределять нагрузку между всеми участниками следственно-оперативной группы, не пытаться сделать все самостоятельно. Следователь должен не только давать указания, но и контролировать их исполне-

ние, а также поддерживать постоянный обмен тактически-важной информацией [6].

5. Если лицо, совершившее грабеж не задержано, первостепенно необходимо уделить время выяснению той, информации, которая способствовала бы отысканию преступника по горячим следам. При невозможности сделать это самостоятельно, следователь должен дать поручения сотрудникам оперативного подразделения.

Отдельно отметим рекомендации, которые позволят избежать ошибок при задержании лиц, совершивших грабеж для сотрудников патрульно-постовой службы, оперативных подразделений и иных, чья деятельность может подразумевать задержание преступников непосредственно при совершении преступления или по горячим следам:

- самостоятельно не подбирать предметы, которые обронил или выкинул преступник, обеспечивать их сохранность до приезда следственно-оперативной группы;

- после задержания лица, оставаться с ним на месте до приезда следственно-оперативной группы.

Таким образом, нами были выявлены типичные ошибки, возникающие в деятельности правоохранительных органов при осуществлении тактических действий по горячим следам при расследовании грабежей, на основании которых предложен ряд методических рекомендаций по их предотвращению.

---

1. Морозова Н.В. Общетеоретические аспекты проведения осмотра места происшествия при расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 4 (89). С. 48–52.

2. Дворкин А.И. Осмотр места происшествия: практическое пособие. М.: Юрист, 2017.

3. Гришин Д.А. Реализация принципа законности при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 48-4.

4. Столбков А.С., Мартынов И.А. На первоначальном этапе расследования // Вестник МВД России. 2018. № 2.

5. Космодемьянская Е.Е. Повышение эффективности поиска лиц, совершивших корыстные, корыстно-насильственные преступления: дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2018.

6. Чаплыгина В.Н., Иванюшин Д.В. Взаимодействие органов следствия с органами дознания на первоначальном этапе расследования грабежей и разбоев // Закон и право. 2021. № 8. С. 149–150.

Ключевые слова: преступник, «горячий след», осмотр места происшествия, тактический, след, следственный.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Морозова Наталия Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье предпринята попытка анализа современного понимания термина «следственные действия» и определения их места в системе процессуальных действий. Автор обращает внимание, что в настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует определение понятия следственных действий, в связи с чем предложено оптимальное определение рассматриваемого понятия, которое консолидировало в себе все существенные признаки, и в то же время сохранило лаконичность и ясность.

Анализ раскрываемости зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации за последние три года [1] позволяют сделать вывод о том, что на органы предварительного расследования органов внутренних дел ежедневно ложится колоссальная нагрузка по расследованию преступлений.

Стадии досудебного производства по уголовному делу играют важную роль в уголовном судопроизводстве, так как именно на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования производится сбор и оценка доказательств, которые непосредственно влияют на принятие решений по уголовному делу.

Центральным звеном стадий досудебного производства выступают следственные действия, ведь именно они являются основным средством получения доказательств. Общепризнан и тот факт, что следственные действия являются мощным средством, неотъемлемым инструментом, основным процессуальным способом собирания доказательств при раскрытии и расследовании преступлений. Именно поэтому своевременность, правильность и эффективность производства следственных действий во многом предопределяют успешность расследования преступлений.

В этой связи достаточно важно понимать сущность, систему и порядок производства следственных действий. Однако, несмотря на некую определенность и закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве института следственных действий, в научном мире до настоящего времени не утихают дискуссии относительно понятия следственных действий, а также их системы и тактики производства.

Отметим, что любое следственное действие носит комплексный характер, однако каждое следственное действие отличается от другого целя-

ми, фактическими и юридическими основаниями производства и т.д. Вместе с тем следственные действия имеют общие правила их производства, которые носят обобщенный характер для всего института следственных действий. Ст. 164 УПК РФ раскрывает общие правила производства следственных действий, которые представляют систему общих положений, регулирующих в равной степени проведение каждого следственного действия, однако, некоторые правила требуют конкретизации во взаимосвязи с другими нормами.

Общие правила производства следственных действий направлены на обеспечение и защиту конституционных прав и интересов личности. Они выступают некими нормами-гарантами прав участников уголовного судопроизводства [2]. Общие правила производства следственных действий играют важную роль в отечественном уголовном судопроизводстве, поскольку предоставляют участникам уголовного процесса реальную возможность осуществлять свои права, а также обеспечивают эффективность производства следственных действий.

Однако правоприменительная практика зачастую сталкивается с проблемами, возникающими в процессе производства следственных действий, в связи с чем, необходимо исследовать данную область законодательства. Так, как было уже отмечено, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует четкое определение понятия следственного действия [3].

В этой связи согласимся с мнением И.М. Комарова, который отмечает, что «судебно-следственная практика имеет достаточно коллизий правоприменительной деятельности, когда отсутствие указанного определения создает сложности для выполнения назначения уголовного судопроизводства, определенного ст. 6 УПК Российской Федерации» [4].

О необходимости закрепления понятия следственного действия в действующем законодательстве говорят и С.Э. Воронин и О.В. Меремьянина, которые провели сравнительный анализ законодательства и установили, что в Уставе уголовного судопроизводства понятие «следственные действия» встречалось 6 раз, в УПК РСФСР – около 40 раз, а в УПК РФ 2001 г. – более 130 раз [5].

Указанные цифры наглядно демонстрируют значимость процессуального института и потребность в формулировке единого понятия.

На сегодняшний день в литературе встречается позиция процессуалистов, которые понимают под следственными действиями все процессуальные действия, совершаемые уполномоченными органами и должностными лицами в ходе предварительного расследования. Авторов этой точки зрения можно назвать приверженцами широкого понимания следственных действий. К числу таких авторов можно отнести А.П. Кругликова, К.Ф. Гуценко, М.А. Чельцова и др.

И.Ф. Герасимов рассматривал следственные действия в широком смысле и относил к их числу все процессуальные действия следователя

(например, он включал к числу следственных действий дачу следователем отдельных поручения, признание потерпевшим или гражданским истцом). Всего И.Ф. Герасимов насчитывал 42 следственных действия [6].

На наш взгляд, данная позиция недостаточно убедительна, так как в таком случае между следственными и процессуальными действиями ставится знак тождества, что, по нашему мнению, недопустимо, поскольку считаем, что понятие процессуального действия является родовым по отношению к его отдельным видам: следственным, судебным и иным процессуальным действиям.

Законодательное деление процессуальных действий на следственные, судебные и иные действия привело к появлению позиции в теории уголовно-процессуального права о делении всех процессуальных действий на 3 группы:

1) следственные действия;

2) иные процессуальные действия;

3) судебно-следственные действия.

По мнению В.С. Балакшина, судебно-следственные действия проводятся в судебном разбирательстве [7]. Выделение данной группы действий представляется не совсем понятной: имеет ли ввиду автор следственные действия, проводимые в ходе судебного разбирательства или следственные действия, проводимые ходе предварительного расследования и требующие судебного разрешения на их производство. В связи с этим считаем верным придерживаться позиции законодателя и выделять в процессуальных действиях группу следственных и судебных действий.

Анализ научной и учебной литературы позволил нам сформулировать оптимальное определение рассматриваемого понятия, которое консолидировало в себе все существенные признаки, и в то же время сохранило лаконичность и ясность. Представляется, что под следственными действиями стоит понимать регламентированное УПК РФ процессуальное действие, производимое субъектом доказывания, направленное на обнаружение, собирание и проверку доказательств по уголовным делам.

Таким образом, отметим, что следственные действия на сегодняшний день составляют основное содержание предварительного расследования. Следственные действия выступают составляющим звеном понятия «процессуальные действия», но не приравниваются к данному понятию.

---

1. Сведения о состоянии преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения: 11.02.2023).

2. Чаплыгина В.Н., Плетникова М.С. Направления реализации принципа уважения достоинства личности при производстве следственных действий // Теория и практика расследования преступлений: материалы X Международной научно-практической конференции / редколлегия:

Э.С. Данильян, И.Г. Башинская, М.Ю. Лакомская [и др.]. Краснодар, 2022. С. 624–629.

3. Колычева А.Н. Эффективность проведения следственных действий при расследовании преступлений против личности // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 1. № 1 (3). С. 206–210.

4. Комаров И.М. Еще раз к вопросу о признаках следственного действия и системе следственных действий в отечественном уголовном процессе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. № 4 (83). С. 88–97.

5. Воронин С.Э., Меремьянина О.В. Основания проведения следственных действий: учеб. пособие. Красноярск, 2004.

6. Плотников К.С., Макашина Н.П. Становление правового и исторического опыта следственной деятельности // Научные высказывания. 2023. № 3 (27). С. 97–101.

7. Балакшин В.С. Доказательства в российском уголовном процессе: понятие, сущность, классификация: монография. Екатеринбург: УрГЮА, 2002. С. 95–96.

Ключевые слова: досудебное производство, следственные действия, процессуальные действия, следователь, расследование преступлений.

УДК 343.9

ПРОБЛЕМАТИКА ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЗАЩИТНИКА

Нехаев Илья Николаевич,
адъюнкт кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

В статье рассматриваются проблемные вопросы участия следователя и защитника в доказывании, уделяется внимание актуальным аспектам допустимости отдельных видов доказательств, указываются на проблемы, существующие в современном уголовно-процессуальном законодательстве в рамках получения доказательств следователем и защитником, предлагаются пути решения указанных проблем.

Процесс получения доказательств в современном уголовно-процессуальном законодательстве играет одну из важных ролей, что обусловлено тем, что без доказательственной базы не может быть вынесен ряд легитимных решений. Процесс формирования доказательственной базы возложен

на участников уголовного процесса, в рамках настоящей работы мы затронем таких участников, как следователь и защитник.

А.А. Рясов в своем диссертационном исследовании, посвященном проблемам собирания вещественных доказательств в досудебных стадиях российского уголовного процесса, подчёркивает, что вещественными доказательствами необходимо признавать все объекты материального мира, которые следователь изымает в ходе проведения различных следственных действий, будь то выемка, обыск, осмотр места происшествия и другие.

А.А. Рясов солидарен с мнением Г.Б. Карновича и также указывает, что при необходимости следователь может вынести иное постановление и исключить те объекты, признанные вещественными доказательствами и приобщенными к делу, которые, как было выявлено в ходе дальнейшего расследования, не имеют отношения к делу [1].

Мы полагаем, что данное мнение является верным, ведь вещественные доказательства, как и иные доказательства в уголовном процессе должны обладать тесной связью с событием совершенного преступления. Установление подобной неразрывной связи во многих случаях удается не сразу после получения того или иного вещественного доказательства, даже несмотря на то обстоятельство, что они были обнаружены на месте совершения преступления.

Как подчёркивает Е.В. Быкадорова, после того, как следователем был проведен осмотр объекта материального мира, он проводит оценку сведений об этом объекте. Если проведение подобной оценки покажет, что исследуемый предмет обладает признаками вещественного доказательства, то его приобщают к делу, вынося соответствующее постановление. Однако если не подвергать исследованию и оценке сведений обо всех обнаруженных предметах материального мира, то уголовное дело будет слишком «загруженным» ненужными материалами, что также негативно отразится на расследовании [2].

В соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ, защитник обвиняемого имеет право собирать доказательства, которые могут помочь защитить права и законные интересы подзащитного. Однако в практике защитников часто возникают проблемы с получением необходимых документов, предметов и информации.

В УПК РФ нет закрепления тому, какие конкретно документы, предметы и информацию может собирать защитник и какими способами он может их получить и закрепить. Это регламентировано только для органов, которые проводят расследование. Отсутствие четко обозначенной процедуры является причиной многочисленных разногласий между защитниками и правоохранительными органами об отнесении полученной информации к материалам уголовного дела [3].

Нередко защитники необоснованно затягивают процесс получения необходимых документов для доказывания. Они представляют сведения, которые не соответствуют требованиям процессуального законодательства

или получены неправомерным путем. Можно привести как пример из практики поданную защитником К. надзорную жалобу на отказ следственных органов в приобщении к уголовному делу дополнительных документов. Судья отказал в ее удовлетворении, объясняя свое решение тем, что в порядке надзора за деятельностью органов предварительного расследования досудебным производством применяется только контроль над обеспечением конституционных прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, а также над соблюдением прав граждан на беспрепятственный доступ к правосудию [4].

Анализ указанной надзорной жалобы показывает, что судебный контроль над решениями органов предварительного расследования может осуществляться только в случаях, когда они прямо нарушают конституционные права граждан. Важно отметить, что приобщение документов, предметов и информации защитниками не является конституционной гарантией. По мнению С.Н. Хорьякова, если защитнику не предоставляется возможность приобщать информацию, которую он обнаружил, это может нарушить его право на полноценную защиту, а также законные права и интересы подозреваемого или обвиняемого [5].

Для решения проблемы затягивания процесса получения доказательств защитниками можно предложить следующие меры:

1. Установление четких процедур для защитников, которые регламентируют получение документов, предметов и информации. Эти процедуры должны соответствовать требованиям уголовно-процессуального законодательства и обеспечивать равные возможности сторонам защиты и обвинения. Таким образом, установление ясных критериев для определения, какие документы, предметы и информация могут быть приобщены, поможет предотвратить злоупотребления и затягивание процесса.

2. Предоставление дополнительных ресурсов защитникам, чтобы они могли эффективно выполнять свои обязанности по сбору доказательств. Это может включать увеличение численности защитников в случаях, где требуется большой объем работы, а также обеспечение доступа к необходимым техническим средствам и специалистам.

3. Поддержка исследований и обучения для защитников, чтобы они были в курсе последних изменений в уголовно-процессуальном законодательстве и имели навыки эффективного сбора доказательств. Обучение может включать такие аспекты, как методы сбора и анализа доказательств, применение технологий и использование экспертных мнений.

Также можно предложить создание централизованной базы данных с информацией обо всех доказательствах, ранее собранных в рамках уголовных дел, способы и методы, благодаря которым эти доказательства могли быть приобщены к уголовным делам законно. Создание централизованной базы данных с информацией о доказательствах, собранных в рамках уголовных дел, может значительно упростить и ускорить процесс получения защитником необходимых доказательств, а также исключить затягивание

процесса. В такой базе данных можно хранить все имеющиеся документы, предметы, записи и другие доказательства, а также информацию о том, кто, когда и как их собирал. Однако необходимо разработать строгие правила и процедуры для работы с такой базой данных, чтобы предотвратить возможные нарушения прав на конфиденциальность и безопасность обработки информации.

Также считаем, что формой закрепления представляемых адвокатом документов, предметов должна быть регламентированная в п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, поэтому целесообразно внести следующую формулировку: «Получение документов, предметов и других сведений – свободное вручение гражданами защитнику в процессе осуществления им своих полномочий в ходе уголовного судопроизводства предметов, документов и других сведений, смягчающих или опровергающих вину подозреваемого (обвиняемого), вместе с актом, содержащим полный перечень передаваемых сведений, в том числе заверяемые подписи адвоката и источника, от которого были получены такие сведения».

Проблема осуществления полномочий по собиранию и представлению доказательств защитником в уголовном процессе связана с более глобальной проблемой состязательности сторон в уголовном процессе, особенно на стадии предварительного расследования. В российской уголовной юстиции до сих пор существует неравенство сторон в доступе к доказательствам, в связи с сложившимся и действующим смешанным типом уголовного процесса. В данном случае абсолютно солидарны с позицией С.А. Шейфера, согласно которой «законодатель проявил поспешность и определенную беззаботность, выразив в такой неточной и противоречивой формуле правильную мысль о необходимости усиления состязательных элементов в доказывании» [6].

Таким образом, проблема состязательности сторон в уголовном процессе на стадии предварительного расследования является глобальной и необходимо проводить меры по консолидации усилий для дачи нормальной возможности защитника и всей стороны защиты к собиранию доказательств, для реализации прав заинтересованных участников и сокращению временных издержек [7].

Существует несколько путей решения указанной проблемы:

- изменение законодательства: уточнение прав и обязанностей стороны защиты;
- введение процедур, регулирующих процесс сбора и предоставления доказательств защитником;
- разработка и согласование способов и методов предоставления информации;
- улучшение коммуникации и сотрудничества между органами следствия и защитниками;
- обучение защитников, повышение их квалификации.

Указанное, по нашему мнению, может помочь снизить количество проблем, связанных с представлением неподходящих доказательств, способствовать уменьшению появления конфликтных ситуаций, значительно укрепить состязательность сторон как в процессе доказывания, так и в уголовном судопроизводстве в целом.

---

1. Быкадорова Е.В. Оценка допустимости вещественных доказательств по уголовным делам // Наука через призму времени. 2018. № 10 (19). С. 105–109.

2. Постановление Московского городского суда [Электронный ресурс]: от 1 июля 2016 г. № 4у/5-4870. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 10.01.2023).

3. Чаплыгина В.Н., Шайдуллина Э.Д. Защита профессиональных прав адвоката в условиях цифровизации // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ. В 2 частях. Орел, 2022. С. 172–176.

4. Рясов А.А. Проблемы собирания вещественных доказательств в досудебных стадиях российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 34 с.

5. Хорьяков С.Н. Проблемы реализации права адвоката на собирание доказательств в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2018. № 3. С. 49–54.

6. Шейфер С. А. Роль защиты в формировании доказательственной базы по уголовному делу // Государство и право. 2006. № 7. С. 63.

7. Ушаков А.Ю., Чаплыгина В.Н. Проблемы реализации права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела // Аграрное и земельное право. 2019. № 8 (176). С. 136–140.

Ключевые слова: защитник, следователь, доказательства, допустимость доказательств, вещественные доказательства.

УДК 343.1

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ВИДОВ И ПОРЯДКА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Османова Надежда Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
декан факультета подготовки научно-педагогических кадров
и организации научно-исследовательской работы,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

В статье проанализированы предложения Пленума Верховного Суда Российской Федерации об изменении видовой модели уголовного преследования и исключении частного обвинения. Рассматриваются особенности порядка уголовного преследования в зависимости от вида. Предлагаются меры по укреплению гарантий правосудия. Отмечается необходимость дополнительного обеспечения уголовно-правовой защиты прав и свобод лиц, пострадавших от преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, 116.1, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ. Отстаивается позиция планомерного расширения подследственности органов предварительного расследования.

Особенности уголовного производства обусловлены формой и видом уголовного преследования, сущность и содержание которых в различные периоды становились предметом исследования видных ученых-процессуалистов. В настоящее время дискуссии по поводу дифференциации форм и видов уголовного преследования продолжаются.

Согласно положениям ст. 20 УПК РФ выделяется 3 вида уголовного преследования: частный, частно-публичный и публичный.

Каждый из видов определяет объем полномочий участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения по осуществлению уголовного преследования, а также порядок производства по уголовному делу, особенности его начала. Безусловно, процессуальная форма при этом будет обусловлена процессуальным статусом субъекта, осуществляющего уголовное преследование и стадией уголовного судопроизводства.

Наличие в уголовно-процессуальном законе публичных и частных начал выступает одним из основных показателей проводимой в стране уголовной политики – деятельности государства по защите от преступлений граждан, отдельных групп граждан и общества в целом.

По делам публичного и частно-публичного обвинения обязанность уголовного преследования возложена на прокурора, следователя и дознавателя (ч. 1 ст. 21 УПК РФ). По таким делам в уголовном преследовании обвиняемого вправе участвовать потерпевший. Согласно ст. 22 УПК РФ и прямому ее толкованию потерпевший не осуществляет уголовного преследования по делам частно-публичного и публичного обвинения, а лишь принимает в нем участие. Потерпевший либо его представитель по делам част-

но-публичного и публичного обвинения лишь участвуют в уголовном преследовании.

Особенность производства по делам частного обвинения обусловлена диспозитивной составляющей данной процедуры и полномочиями властных субъектов уголовного судопроизводства. Начало уголовного преследования, осуществляемого в частном порядке, зачастую обусловлено выраженной инициативой потерпевшего (и лишь в некоторых случаях инициативой лица, уполномоченного законом) о привлечении к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, и также не требует вынесения отдельного процессуального решения. Обращение в прокуратуру или иной правоохранительный орган при этом не требуется.

В настоящее время частное начало уголовно-процессуальной деятельности является одной из форм реализации свободы личности и выступает средством обеспечения и защиты ее прав и интересов [1, с. 39–40].

Вместе с тем основная проблема производства по уголовным делам частного обвинения заключается в том, что потерпевшие не обладают достаточными знаниями в области юриспруденции и далеко не всегда могут своевременно распорядиться имеющимся у них правом: поддерживать обвинения в суде, доказывать вину подсудимого, настаивать на прекращении уголовного дела за примирением сторон. Реализация прав потерпевшего по делам частного обвинения полностью зависит от его активной позиции и понимания происходящих процессов. При этом государство почти не вмешивается в обеспечение защиты и восстановление прав и свобод потерпевшего: органы расследования преступлений выносят постановления об отказе в возбуждении уголовного дела с разъяснением порядка обращения в суд, который, зачастую, ограничивается предоставлением образца заполнения заявления о преступлении и не принимает в силу своих функций и полномочий участия в доказывании обстоятельств совершения преступления.

Указанное отчасти определило подготовку в 2021 г. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2021 г. № 3 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» (законопроект №1145531-7) [2].

Фактически подготовленные предложения касались не только изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, но и отказа от особого порядка производства по уголовным делам частного обвинения, рассматриваемым мировыми судьями.

Согласно пояснительной записки законодательная инициатива Верховного Суда Российской Федерации обусловлена необходимостью обеспечения надлежащей охраны прав и свобод человека и гражданина, в том

числе при предупреждении «домашнего» насилия, и основана на положениях ст. 2 Конституции РФ (права и свободы имеют высшую ценность, признаются, соблюдаются и защищаются государством), а также отсутствием эффективной уголовно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина.

В то же самое время, следует отметить, что работа в указанном направлении продолжается. На X Всероссийском съезде судей принято решение [3] о продолжении работы по развитию уголовного законодательства, в том числе просить Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации рассмотреть проект федерального закона № 1145531-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)», внесенный в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в связи с поручением Президента Российской Федерации Верховным Судом Российской Федерации.

Отметим, что на сегодняшний день позиция законодателя в отношении рассматриваемого законопроекта не сформулирована [4].

Анализ законодательной инициативы и позиций ученых-процессуалистов [1; 3; 4; 5; 6; 7], исследовавших вопросы уголовного преследования по уголовным делам частного обвинения, позволяет согласиться с необходимостью дополнительного обеспечения уголовно-правовой защиты прав и свобод лиц, пострадавших от преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, 116.1, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, что будет способствовать укреплению гарантий правосудия.

С одной стороны, изменение порядка уголовного судопроизводства повлечет положительные изменения, связанные с обеспечением детального исследования обстоятельств совершения преступлений в ходе предварительного расследования, исключением судебного рассмотрения дел. Возможность осуществления органами предварительного расследования по всем уголовным делам, независимо от вида уголовного преследования, является гарантией обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, реализация которых направлена на защиту как частных, так и публичных интересов.

С другой стороны, обязательное производство предварительного расследования по уголовным делам частного обвинения означает значительное увеличение нагрузки, возлагаемой на органы дознания – доказывание по уголовным делам полностью будет относиться к компетенции органов предварительного расследования. В свою очередь, предлагаемые законодательные изменения повлекут за собой изменение видовой модели уголовного преследования и исключение частного обвинения с преобладанием интересов публичных.

Вместе с тем следует отметить, что наличие в праве диспозитивного начала свойственно демократическим государствам, где личный интерес граждан, именуемый частным, превалирует над интересом публичным, либо лежит в его основе. Именно поэтому следует с осторожностью относится к столь радикальным изменениям законодательства, а в случае получения согласия законодателя устанавливать достаточный период времени до вступления внесенных изменений в законную силу, в течение которого будут разрешены вопросы организации готовности органов предварительного расследования к увеличению уголовных дел, расследование которых будет отнесено к их подследственности.

---

1. Османова Н.В. Публичные и частные начала общих условий предварительного расследования // Рос. следователь. 2020. № 4. С. 38–41.

2. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 6 апреля 2021 г. № 3 // Официальный сайт Верховного Суда. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/29852 (дата обращения: 06.03.2023).

3. О развитии судебной системы Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 // ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС». Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

4. Маслов В.И. Классификация уголовно-процессуальных функций // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 3. С. 134–141.

5. Жук О.Д. Формы и виды уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 104–109.

6. Струкова В.В. Уголовное преследование, осуществляемое в частном порядке (теоретические основы и механизм реализации): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 25 с.

7. Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: проблемы осуществления в условиях правовой реформы: дис. … д-ра юрид. наук. М., 1997. 261 с.

Ключевые слова: уголовное преследование, виды уголовного преследования, обеспечение права на доступ к правосудию, частные и публичные интересы, обязанность уголовного преследования, доказывание по уголовному делу.

УДК 373.13

СЛЕДОВАТЕЛЬ КАК СУБЪЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Петухова Жанна Петровна,
преподаватель кафедры уголовного процесса,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110

Статья посвящена актуальному вопросу при расследовании уголовного дела и принятии правового решения – приостановлению предварительного следствия. Определены проблемные вопросы, возникающие у органов предварительного следствия при расследовании уголовных дел и пути их решения.

«Профессия следователя всегда и в любом государстве
считалась и считается особо престижной, но и особо трудной.
Она требует от человека всех интеллектуальных, духовных
и физических сил, мужества и безупречного исполнения
служебного и гражданского долга».
Р.С. Белкин

Одна из основных задач органов предварительного следствия – это защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Однако при принятии правового решения о приостановлении предварительного следствия, поставленная государством задача не выполняется.

С момента принятия уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации расширился перечень оснований приостановления следствия, усилились гарантии защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, что в свою очередь способствовало усилению обязанности следователя по устранению причин и условий, способствовавших приостановлению следствия.

При принятии решения о приостановлении предварительного следствия у практических сотрудников возникает ряд сложностей.

Например, в законе отсутствуют понятия приостановления предварительного следствия, реальная возможность участия лица в уголовном деле, что понимать под основанием, когда подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождение не установлено, какое заболевание считается временным тяжелым, какими врачами должно быть удостоверено медицинское заключение и др.

Актуальность рассматриваемой темы подчеркивает тот факт, что про институт приостановления предварительного следствия написано много трудов, статей, учебных пособий, монографий, диссертаций. Многие уче-

ные-процессуалисты, как нашего времени, так и в советское время посвящали свои труды рассмотрению данного института.

Только от действий следователя, его знаний и умения выстраивать взаимоотношения с участниками уголовного судопроизводства зависит, какое правовое решение будет принято по уголовному делу.

Так, например, по уголовному делу, возбужденному по ст. 158 УК РФ, подозреваемый, в отношении которого была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, в течение месяца, не отвечал на звонки следователя и перестал являться по вызовам. А спустя 1,5 месяца его абонентский номер телефона стал недоступен. Следователем, было направлено поручение в орган дознания об установлении места нахождения подозреваемого. В адрес следователя получен рапорт, в котором отражено, что «оперативным путем установить место его нахождение не представилось возможным, жена от дачи объяснений отказалась, подозреваемого необходимо объявлять в розыск». Как справедливо указывает И.В. Смолькова, что «для исключения случаев необоснованного объявления в розыск подозреваемых как скрывшихся от предварительного расследования специальным межведомственным актом [1] установлен обязательный для выполнения комплекс мер, направленных на подтверждение того факта, что подозреваемый именно скрылся» [2, с. 133].Однако следователя не устроил результат проделанной работы сотрудников дознания. Следователь проявил принципиальность и выехал самостоятельно по месту жительства и работы подозреваемого. Опросил соседей и коллег, в результате чего им была получена оперативно значимая информация, что подозреваемый уволился с работы, неофициально трудоустроился и выехал на прииски вахтовым методом работы. При допросе жены следователь объяснил последствия того, что ее муж без его разрешения покинул место жительства, уклонился от явки и не уведомил следователя о смене номера телефона. Спустя 7 дней подозреваемый явился к следователю. Уголовное дело впоследствии с обвинительным заключением было направлено прокурору.

Из описанного примера следует, что если бы следователь не проявил принципиальность и не выехал самостоятельно по месту жительства и работы, не провел беседу с женой, то не представилось бы возможным привлечь лицо к уголовной ответственности и возместить ущерб потерпевшему. А у следователя возникли бы сложности, по какому основанию принимать решение по уголовному делу, то есть собирать доказательства, что лицо умышленно скрывается от органов предварительного следствия либо по основаниям, что место его нахождение известно, однако реальная возможность его участия в деле отсутствует.

В рассматриваемом случае принять законное и обоснованное решение в установленный законом 2-месячный срок не представилось возможным, что в свою очередь нарушило бы законные права и интересы потерпевшего.

В связи с этим необходимо отметить, что роль следователя при расследовании уголовного дела и принятии правового решения очень значима и велика.

---

1. Положение об организации и осуществлении розыска и идентификации лиц [Электронный ресурс]: приказ МВД России, Министерства юстиции Рос. Федерации, Министерства здравоохранения Рос. Федерации, Министерства Рос. Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства обороны Рос. Федерации, Следственного комитета Рос. Федерации от 1 марта 2018 г. № 117дсп/40дсп/88н/82дсп/114дсп/17дсп. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Смолькова И.В. Розыск и задержание подозреваемого, скрывшегося от предварительного расследования // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 2 (97). С. 129–138.

Ключевые слова: следователь, органы предварительного следствия, уголовное дело, подозреваемый, приостановление предварительного следствия.

УДК 343.1

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КИБЕРБУЛЛИНГА В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ

Пимакова Ольга Геннадьевна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В настоящей статье внимание уделяется проблематике кибербуллинга. Законодательство Российской Федерации в сфере применения норм, предусматривающих юридическую ответственность за травлю в цифровом пространстве практически не делает подвижек, нет конкретной нормы в Уголовном кодексе Российской Федерации, Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и иных нормативно-правовых актах. Возможность восстановления социальной справедливости, фактически, остается лишь в рамках гражданского судопроизводства, где лицу самостоятельно приходится доказывать факт морального ущерба. В свою очередь правоохранительные органы не могут оказать

должного воздействия на правонарушителя и реализовать задачи, возложенные на них РФ.

Киббербуллинг в подростковой среде – это намеренное, систематическое (повторяющееся), агрессивное поведение, как отдельных лиц, так и группы агрессоров, целью которых является издевательства, унижения, травля лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Таким образом, это эмоциональное насилие, имеющее как индивидуальный, так и коллективный характер, жертвами которого становятся именно дети, которые отличаются от других.

В настоящее время проблема кибербуллинга становится все более актуальной, связано это с тем, на современном этапе развития общества, люди ни дня не проживают без мобильных телефонов, компьютеров, ноутбуков или другой иной техники.

Основная, на наш взгляд, проблема кибербуллинга, от которой исходят все остальные, заключается в неосведомленности и непросвещенности взрослых и детей в данной области общественных отношений. В Российской Федерации большинством взрослых недооценивается проблема кибербуллинга, зачастую считая, что это подростковые шутки, которые с возрастом пройдут. Однако ничего не проходит просто так, последствия травли в сети Интернет очень серьезные, начиная от ухудшения психоэмоционального состояния жертвы агрессии, заканчивая более тяжкими последствиями – смерть.

В настоящее время исследователи популяризировали данную область, говоря, изучая и делясь этим с общественностью. Они принимают участие в распространении термина «кибербуллинг», описывающий всю массу киберагрессии, включающий в себя хейтинг, киберсталкинг, гриффинг и иные формы.

Обращаясь к статистическим данным, стоит сказать о том, что среди опрошенных – 32 % знакомы с термином «кибербуллинг». Они узнавали о нем от знакомых, через сеть Интернет, телевизор и так далее. Всего 18 % россиян заявили, что в течение жизни оказывались жертвой олнайн-агрессии. А вот 68 % опрошенных утверждали, что ни разу не сталкивались и вообще не слышали о проблеме кибербуллинга [1].

Следующее, что стоит отметить это то, что зачастую жертвами онлайн-буллинга становятся дети и подростки. Большую часть времени лица, не достигшие возраста совершеннолетия, проводят в школах или в иных образовательных организация, именно там и зарождается буллинг. Агрессоры находят причины травли в любых мелочах, начиная от успехов в учебе, заканчивая внешним видом жертвы.

На данном этапе родителям важно понять, что их ребенку нужна помощь. Так психологи выделяют несколько признаков кибербуллинга: появ-

ление психосоматического расстройства, ухудшение успеваемости, замкнутость, непреднамеренная агрессия и тому подобное.

Следующая проблема исследуемого термина, вытекающая из предыдущей – это сложность остановки кибербуллинга. В отличие от буллинга, который происходит в социуме и от знакомых людей, кибербуллинг характеризуется продолжительностью и анонимностью агрессоров.

Невозможно просто взять и выйти из сети Интернет, из социальных сетей и мессенджеров, так как они являются неотъемлемой частью нашей жизни, ни один человек уже не может существовать без современных технологий и средств связи. Также, практически нереально, просто заблокировать контакт – аккаунт агрессора, так как кибербуллинг характеризуется массовостью и анонимностью, к тому же агрессору кибербуллинга не составит труда создать новый аккаунт, чтобы реализовать свой умысел, возникший еще до написания первого смс-сообщения.

Разобрав общие проблемы кибербуллинга, стоит отметить проблематику в правовой сфере, а именно в сфере уголовного законодательства. Законодательного закрепления ответственности за кибербуллинг в Российской Федерации – нет. Правоприменители квалифицируют действия виновных лиц, по различным статьям УК РФ, в зависимости от тех последствий, которые произошли в результате систематической травли в сети Интернет.

На наш взгляд, агрессоры даже не осознают, что их действия представляют большую опасность, так как о юридической ответственности за кибербуллинг ни разу не слышали. Именно поэтому, мы считаю, что наиболее целесообразно на законодательном уровне закрепить термин «кибербуллинг», а следовательно, и ответственность за него, в зависимости от той стадии, на которой он находится (начальная или уже повлекшая, того или иного рода, последствия).

Однако даже эта поправка в законодательстве не решит следующую проблему кибербуллинга – массовость и анонимность, которые упоминались при описании вышеназванных проблем. Анонимность онлайн-пространства делает его более привлекательным для выражения своего мнения и агрессии по сравнению с офлайн миром.

Основными тенденциями развития урегулирования общественных отношений в сфере кибербуллинга являются:

- целевой аудиторией лиц, осуществляющих травлю в сети Интернет, являются несовершеннолетние, связано это с тем, что морально-психологическое состояние подростков нестабильно, поскольку на этом этапе личность человека лишь формируется, она подвержена мнению общественности. Тем самым, правонарушители, осознавая это, реализуют свой преступный умысел на совершение общественно опасного деяния путем оставления комментариев в сообществах, чье мнение важно для потерпевшего, путем непосредственного общения с несовершеннолетним, где подвергают личность унижению. Все вышеназванные факторы могут привести к различного рода тяжким последствиям, например, систематическое употреб-

ление спиртных напитков, попыткой суицида. В связи с этим необходимо проведение ряда профилактических мероприятий в общеобразовательных учреждениях, где будет разъяснено, какие цели преследуют правонарушители и каким образом можно предостеречь себя от возможности стать жертвой кибербуллинга;

- безусловно, главной тенденцией развития выступает закрепление в законодательстве Российской Федерации как определение кибербуллинга, так и норм юридической ответственности, в зависимости от наступивших последствий. Однако, остается проблемой вопрос квалификации деяния, которое не было доведено до конца в силу обстоятельств, которые не зависили от лица. Например, преступление было пресечено и предотвращено правоохранительными органами, либо же лицо добровольно отказалось от продолжения кибербуллинга. Тяжкие последствия в таком случае следует устанавливать путем психологической экспертизы, которая покажет в какой мере изменилось отношение потерпевшего в том аспекте, в котором оно подвергалось травле. Правотворчество в сфере кибербуллинга не должно заканчиваться и на том этапе, когда нормы будут закреплены в нормативных актах, поскольку с каждым днем появляются новые формы общения, новые социальные сети, мессенджеры, также изменяются ценности населения, что в свою очередь порождает различные способы и формы кибербуллинга.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в современное время проблема кибербуллинга и его правового регулирования не решена в полном объеме. Не существует результатов нормотворчества, которыми можно урегулировать данные общественные отношения. В перспективах, с учетом тенденций развития данного пробела в законодательстве, кибербуллинг в Российской Федерации будет менее распространен, а лица, совершившие данные правонарушения смогут быть привлечены к ответственности. В свою очередь потерпевшие же смогут получить должные меры государственной поддержки со стороны органов государственной власти.

---

1. Буллинг, он же травля: масштаб проблемы и пути решения [Электронный ресурс] / ВЦИОМ НОВОСТИ. URL: https://wciom.ru/ analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bulling-on-zhe-travlja-masshtab-problemy-i-puti-reshenija (дата обращения: 23.02.2023).

Ключевые слова: жертва, кибербуллинг, несовершеннолетние, профилактика, травля.

УДК 343.83

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ОБНАРУЖЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ И ФИКСАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Помогаева Анастасия Ивановна,
слушатель факультета подготовки сотрудников
для следственных подразделений,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1;

Смелова Светлана Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

В статье рассматриваются вопросы организации и проведения в ходе расследования преступлений в сфере экономической деятельности осмотра места обнаружения электронных носителей информации, фиксации его результатов. Выделяются задачи осмотра, процессуальные и тактические особенности его производства. Обращается внимание на отдельные пробелы законодательного регулирования, недостатки практики проведения осмотра места обнаружения электронных носителей информации.

В процессе расследования преступлений в сфере экономической деятельности с учетом типовых особенностей программы действий следователем определяется стратегия и тактика производства первоначальных и последующих следственных действий [1]. Так, осмотр места обнаружения электронных носителей информации о преступлениях в сфере экономической деятельности, как правило, проводится, когда собранные сведения свидетельствуют о наличии на электронных носителях такой информации. Результаты осмотра имеют значение для установления достоверности и соответствия действительно имевшему место событию преступления, выявления обстоятельств сокрытия следов преступления [2]. Производство в последующем судебных экспертиз по изъятым электронным носителям информации позволяет восстановить удаленную информацию и установить имеющие значение для дела обстоятельства.

Важным источником информации о рассматриваемых преступлениях является различная финансовая документация, содержащая сведения о конкретных финансовых операциях и о лицах, в чьи обязанности входит ее ведение. Указанные документы в соответствии с ч. 1 ст. 81 УПК РФ могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу.

Изучение научной и учебной литературы, материалов судебной практики показало, что существуют недостатки как законодательного регулирования изъятия электронных носителей информации, так и правоприменени-

тельной практики. Обнаружение, изъятие электронных носителей информации возможно при производстве некоторых видов осмотров (места происшествия, жилища, иного помещения, предметов), обыска, выемки. Круг обязательных их участников, установленных законом, отличается, что должен учитывать следователь при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности. Основания изъятия электронных носителей информации по делам об отдельных преступлениях данного вида, обязательность участия специалиста в следственном действии, в ходе которого изымается указанный носитель информации, закреплены в чч. 1, 2 ст. 164.1 УПК РФ. При подготовке к следственному действию, в ходе которого производится осмотр места обнаружения, фиксация информации с электронных носителей, ее изъятие необходимо также учитывать положения ч. 1 ст. 170 УПК РФ об обязательности участия понятых в отдельных следственных действиях. При этом законодатель не предусмотрел в числе таковых осмотры, в ходе которых могут быть обнаружены и изъяты электронные носители информации.

Дискуссионным остается вопрос об обеспечении участия специалиста в осмотре места происшествия, при проведении которого осматривается место обнаружения электронных носителей информации и производится их изъятие. Анализ судебной практики показывает, что доводы жалоб о недопустимости протокола осмотра места происшествия ввиду нарушения ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, суды признают несостоятельными [3]. В связи с этим ученые обращают внимание на факты подмены органами расследования обыска, выемки электронных носителей информации проведением осмотра места происшествия в целях упрощения подготовки и производства осмотра места их обнаружения и изъятия [4].

Наряду с вышеуказанными лицами, к участию в рассматриваемых следственных действиях могут привлекаться специалисты с соответствующими экономическими знаниями и иные, учитывая, что электронные носители информации могут содержать материальные и электронно-цифровые следы.

Производство осмотра места обнаружения информации включает в себя следующие действия: осмотр помещения с электронными носителями информации в целях описания общей обстановки, фиксации места нахождения техники; осмотр оснащенных компьютерной и иной техникой рабочих мест для восприятия обстановки и определения исправности техники, круга лиц, имевших доступ к данному рабочему месту; осмотр электронного носителя информации. При этом используются приемы статического и динамического осмотра. К примеру, при осмотре помещения на первоначальном этапе следует определить местоположение осматриваемого помещения относительно всего здания, наличие и состояние охранной сигнализации, условия в кабинете на момент осмотра (освещение, температура, влажность воздуха), после чего осмотреть и определить целостность ка-

бельной системы соединения локальных сетей, расположение электронных розеток и др.

Осмотром рабочих мест устанавливается, подключен ли компьютер к сети интернет и к локальной кабельной сети организации, является ли он главным в локальной сети (сервером), подключены ли к нему периферийные устройства (модемы, принтеры и т.д.). В ходе осмотра компьютера и иного электронного носителя информации отмечаются местоположение его составных частей (системного блока, монитора, клавиатуры и т.д.), их технические характеристики, наличие повреждений. Если в момент осмотра техническое средство приведено в рабочее состояние, описывается высвечиваемая на мониторе информация.

Ход и результат осмотра фиксируются в протоколе (ст. 166, 167 и 180 УПК РФ), к которому могут прилагаться фототаблица, планы, схемы осматриваемого помещения и расположения технического устройства. В протоколе осмотра, наряду с описанием технического носителя, его индивидуальных признаков, необходимо указать серийные номера изымаемых блоков и их балансовые номера из документации бухгалтерии организации.

К процессу изъятия электронных носителей информации, содержащейся на них информации, также установлены строгие требования. В частности, для изъятия технического устройства необходимо завершить работу с ним, отключить электропитание, кроме случаев, когда отсутствует информация о коде блокировки устройства, запрашиваемого при включении. Если перед этим осуществлялась работа с документами, необходимо зафиксировать имеющийся вариант документа, сохранив файлы отдельно под иным именем. При отсоединении кабелей фиксируется последовательность и положение их соединения, осуществляется маркировка всех составных частей технического устройства, в том числе и по отдельности всех кабелей. Корпус изымаемого системного блока следует опломбировать для исключения возможности доступа к внутренним элементам. Изъятые электронные носители информации необходимо поместить в жесткую коробку, пакет или конверт, которые опечатываются, прикрепляется лист бумаги с описанием типа и количества упакованных технических средств.

Таким образом, повышение эффективности расследования преступлений в сфере экономической деятельности зависит от своевременного, учитывая складывающуюся следственную ситуацию, осуществления следственных действий, в ходе которых производится осмотр места обнаружения и изъятие электронных носителей информации о преступлении. В процессе подготовки и проведения соответствующего следственного действия необходимо уделять внимание его организационным, процессуальным и тактическим особенностям. При этом имеют место пробелы в законодательном регулировании производства следственных действий, в ходе которых осуществляется осмотр места обнаружения электронных носителей информации.

1. Неупокоева И.А., Шеховцова Л.С., Кочерова Л.А. Осмотр места происшествия как информационная основа расследования преступления // Закон и право. 2018. № 6.

2. Бирюков В.В., Бирюкова Т.П. Осмотр места происшествия: организационно-тактические основы оптимизации его производства и фиксации результатов // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5 (101).

3. Апелляционное постановление Брянского областного суда [Электронный ресурс]: от 14 июня 2019 года по делу 22 746 2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Hp751RYbjUZX/?regular-txt (дата обращения: 10.03.2023).

4. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учебное пособие / В.Ф. Васюков, Б.Я. Гаврилов, А.А. Кузнецов [и др.]; под общ. ред. Б.Я. Гаврилова. М.: Проспект, 2019. С. 15–21, 68.

Ключевые слова: информация; изъятие; место обнаружения; осмотр; преступление; техническое устройство; электронный носитель.

УДК 343.9

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОНЯТОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Попова Людмила Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД,
Волгоградская академия МВД России,
400075, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130

В статье рассматривается роль института понятых в уголовном процессе. Определяются проблемы реализации функциональной основы института понятых в уголовном судопроизводстве. Обращено внимание на отдельные направления модернизации процессуального статуса понятого в уголовном судопроизводстве.

Вопросы привлечения и участия понятых в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности целесообразно начать рассматривать с понятия этого участника. Ст. 60 УПК РФ определяет понятого как незаинтересованное лицо, привлекаемое для удостоверения самого факта проведения следственного мероприятия, хода, результатов и содержания этого действия. Видится, что ключевым словом тут является незаинтересованность

лица в исходе расследования. Прямая и личная заинтересованность понятого очевидна – это родственные или иные близкие отношения, в первую очередь, с потерпевшим, подозреваемым, не говоря уже об обвиняемом, а также с другими лицами, в той или иной степени влияющими на результат по делу. Это могут быть, например, законные представители несовершеннолетних участников процесса, гражданские истцы и ответчики, представители юридического лица. Но имеются и иные обстоятельства, свидетельствующие о косвенной заинтересованности понятого. Это, в большей степени, может выразиться в специфических отношениях приглашенного лица с одним из субъектов досудебного производства, не обязательно непосредственно участвующим в проведении следственного мероприятия, позволяющими предполагать возможность необъективного отражения событий в протоколе следственного действия, которое выгодно одной из сторон (друг или родственник коллеги по работе, кандидат на должность в отделе полиции, подчиненный подозреваемого, должник потерпевшего и т.п.). Например, возможен случай следователь приглашает в качестве понятых внештатных сотрудников полиции по линии ГИБДД. В ходе фиксации места столкновения, времени проезда транспорта и иных произведенных действий допускается хоть и незначительное, но искажение замеров, которое позволяет сделать неверный вывод о вине водителя. Понятые в судебном заседании подтверждают, что следователь все оформил правильно.

Таким образом, определение независимости понятых – это, на наш взгляд, условное решение следователя о привлечении лица в этом качестве, по его мнению, способного воспринимать и оценивать увиденные события, невзирая на окружение и жизненные обстоятельства.

Законодателем установлено, что понятыми не могут быть: несовершеннолетние; участники уголовного судопроизводства, их близкие родственники и родственники; работники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности и (или) предварительного расследования. То есть, никто, даже вольнонаемные сотрудники, в том числе и уборщицы в системе МВД, ФСБ, ФСО, ФССП и Следственного комитета России не могут привлекаться понятыми, но как быть с не аттестованными работниками прокуратуры, в функцию которой предварительное расследование не входит. Тут не должно быть сомнений, что прокурор – это сторона обвинения все его подчиненные в понятии стороны защиты всегда будут заинтересованными лицами. Кроме того, за рамками ч. 2 ст. 60 УПК РФ остается такое понятие как близкие лица, которые, видимо, как и родственники не могут быть понятыми. В п. 3 ст. 5 УПК РФ раскрывается позиция уголовно-процессуального законодательства о близких лицах. Судебная практика относит к таковым лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо дороги в силу сложившихся обстоятельств. Рано или поздно законодатель внесет это дополнение, но, думается, что и сейчас следователю и дознавателю надо это учитывать.

А.Н. Сторожева предлагает предъявлять к понятым в качестве требования наличие гражданства РФ, аргументируя это тем, что возникает проблема последующего вызова понятого для дачи показаний в качестве свидетеля, поскольку человек может находиться за границей [1, с. 15]. Действительно это так, но чтобы ее хоть как-то решить надо допрашивать такого понятого сразу же и применять технические средства фиксации допроса. Хотя, подобная проблема может возникнуть и с гражданами России. И уж конечно не должны быть понятыми лица преклонного возраста (старше 70 лет), имеющие физические (ограничение слуха, зрения) или психические состоящие на учете в психоневрологическом учреждении здравоохранения) недостатки, больные и находящиеся в нетрезвом состоянии граждане.

Институт понятых сформировался в то давнее время, когда не было других методов фиксации доказательств. Поэтому он объективно нуждался в изменении после начала цифровизации всей жизни страны, создания современных технологий. Но и принятие Закона от 4 марта 2013 г. свидетельствует о том, что законодатель не отказался от института понятых, а ограничился лишь снижением случаев обязательного их участия [2]. В ч. 1 ст. 170 УПК РФ осталось лишь 4 следственных действия, которые производятся с участием не менее двух понятых: это обыск, личный обыск, предъявление для опознания, а также понятые вызываются в случае копирования информации с изымаемого электронного носителя при производстве по делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности. При производстве выемки, в том числе почтово-телеграфной корреспонденции, ее осмотре и копировании, осмотре трупа и эксгумации, проведении следственного эксперимента и проверки показаний на месте, а также наложения ареста на имущество понятые принимают участие по усмотрению следователя. В остальных случаях следственные действия при определенных условиях могут проводиться без присутствия понятых.

Необходимо более подробно рассмотреть проблемные моменты участия понятых, ведь результаты проведенных мероприятий тогда лишь станут доказательствами, если протоколы следственных действий соответствуют требованиям УПК РФ.

В случае участия понятых перед началом следственного действия дознаватель и следователь разъясняет им права, обязанности и поставленную цель проводимых мероприятий. В п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» обращается внимание на то, что права должны быть разъяснены в объеме, определяемом процессуальным статусом лица» [3]. Поскольку от понятого требуется удостоверить содержание, ход и результаты конкретного следственного действия, то и объем информации понятому должен формироваться из этих критериев. Так, при обыске надо рассказать происходит ли поиск чего-то конкретного или отыскивается имущество, добытое преступным путем, и это зависит от поставленной для себя следователем зада-

чи. При предъявлении для опознания живых лиц важно обратить внимание понятых на фиксацию обстановки, внешние признаки опознаваемых, схожесть между собой, о самостоятельном выборе места опознаваемым, категорически ли участник следственного действия опознал предъявленное лицо.

---

1. Сторожева А.Н. Понятой в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 177 с.

2. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Рос. газ. 2013. 6 марта.

3. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 // Рос. газ. 2015. 10 июля.

Ключевые слова: понятой, права, обязанности, иные участники уголовного судопроизводства.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОЙ РУБКЕ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Ромашова Марина Владимировна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель,
Рязанский филиал Московского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
390043, г. Рязань, ул. 1-я Красная, д. 18

В статье на основе анализа законодательства и правоприменительной практики выявлены трудности расследования уголовных дел о незаконной рубке лесных насаждений и предложены варианты законного разрешения проблем и совершенствования правового регулирования в целях выработки единообразной судебно-следственной практики и соблюдения принципов законности, справедливости и защиты прав участников уголовного судопроизводства.

Незаконная рубка лесных насаждений является наиболее распространенным преступлением в сфере экологических правоотношений, посягающих на конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду и создающих серьезный ущерб охраняемым компонентам при-

роды и экологической безопасности в целом [1, с. 14]. Обострение экологической обстановки привело к появлению самостоятельной экологической функции государства, состоящей в обеспечении баланса экологических и экономических интересов общества и гарантии защиты прав граждан на благоприятную природную среду [2, с. 16].

Согласно судебной статистике, представленной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, с января по июнь 2022 г. было осуждено 1539 человек за незаконную рубку лесных насаждений. При этом 868 лиц привлечены к ответственности по ч. 3 ст. 260 УК РФ, то есть чаще всего незаконная рубка деревьев и кустарников осуществляется при особо отягчающих обстоятельствах. О повышенной общественной опасности данных преступлений свидетельствует и высокий процент групповой преступности (408 осужденных, 27 %) в том числе организованной (64 осужденных, 4,2 %). Важно, что 7 лиц были оправданы по данной статье уголовного закона, что свидетельствует о трудностях предварительного расследования.

Часть вопросов возникает в связи с нечетким формулированием объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, из текста которой неясно, что понимается под незаконной рубкой – обязательно ли доказать наличие действий в виде спиливания, срубания, срезания, то есть валку деревьев, или преступные действия могут выражаться иным образом, например, в виде трелевки, первичной обработки древесины. Верховный Суд РФ разъяснил данный вопрос, указав, что все перечисленные действия образуют состав преступления. Однако в связи с трудностями на практике считаем целесообразным указать это в уголовном законе. Так, по делу № 22-1811/2019 в отношении Бисярина А.В., который был оправдан по ч. 3 ст. 260 УК РФ, поскольку действия по делению уже срубленного ствола на сортименты не образуют состав преступления, Свердловский областной суд, рассматривая дело по второй инстанции, приговор отменил, посчитав вышеуказанный вывод преждевременным.

Помимо указанной проблемы по делу в отношении Бисярина А.В. возникали иные трудности уголовно-процессуального характера, связанные с признанием судом первой инстанции недопустимыми протоколов осмотра мест происшествия по причине родственных связей между следователем и мастером леса. Суд апелляционной инстанции обоснованно посчитал данное решение незаконным, поскольку матер леса на этапе доследственной проверки участником уголовного судопроизводства не являлся. Отсутствие четкого перечня участников и их процессуальных прав и обязанностей на стадии предварительной проверки до настоящего времени остается важной проблемой, для устранения которой требуется внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство, в именно в раздел II «Участники уголовного судопроизводства».

Анализ материалов судебно-следственной практики выявил случаи неверного установления времени совершения преступления, что привело к возвращению уголовного дела прокурору для устранения препятствий его

рассмотрения судом. Так, по делу № 1-254/2017, находящемуся в производстве Дзержинского районного суда г. Перми, в отношении Ермашева А.Н. в обвинительном заключении было указано на примерное время, когда обвиняемый попросил неустановленное лицо выполнить действия, направленные на кронирование деревьев, однако данные действия не относятся к незаконной рубке, в связи с чем обязательное обстоятельство, подлежащее установлению, в обвинении осталось не указанным.

В ходе расследования уголовных дел о незаконной рубке лесов установление места совершения преступления может вызвать затруднение. Апелляционным определением Рязанского областного суда приговор районного суда Рязанской области от 19 июня 2019 г. отменен, поскольку в обвинительном заключении, в приговоре суда первой инстанции указано, что рубка лесных насаждений произошла в выделе 10 квартала участкового лесничества, однако в суде апелляционной инстанции установили, что незаконная рубка осуществлялась в том числе на землях сельскохозяйственного назначения. При таких обстоятельствах рассмотрение уголовного дела судом не представляется возможным и требуется возвращение дела прокурору.

По рассматриваемой категории дел могут возникнуть трудности по установлению ущерба, размер которого зависит от места вырубки деревьев. Например, по делу № 1-148/2017, находящемуся в производстве Орджоникидзевского районного суда г. Перми, изначально был неверно определен ущерб, составивший 511 740 рублей, вмененный в вину Чебыкиной, как особо крупный размер, однако впоследствии после представления стороной защиты заключения кадастрового инженера с планом местности, исходя из которых вырубленные березы располагались в зоне городских лесов, а не в зоне зелёных насаждений, представитель потерпевшего уточнила размер ущерба, уменьшив сумму до 77 908 рублей, что является крупным размером ущерба. В связи с неверным установлением размера ущерба уже на стадии судебного разбирательства действия подсудимой были переквалифицированы с ч. 3 ст. 260 УК РФ на п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ.

На практике в случае квалификации деяния в виде рубки лесных насаждений, совершенного группой лиц, неизбежно возникает вопрос о необходимости установления значительного размера ущерба свыше 5000 рублей, отсутствие которого будет характеризовать деяния как административное правонарушение. В данном случае уголовная ответственность по п. «а» ч. 2 ст. 260 УК РФ наступает вне зависимости от размера вреда. Таким же образом следует решать вопрос в случае совершения преступления лицом с использованием своего служебного положения.

Кроме того, в случае совершения преступления в группе может возникнуть вопрос о квалификации действий соучастников, выступающих как соисполнители либо как подстрекатель, пособник, от чего будет зависеть и размер наказания. Для квалификации действий лица как соисполнителя необходимо, чтобы он выполнял действия, составляющие объективную

сторону преступления (спиливание, срубание деревьев, трелевка древесины, первичная обработки или хранение в лесу), в иных случаях необходима квалификация со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Важным вопросом уголовного судопроизводства по делам рассматриваемой категории является установление совокупности преступлений, предусмотренных ст. 260 и ст. 191.1 УК РФ. Практика складывается неоднозначно и противоречиво. В случае задержании виновных при погрузке древесины либо дров в автомашину для дальнейшего сбыта следователи в некоторых случаях предъявляют обвинение по совокупности преступлений, в других случаях – только по ст. 260 УК РФ. Соответственно у судов также возникает проблема, следует ли возвращать уголовное дело прокурору, если обвинение предъявлено по ст. 260 УК РФ, а из обстоятельств следует, что имело место покушение на сбыт.

Наказания за данные преступления назначаются мягкие, часто с применением ст. 64 УК РФ. За указанный период 140 осужденных понесли наказание в виде реального лишения свободы и 961 осужденный приговорен к условному лишению свободы. 29 человек суды приговорили к исправительным работам, 177 – к обязательным работам. За примирением сторон освобождены от ответственности 67 лиц, 193 – в связи с деятельным раскаянием, 196 – в связи с назначением судебного штрафа. При назначении наказания за данные преступления следует уделять внимание размеру причиненного экологического вреда. Считаем, что суды необоснованно назначают чрезмерно мягкие наказания по ч. 3 ст. 260 УК РФ, не связанные с реальным лишением свободы, а по чч. 1 и 2 ст. 260 УК РФ выносят постановление о прекращении уголовного дела, что не позволяет достичь цели исправления и восстановления социальной справедливости.

Сформулированные в данной статье выводы и рекомендации направлены на совершенствование правового регулирования в сфере охраны лесных насаждений как экологической системы и выработку единообразной правоприменительной практики раскрытия, расследования и разрешения по существу уголовных дел о незаконной рубке лесов.

---

1. Быковский В.К. Лесное право России: учебник и практикум для вузов / ответственный редактор Н.Г. Жаворонкова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 262 с.

2. Экологическое право: учебник / под ред. С.А. Боголюбова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. 482 с.

Ключевые слова: незаконная рубка, повреждение лесных насаждений, сбыт незаконно заготовленной древесины, предварительное расследование, уголовная ответственность.

УДК 343.1

ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА ПЛАТЕЖА КАК ОБЪЕКТ МОШЕННИЧЕСТВА

Рудов Денис Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса,
Белгородский институт МВД России имени И.Д. Путилина,
308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71;

Чаплыгина Виктория Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье исследуются особенности расследования мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа, анализируется электронные средства платежа как объект мошенничества выше обозначенного вида.

В постоянно развивающемся современном мире с каждым днем приобретают свою актуальность и эффективность электронные средства платежа, пронизывающие буквально каждую сферу деятельности человека. Практически в каждой организации можно встретить терминал безналичной оплаты и, приложив карту к нему, оплатить любую покупку. Вместе с тем происходит внедрение мобильных банков, с помощью которых в любое время можно совершить денежную операцию по переводу денежных средств, открытию нового счета или просто посмотреть остаток на карте. Всё это достаточно быстро вошло в привычную жизнь людей, однако законодательство не во всех аспектах готово к таким преобразованиям и ему требуется некоторое время для переработки существующих норм, о чем свидетельствуют и статистические данные, находящиеся в общем доступе. Так, согласно сводке о состоянии преступности в России, подготовленной ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации, количество выявленных мошенничеств в 2022 г. возросло на 12,4 % по сравнению с 2021 г., что составляет 83,3 % от общего числа преступлений против собственности за указанный период [1].

Согласно официальным данным статистики Центрального Банка России, с июля по сентябрь 2021 г. мошенниками было похищено 1,9 млрд рублей, совершено 163 тысячи операций. В то время как в период с июля по сентябрь 2022 г. было осуществлено 180 тысяч операций без согласия граждан, использующих электронные средства платежа, на общую сумму, составляющую 2,5 млрд рублей [2], что свидетельствует о стремительном

росте числа подобных преступлений. Именно поэтому исследование вопросов квалификации и борьбы с таким видом преступления, как мошенничество с использованием электронных средств платежа требует более пристального внимания для обеспечения эффективности расследования преступлений и надлежащего уровня деятельности правоохранительных органов и государственных организаций в данной сфере.

Электронные средства платежа имеют широкую сферу применения в современном обществе, однако в силу новизны и ещё недостаточной изученности в современном обществе они становятся способом, а иногда и объектом некоторых преступных посягательств, одним из которых и является хищение (мошенничество) с использованием электронных средств платежа [3]. Сущность и характеристику состава данного преступления практически невозможно понять, не представляя суть электронных средств платежа, способов их использования и функционирования, т.к. информационная среда, в которой в данном случае происходят противоправные деяния, требует определенных познаний в данной сфере. Так, в соответствии с положениями Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» под электронными средствами платежа понимают средство и (или) способ, позволяющие клиенту составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств [4].

Данное понятие представляется достаточно объемным, так как вмещает в себя определения сразу нескольких взаимосвязанных структур. Прежде всего, здесь стоит говорить об информационно-телекоммуникационных технологиях, технических средствах, оборудовании, посредством которого происходит осуществление электронных операций с денежными средствами [5, с. 77]. При этом широко используется дистанционное банковское обслуживание, суть которого заключается в использовании онлайн-ресурсов для осуществления финансовых операций по расчетным счетам. Зачастую эта деятельность выполняется на странице официального сайта банка, платежной системы или в официальном приложении для компьютерных и мобильных устройств (например, официальный сайт sberbank.ru и официальные приложения СберБанк, СБОЛ в зависимости от операционной системы [6]). Одними из основных субъектов являются операторы по переводу денежных средств, которые представляют собой организации, имеющие право осуществлять данные операции.

В данном случае главным условием осуществления этих действий является передача поручения клиента (физического или юридического лица) оператору [7, с. 189]. Однако не всегда электронные средства платежа являются персонифицированными. Нередки случаи отсутствия идентифи-

кации личности, и у оператора нет возможности установить о нем сведения, при этом производство операции просто не будет завершено.

На данный момент электронный денежный оборот вытесняет бумажный и виртуальные деньги начинают играть всё большую роль в экономических процессах общества, что влечет за собой расширение возможностей банковских систем, создаются механизмы удаленных денежных расчетов, автоматизация получения документов об оплате (чеков, квитанций). При этом данные процессы разделены на два уровня с целью дезинтеграции и предотвращения каких-либо ошибок. Первый уровень представляет собой внутрибанковские и межбанковские расчетные системы, являющимися более масштабными и включающими в себя обслуживание банковского бизнеса. Второй уровень более локальный и соединяет в себе системы обслуживания юридических и физических лиц [8, с. 308].

Данные уровни, прежде всего, объединяет принцип работы электронных платежных систем, посредством которых происходит непосредственный обмен информацией между конкретным клиентом и банком. При этом клиент дает своё согласие на обработку персональных данных и предоставляет их, а организация, их принявшая, обязуется надлежащим образом использовать эти сведения и соблюдать принципы безопасности (защищенности) и конфиденциальности. Клиент в данном случае обладает достаточно широким спектром прав, согласно которым он может в любое время получить информацию о состоянии своих средств, текущих остатках, счетах и прочем. У каждого современного банка на данный момент реализовывается программа «Мобильный банк» и имеется разработанное мобильное приложение для удобства пользования предоставленными клиенту ресурсами.

При осуществлении платежа, независимо от его вида и суммы, всегда наличествует плательщик и получатель и при совершении платежа через электронные системы автоматически оформляется его протокол. Зачастую, клиенты, совершая какие-либо операции, не обращают внимания на данный документ, который представляется в электронном виде. Кроме самого протокола свидетельством производства платежа становится уведомление или СМС от банка о снятии или перечислении денежных средств, а также чек.

Модель системы онлайн-платежей представлена на рисунке 1.

Однако в данном случае возникают некоторые проблемы, сопряженные с подтверждением платежа. Представим ситуацию: банковская карта привязана к сайту интернет-магазина для упрощения совершения покупок держателем самой карты. При их совершении денежные средства списываются автоматически и не требуют каких-либо разрешений. Как верно указывают В.Ф. Васюков и А.И. Адигамов, «…это дает почву не только для размышления о недопустимом состоянии безопасности данных, но и об учащении случаев совершения хищений с подобных банковских карт, для чего необходимо лишь завладеть аккаунтом интернет-сайта» [9, с. 27]. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что электрон-

ные средства платежа в современном мире неразрывно связаны с человеком и используются им постоянно, принося пользу и упрощая денежный оборот в несколько раз. Однако стоит помнить о том, что необходимо соблюдать меры предосторожности в обращении с ними и убеждаться в целостности и безопасности данных, предоставляемых при совершении платежей.

Рисунок 1. Модель системы онлайн-платежей.

В зависимости от идентификации электронные средства платежа подразделяют на персонифицированные и не персонифицированные, что означает, что перевод денежных средств сопровождается идентификацией клиента или производится без данной процедуры, которую регламентирует ч. 1 ст. 10 Федерального закона № 161-ФЗ [10].

Что касается идентификации, то она, в соответствии с Федеральным законом от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» заключается в использовании электронного средства платежа только при условии, что остаток электронных денежных средств в любой момент не превышает 600 тысяч рублей либо сумму в иностранной валюте, эквивалентную 600 тысячам рублей по официальному курсу Банка России. Если идентификация клиента не проводится, то «использование электронного средства платежа осуществляется клиентом – физическим лицом при условии, что остаток электронных денежных средств в любой момент не превышает 15 тысяч рублей» [11].

При производстве процедуры подобным способом кредитная организация предоставляет электронное средство платежа в основном через сайт

или мобильное приложение, однако необходимо помнить, то общая сумма переводимых средств в данном случае согласно ч. 5 ст. 10 Федерального закона № 161-ФЗ не должна превышать 40 тысяч рублей в месяц. Юридические лица и индивидуальные предприниматели пользуются значительно иным пакетом обязательств, так, например, им предоставляются корпоративные электронные средства платежа с обязательной идентификацией, что связано с большим оборотом денежных средств, количество посягательств на которые значительно по объему. К тому же данная процедура необходима для предотвращения случаев отмывания доходов, полученных преступным путем, а также случаев финансирования терроризма. Именно поэтому остаток денежных средств в данной ситуации не должен превышать 600 тысяч рублей на конец рабочего дня [12, с. 121].

На данный момент одной из самых крупных терминальных российских сетей является QIWI. Данный сервис предоставляет своим клиентам электронные кошельки, выполненные в виде виртуального счета, банковские карты, а также банкоматы. Клиенты используют сервисы посредством интернет-сайтов, мобильных приложений, терминалов. Однако в силу разработки многих новых подобных систем электронных средств платежа, QIWI теряет свою популярность, пропуская вперед следующие виды электронных платежных систем (рисунок 2):

Рисунок 2. Виды электронных платежных систем.

На данный момент основным средством совершения платежей являются банковские карты, к которым клиенту предоставляется доступ банком-эмитентом. Они обладают более высокой степенью защищенности личных данных пользователя в отличие от qiwi-кошелька. Их суть заключается, прежде всего, в предоставлении права пользования банковским счетом и производства безналичной оплаты товаров и услуг, обналичивания денежных средств через банкоматы и отделения банков. Так, например, среди международных платежных систем можно назвать VISA и MasterCard, среди российских «Золотая Корона», «Тинькофф» [13, с. 87].

При регистрации банковской карты и для работы с ней происходит идентификация личности и привязка её и счетов к конкретному человеку, что необходимо для установления личности клиента банка и исключения возможности пользования данными электронными ресурсами другим лицом. Безусловно, подобные случаи не исключаются и происходят в основном посредством совершения противоправных действий, путем завладения банковской картой или её персональными данными, информацией о пользователе карты. Помимо идентификации пользователя при производстве платежей осуществляется авторизация, то есть процесс входа и подтверждения какого-либо платежа или вывода наличных средств. Данная процедура позволяет удостовериться в пользовании картой её держателем. Кроме того, аппарат обслуживающей точки подает мгновенный автоматизированный запрос в банк-эмитент с целью сверки данных клиента и остатков денежных средств на счету для оценки возможности производства платежа. Длительность этого процесса зависит от удаленности точки запроса от непосредственного источника разрешения, а также их технических возможностей.

В то же время наряду с банковскими картами, постоянно развиваются и другие средства платежа, использующие мобильный телефон в качестве точки передачи информации. Таковыми являются ApplePay, SamsungPay, AndroidPay, появившимися не так давно, но уже повсеместно использующиеся владельцами банковских карт. Безусловно, данные сервисы более удобны и имеют большую степень защиты личных данных и отличаются производством идентификации и авторизации посредством использования биометрических параметров человека. Таковыми в основном выступают FaceID и отпечаток пальца.

FaceID является способом идентификации с помощью формы и черт лица, сетчатки глаза, введенном в операционной системе IOS впервые в 2017 г. Данный способ используется также для получения доступа к услугам терминалов бесконтактным способом, оснащенных специальными сканирующими устройствами. Кроме того, в проектах банков сделать автоматизированный доступ пользования банкоматом с помощью сканирования сетчатки глаза и отпечатка пальца [14, с. 67].

Достаточно сложный механизм изъятия денежных средств с банковского счета предполагает тщательную подготовку к совершению преступ-

ления, которая заключается, в основном, в разработке средств преодоления защиты электронных систем, способов проникновения в них, что может свидетельствовать об уровне подготовки лица, совершающего мошенничество, о характере его умысла, наличии спланированности и желания достичь преступной цели.

Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» значительно преобразовал ст. 159.3 [15], причем изменения коснулись не только способа совершения мошенничества – «с использованием платежных карт» на «с использованием электронных средств платежа», но и описания самого преступного деяния. Если в ранее действовавшей редакции диспозиция была описательная и указывались все признаки преступления, то в обновленной редакции содержится только указание на само преступное деяние, что и вызывает ряд вопросов.

Именно поэтому, резюмируя сказанное, отметим, что результаты расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа зависят от того, как быстро начато расследование. Еще Р.С. Белкин писал: «успешность расследования преступления зависит не только от правильного подхода к процессу расследования, но и от оперативности действий и умения уполномоченного лица организовать имеющиеся у него силы и средства» [16, с. 307].

---

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677.

2. ЦБ сообщил о росте числа мошеннических операций на треть [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/society/29/12/2020/5feb72aa9a7947eca31d9f64https://www.rbc.ru/society/29/12/2020/5feb72aa9a7947eca31d9f64.

3. Чаплыгина В.Н., Черкасова Е.А., Рудов Д.Н. Особенности расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Современный ученый. 2023. № 1. С. 267.

4. О национальной платежной системе [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

5. Колычева А.Н. Понятие криминалистической фиксации доказательств, размещенных на ресурсах сети интернет // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 1 (82). С. 77.

6. СберБанк [Электронный ресурс]. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person (дата обращения: 05.05.2023).

7. Рудов Д.Н., Морозова Н.В. Некоторые аспекты криминалистической характеристики мошенничества в сфере государственного пенсионно-

го обеспечения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 189.

8. Дюсембина Д.Н., Зотина П.С. Анализ ситуации мошенничества с банковскими картами в России и за рубежом // Потенциал Российской экономики и инновационные пути его развития. Омск, 2020. С. 308.

9. Васюков В.Ф., Адигамов А.И. Международный опыт противодействия преступлениям, совершаемым с применением информационно-телекоммуникационных технологий // Взаимодействие правоохранительных органов и специальных служб государств участников СНГ в сфере борьбы с преступностью: Международная научно-практическая конференция. М., 2021. С. 25–30.

10. О национальной платежной системе [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ. h Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

11. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

12. Васюков В.Ф., Цыплакова А.Д. Проблемы противодействия преступлениям, совершаемым с применением информационно-телекоммуникационных технологий: российский и международный опыт // Современное государство и правовая система: материалы международной научно-практической конференции преподавателей и аспирантов. Смоленск, 2021. С. 117–124.

13. Клепицкий И.А. Кража безналичных денег: простой ответ на простой вопрос // Уголовное право. 2020. № 5. С. 87.

14. Третьякова Е.И. Правовые проблемы расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14).

15. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

16. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 307.

Ключевые слова: мошенничество, электронные средства платежа, электронные носители информации, цифровизации, денежные средства, расчетные системы, оператор, терминал.

УДК 343.1

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РИСКА В СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сабурова Анна Борисовна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой управления и психологии следственной деятельности (Высшие академические курсы),
Московская академия Следственного комитета,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

Статья посвящена управленческим аспектам профессионального риска в следственной деятельности. Представлены результаты эмпирического исследования готовности к риску субъектов следственной деятельности. Предложены способы минимизации возможных рисков при принятии управленческих решений в следственной деятельности.

В юридической доктрине точки зрения различных ученых на определение понятия «риск» и содержание данного института можно разделить на три направления: риск как опасность, риск как действие в состоянии опасности, риск как специфическое субъективно-психологическое явление [1, с. 55].

Диалектическое единство указанных дефиниций приводит нас к определению, основанному на симбиозе представленных концепций, предложенному А.П. Альгиным: «Риск – это деятельность, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи, отклонения от цели» [2, с. 81].

Нормативно-правовое закрепление понятия риска определено ГОСТ Р ИСО 31000-2010 «Менеджмент риска» [3], который определяет риск как влияние неопределенности на цели. Управление рисками согласно указанному стандарту представляет собой скоординированные действия по управлению организацией с учетом риска, при этом стандарт не устанавливает универсальную методологию управления рисками.

Основная задача руководителя следственного органа при принятии конкретного управленческого решения в ходе реализации полномочий, предусмотренных ст. 39 УПК РФ, – обеспечить соблюдение законности с учетом возможных рисков на основе общих методологических подходов путем их преломления к конкретной следственной ситуации.

В научной литературе механизм управления рисками описывается рядом последовательных этапов: выявление фактора риска, его идентификация, анализ и оценка, выбор метода минимизации (стратегии управления риском).

Выявление фактора риска осуществляется с учетом определения контекста внутренней и внешней ситуации, сложившейся в следственном органе на момент принятия решения. В ходе идентификации риска вычленяются его составные элементы: источники, причины и последствия. Для идентификации риска руководитель может использовать методы: мозговой штурм, опросы экспертов, методы аналогии и др. [4, с. 26–31]

Далее проводится оценка и анализ. Например, при принятии процессуального решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении в порядке ст. 144–145 УПК РФ в ходе анализа могут разрабатываться контрольные списки на основе уже имеющейся информации по реализации предыдущих процессуальных решений. А в ходе анализа допущений может учитываться позиция прокуратуры, требования организационно-распорядительных документов следственного органа.

При оценке возможных рисков, руководителю следует учитывать личностные особенности подчиненных (следователей), в том числе склонность к риску.

В результате проводимых в Московской академии Следственного комитета исследований с использованием методики диагностики степени готовности к риску А.М. Шуберта установлено, что количественный показатель «смельчаков» составляет 20%. Экспериментальную выборку исследования составили следователи Следственного комитета Российской Федерации (n = 40).

В последующем результаты проведенного нами экспресс-исследования, с использованием опросника временной перспективы Филиппа Зимбардо (Zimbardo Time Perspective Inventory – ZTPI), отражающие связь конструкта временной перспективы с категорией антикоррупционной компетентности личности, подтвердили выявленный процент сотрудников чрезмерно склонных к риску [5, с. 153].

Выбранная методика отличается доказанными устойчивыми корреляционными взаимосвязями факторов временной ориентации с психологическими характеристиками личности, в том числе со склонностью к риску и поиску острых ощущений.

Выявленный фактор гедонистического настоящего по результатам исследования выражен у 20 % респондентов. При этом проведенная учеными МГУ им. Ломоносова адаптация опросника Зимбардо на русскоязычной выборке подтвердила высокую связь данного фактора со шкалой импульсивности и склонности к риску.

Выбор способа минимизации риска ограничен спецификой следственной деятельности и условиями профессиональной среды, в связи с чем инструменты управления рисками, применяемые в области корпоративного менеджмента, требуют адаптации и методологической переработки, чтобы сделать их релевантными целям и задачам, стоящим перед следственными органами СК России.

Например, при принятии решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении могут применяться методы защиты от риска (личное рассмотрение сообщения о преступлении, участие в проверке сообщения о преступлении), методы снижения риска (контроль), перемещение риска (передача сообщения о преступлении от одного следователя к другому).

Вместе с этим интеграция разработанного потенциала управления рисками в ежедневную работу руководителя следственного органа в качестве регулярной функции требует глубокой теоретической проработки, выработки и описания внедрения существующей методологии в практику следственной деятельности. Кроме того, знание руководителем типа склонности к риску подчиненных сотрудников имеет существенную практическую направленность, позволяя сделать программу управления рисками в следственном органе более реалистичной.

---

1. Гранкина А.Б., Дмитриева Л.А. Психологические аспекты профессионального риска в следственной деятельности // Рос. следователь. 2015. № 20. С. 54–57.

2. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989. С. 81.

3. ГОСТ Р ИСО 31000-2010. Менеджмент риска. Принципы и руководство. Введ.: 09.01.2010. М.: Стандарт-информ, 2012. 28 с.

4. Синев Д.М. Методы оценки риска: общие принципы // Вестник Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. 2009. № 4 (28). С. 26–31.

5. Пряхина А.Б., Дмитриева Л.А. Сбалансированность временной перспективы в прогнозе антикоррупционной компетентности личности сотрудников Следственного комитета Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 151–155.

Ключевые слова: риск, защита, следственная деятельность, руководитель следственного органа, методика.

УДК 343.1

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАНДАРТ РАЗУМНОСТИ СРОКА ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Савченко Влада Алексеевна,
курсант 3 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2;

Чаплыгина Виктория Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

В данной статье проводится анализ нормативно-правовой базы вопроса о разумности срока применимо к мере пресечения в виде домашнего ареста; рассматриваются положения нормативных правовых актов международного уровня, а также подходы, содержащиеся в ведущих документах отечественного законодательства, отражающие непосредственную реализацию установленного международно-правового стандарта. В методологическую базу изучения данной темы заложены нормативные правовые акты международного уровня, нормы уголовно – процессуального законодательства, правоприменительная судебная практика, а также современные научные взгляды на изучаемый вопрос. Важно отметить, что на данный момент тема является актуальной в виду имеющихся тенденций к правовой имплементации в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, а также имеющиеся недостатки правовой регламентации данного фундаментального принципа, как в международной области права, так и в уголовно-процессуальном законодательстве России.

Положение уголовно-процессуального законодательства о разумном сроке, закрепленное в системе фундаментальных принципов уголовного судопроизводства с 2010 г. представляет собой непосредственную форму борьбы с нарушением установленных законодателем процессуальных сроков на каждой из стадий уголовного процесса. Данная норма фактически реализует предписания Европейского суда по правам человека, как общепризнанного стандарта, обязательного для применения судами. В основу заложено положение, закрепленное п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой «каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию, имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда» [1]. Наличие такого правила объясняется ориентированностью на ускорение уголовного процесса и исключение неправомерного занятия хода расследования. Срок, бу-

дучи конкретным выражением времени, является специально юридическим средством фиксации ограничений, упорядочивания поведения субъектов, с помощью которого достигается определенность в правоотношениях и обеспечивается оперативность в совершении действий, связанных как с выполнением юридической обязанности стороны правоотношения, так и с возможностью воспользоваться субъективным право[2].

Актуальность вопроса о непосредственной реализации и исполнений международно-правого стандарта применительно к домашнему аресту обусловлена характером данной меры пресечения, заключающемся в физической изоляции человека от общества с установлением запретов и установления контроля за их соблюдением. Многие представители судебной системы и иных правоохранительных органов склонны проводить аналогию между домашним арестом и наказанием в виде лишения свободы, в виду чего на суды и должностные лица возлагается обязанность применять правила о разумности срока. Данная мера пресечения относится к избираемым исключительно по решению суда и в случае совершения преступления, среди наказаний за которые предусмотрено лишение свободы, что также акцентирует внимание на строгости и серьезности данного ограничения в силу предусмотренных законодателем запретов, которые могут быть возложены на человека. Указанные обстоятельства обосновывают необходимость установление разумной продолжительности и объема ограничения прав человека посредством избрания меры пресечения в виде домашнего ареста.

Международно-правовой стандарт разумности срока является одной из базовых категорий европейской системы охраны прав и свобод человека, гарантирующих каждому гражданину право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона [3]. Сложность эффективной реализации данного принципа обуславливается отсутствием в юридической литературе четкого определения периода времени, который можно считать «разумным», ведь каждое уголовное преследование сопровождается рядом индивидуальных факторов, которые могут влиять на ход уголовного дела, такие как: «своевременность обращения лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, с заявлением о преступлении, правовая и фактическая сложность материалов проверки сообщения о преступлении или уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства [4].

Правоприменительная практика Конвенции о защите прав человека и основных свобод акцентирует внимание на четырех базовых критериях или

же обстоятельствах, которые могут оказывать влияние на варьирование разумного срока. К ним относятся: 1) сложность дела, 2) поведение заявителей, 3) наличие исключительных обстоятельств, 4) поведение властей. Фактически эти же критерии находят отражение в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, перечень которых более четко регламентирован законодателем. С учетом данных обстоятельств разумной срок досудебного, судебного производства, а также каждого процессуального действия, например, срок избрания и (или) продления меры пресечения должен оцениваться индивидуально в каждой ситуации. То есть в приоритет законодательной деятельности не ставится вопрос о четком установлении временных ограничений с конкретным числовым выражением для каждого действия и этапа уголовного судопроизводства. Данная новелла, наоборот, способна осложнить деятельность должностных лиц.

Согласно ст. 107 УПК РФ срок, на который может быть избрана мера пресечения виде домашнего ареста, составляет два месяца. Законом установлены порядок и условия продления первоначального срока до шести, двенадцати и восемнадцати месяцев. По истечении указанного срока применение меры пресечения в виде домашнего ареста прекращается [5]. Возможность продления домашнего ареста на тот или иной срок ставится законодателем в зависимость от тяжести совершенного преступления, а также мотивированного обоснования совершения данного процессуального действия.

Одним из базовых документов, выступающих гарантом соблюдения норм международно-правового стандарта, является постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», которое закладывает единообразный порядок рассмотрения дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок [6]. Данный нормативный правовой акт создан в целях обеспечения каждого гражданина на разумный срок производства по делу, а также гарантирует компенсировать вред, причиненный в случае нарушения этих сроков. Механизм компенсации, то есть денежное возмещение за нарушенное право, признан действующим во многих правовых системах и широко используется в правовом поле в области уголовного судопроизводства [7].

Во исполнение требований международно-правового стандарта разумности срока законодателем закреплен ряд правовых положений, применение которые свидетельствует о соблюдении данного принципа. Так, например, в соответствии с ч. 2.1 ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации срок содержания под стражей засчитывается в срок домашнего ареста. При этом совокупный срок содержания под стражей и под домашним арестом (вне зависимости от последовательности, в

которой они применялись) не должен превышать предельный срок содержания под стражей, предусмотренный ст. 109 УПК РФ [8]. Данное правило является формой выражения принципа разумного срока, которое позволяет подозреваемому или обвиняемому фактически уменьшить срок домашнего ареста, ограничиваясь при этом максимальным сроком содержания под стражей. Однако в деятельности судов отсутствует единообразная трактовка данной нормы, в виду чего складывается противоречивая правоприменительная практика. Данный факт аналогичным образом требует внимания законодателя с целью установления общеобязательного порядка толкования данной нормы и применения единообразных правил по отношению к каждому гражданину.

Резюмируя анализ сопоставления правил международно-правового стандарта разумного срока относительно применения меры пресечения в виде домашнего ареста, можно сделать теоретически оправданный вывод: несмотря на предшествующую тенденцию имплементации из европейского права принципа разумного срока, сведения правоприменительной практики свидетельствуют о недостатке четкой и грамотной регламентации соответствующих правил, что в свою очередь выступает барьером для всесторонней реализации права на защиту всех участников уголовного судопроизводства. Многие теоретики склонны считать, что решение проблемы заключается в грамотном формулировании понятия данного положения с указанием на главные признаки, а именно « избежание чрезмерного, необоснованного промедления при расследовании и рассмотрении уголовного дела». Речь не идет об установлении четких сроков, которые должны быть применены единообразно в отношении каждого лица. Важно брать во внимание те наличествующие факторы, которые непосредственно влияют на временные рамки хода расследования уголовного дела и с учетом этих обстоятельств совершать процессуальные действия в минимально узкие, короткие сроки, с целью обеспечения права каждого человека на разумные сроки уголовного судопроизводства. Важность правильной оценки всех факторов и обстоятельств применительно к мерам пресечения заключается в том, что данные средства во многом ограничивают различные конституционные права личности. Следует понимать, что меры пресечения избираются в отношении лица, который имеет процессуальный статус обвиняемого, в исключительных случаях подозреваемого, из чего вытекает понимание того, что вина в совершении преступления указанного человека не доказана и есть вероятность выяснения других обстоятельств дела. Наполнение данной декларативной нормы (принцип разумного срока) грамотным содержанием позволит повысить степень защищенности каждого участника уголовного судопроизводства.

Учитывая тот факт, что процессуальные сроки в уголовном досудебном производстве, установленные уголовно-процессуальным законом, были сформированы без учета принципа разумного срока уголовного судопроизводства в силу его отсутствия на момент принятия УПК РФ, то они в

настоящее время подлежат корректировке с целью их приведения в соответствие с указанным принципом [9].

Внимание законодателя должно быть также акцентировано на факте различного толкования нормы закона, предусмотренной ч. 2.1 ст. 107 УПК РФ. Практическая деятельность разных судов в области «засчитывания» времени содержания под стражей в срок домашнего ареста противоречива и требует установления общих правил толкования.

Необходимость закрепления ряда нормативных, имеющих юридическую силу, правил о разумном сроке в отношений мер пресечения обусловлена наличием признака «временности», что означает следующее: любая мера пресечения имеет срок, и он должен быть четко определен законодателем с целью устранения возможных нарушений конституционных прав личности на неприкосновенность и свободу, а также установления стабильности правоприменительной практики. Представляется, что сроки таких строгих мер пресечения, как, например, домашний арест должны быть конкретными и разумными.

---

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.: с изм. от 24 июня 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 28 апреля 2023 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 марта 2016 г. № 11: в ред. от 29 июня 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Замуруева Е.Ю. Экономия уголовно-процессуального принуждения при выборе мер пресечения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1. С. 56–62.

5. Желева О.В., Ткач А.С. Некоторые проблемы исчисления и зачета срока запрета определенных действий в срок домашнего ареста, заключения под стражу и лишения свободы // Вестник Томского государственного. ун-та. Право. 2022. № 45. С. 34–43.

6. Замуруева Е.Ю. Справедливость как требование к решению о применении мер пресечения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 152–162.

7. Обеспечение прав человека: учебник / М.И. Акатнова, А.А. Амирханов, Ю.В. Анохин [и др.]; под общей редакцией Ю.В. Анохина; БЮИ МВД РФ. 2-е изд., испр. и доп. Барнаул: БИЮ, 2020. 755 с.

8. Федотов В.А., Федотова Е.А. Международная практика применения домашнего ареста // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-4. С. 117–122 .

9. Воробей С.Н., Чаплыгина В.Н. Актуальные вопросы применения залога в уголовном процессе // Двадцатилетний опыт применения УПК РФ: современное состояние и тенденции развития уголовно-процессуального законодательства в России. Предварительное следствие от Петровских реформ до наших дней: сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции. Хабаровск, 2022. С. 21–23.

Ключевые слова: международно-правовой стандарт, процессуальные сроки, разумный срок, домашний арест, уголовное судопроизводство.

УДК 343.1

ОСНОВАНИЯ И КРИТЕРИИ ОБОСНОВАННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРОЧНОЙ ЗАКУПКИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Сезонова Татьяна Владимировна,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье обозначены основные положения, касающиеся особенностей проведения оперативно-разыскного мероприятия «проверочная закупка» по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств. Проанализированы основания и критерии обоснованности её проведения.

В настоящее время незаконные производство, сбыт и хранение наркотических средств и психотропных веществ является острой проблемой, способствующей совершению общественно наказуемых деяний, влекущих опасные последствия для нормальной жизнедеятельности и здоровья граждан в целом. Вышесказанное подтверждается статистическими данными, показывающими положительную динамику в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков на территории Орловской области. Так, за 2021 г. в суд было направлено 255 уголовных дел, а в 2022 г. – уже 283 уголовных дела (см. рис. № 1).

Это обстоятельство побуждает органы внутренних дел оказывать воздействие на производителей и сбытчиков запрещенных к обороту веществ с помощью оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), в том числе «проверочной закупки»

Рисунок 1. Количество уголовных дел на территории Орловской области, связанных с НОН и направленных в суд за период 2021–2022 гг.

.

Проверочная закупка – это, прежде всего, оперативно-разыскное мероприятие, которое заключается в создании легенды со стороны сотрудников полиции, в соответствии с которой оперативный работник становится «покупателем», возмездно приобретающим тот или иной товар или услугу без цели потребления или последующего сбыта у лиц, которые обоснованно подозреваются в совершении преступления, с целью пресечения дальнейшего осуществления ими преступной деятельности [1, с. 53]. Иными словами, лицо, которое приобретает товар у преступника, скрывает свою принадлежность к правоохранительным органам и представляется обычным гражданином, которого интересует потребление товара, в нашем случае – наркотических средств, а также, «покупатель» не сообщает истинную цель покупки такого товара. По результатам производства проверочной закупки составляется акт, который должен быть составлен сотрудником подразделения ОРД, её проводившим.

Для того чтобы проверочная закупка была осуществлена в соответствии с законодательством Российской Федерации, для ее проведения необходимы соответствующие основания, указанные в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». К таковым относятся [2, с. 53]:

– во-первых, это наличие возбужденного уголовного дела, вне зависимости от того, каким должностным лицом оно было возбуждено (дознавателем, следователем и руководителем следственного органа);

– во-вторых, это получение подразделениями, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, информации о том, что готовится, совершается или уже совершено общественно опасное деяние, но для того,

чтобы уголовное дело было возбуждено, не собрано достаточное количество доказательств;

– в-третьих, это поручение органа предварительного расследования или же суда о производстве оперативно-разыскного мероприятия, которое должно быть составлено на имя начальника органа дознания, поскольку решение о том, какое именно ОРМ следует произвести, является его прерогативой.

Прежде чем производить проверочную закупку наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, сотрудникам, осуществляющим ОРД, необходимо убедиться в том, что лицо сбывает именно их, так как только эта информация будет служить главным основанием производства проверочной закупки с целью предотвращения распространения веществ, свободная продажа которых запрещена или оборот которых ограничен. Стоит отметить, что формально ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» не содержит ограничений для проведения проверочной закупки наркотических средств по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 2 ст. 7, то есть, при получении сведений о незаконном обороте наркотиков и при отсутствии, при этом, установочных данных об их сбытчике [3, с. 53]. Этим, как раз-таки, и объясняется практика успешного использования результатов проверочной закупки при доказательстве вины подозреваемого лица в процессе производства предварительного следствия. В качестве примера можно рассмотреть конкретный приговор суда. Так, в 2021 г. в Северо-Кавказском федеральном округе гражданин был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 4 ст. 228.1. Уголовное дело было возбуждено после проведения проверочной закупки, основанием для проведения которой послужила информация, поступившая от конфиденциального источника о том, что житель одного из сел занимается незаконным сбытом марихуаны. Изначально с целью проверки такого сообщения, оперуполномоченный был внедрен в круг общения гражданина, после чего оперативный сотрудник получил информацию о том, что он на самом деле занимается сбытом наркотического средства. И уже в связи с этим была проведена проверочная закупка.

Таким образом, на сегодняшний день судебная практика выстраивает свои критерии к основаниям для проведения проверочной закупки, которые можно классифицировать на следующие основные группы:

– требования к источнику информации;

– требования к достоверности сведений, послуживших основанием для проведения проверочной закупки;

– требования к содержанию сведений.

Что касается требований к источнику информации, следует говорить о том, что если лицо, предоставляющее информацию, оказывает постоянное содействие правоохранительным органам, то оно должно участвовать и в предварительном следствии и, соответственно, в судебном разбирательстве [4, с. 53]. Следующим критерием, который вызывает сомнение у суда – этот

тот факт, что информация в правоохранительные органы поступает от одного негласного агента и не находит своего подтверждения у других информаторов и в ходе оперативно-разыскных мероприятий. Третьим требованием к источнику информации является то, что лицо, сообщающее информацию для проведения проверочной закупки, при этом, не должно участвовать в качестве покупателя в данном оперативно-разыскном мероприятии.

Рассматривая вторую группу требований, следует отметить, что проверочная закупка должна быть произведена на основании объективных и субъективных источников информации. Иначе говоря, не может быть такого, что информация о незаконном обороте наркотических средств подтверждена исключительно одним информатором или сторонними неоперативными подразделениями, она также должна быть подкреплена аудио- или видеозаписью. Также сведения, поступающие о лице, незаконно сбывающем наркотическое средство, должны быть неоднократно проверены, то есть не могут быть сделаны однозначные выводы лишь на основании полученной первичной информации.

Критерии к содержанию информации: должны присутствовать данные о конкретном лице, в отношении которого планируется производство проверочной закупки, а также, должна присутствовать точная информация, подтверждающая участие лица в незаконном обороте наркотических средств.

Кто же должен оценивать обоснованность производства проверочной закупки с точки зрения предъявленных требований? В первую очередь, сами сотрудники оперативных подразделений, руководитель органа дознания на этапе санкционирования такого мероприятия. В дальнейшем, оценкой правомерности проведения ОРМ будет заниматься сам следователь, а далее и прокурор.

Итак, обоснованность производства проверочной закупки наркотических средств должна включать в себя следующие элементы:

– основания для проведения ОРМ, которые включают информацию о лицах и фактах криминального характера;

– степень достоверности полученных сведений, подкрепленных несколькими источниками;

– характеристика источника информации – количество информаторов, их оперативный или неоперативный характер, наличие субъективного или объективного мнения;

– необходимость проведения проверочной закупки.

Таким образом, проверочная закупка производится на основании тех пунктов, которые строго предусмотрены ФЗ «Об ОРД», но критерии обоснованности её производства складываются исключительно из следственной и судебной практики и носят больше тактический характер, нежели чем правовой.

1. Чумаров С.А. О понятии проверочной закупки наркотических средств // Вестник Сибирского юридического института МВД России. С. 108.

2. Помелов А.А. Основания для проведения проверочной закупки наркотических средств и критерии ее обоснованности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 102.

3. Степанова Е.В. Основные требования, предъявляемые к проведению оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка» // Рос. следователь. 2016. № 10. С. 47–51.

4. Загирбекова З. Проверочная закупка и тактика ее применения // Проблемы совершенствования законодательства: сборник научных статей студентов юридического факультета СКИ(ф) ВГУЮ (РПА Минюста России). Махачкала: АЛЕФ, 2019. С. 191–192.

Ключевые слова: оперативно-разыскное мероприятие, проверочная закупка, наркотические средства, основания, критерии обоснованности.

УДК 343.3

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Скобелин Сергей Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры информационных технологий
и организации расследования киберпреступлений,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

В статье отмечаются основные проблемы и современные тенденции использования современных цифровых технологий в работе правоохранительных органов и в частности органов следствия в профилактике, раскрытии и расследовании преступлений, а также на судебной стадии уголовного судопроизводства. Предлагаются законотворческие, практические и тактические меры по интенсификации данного направления и оптимизации работы соответствующих субъектов.

Современная оперативно-следственная, а также судебная практика противодействия преступности в стране требует от ученых-криминалистов научно-обоснованных подходов и рекомендаций, связанных с раскрытием и расследованием преступлений в условиях глобальной цифровизации всех общественных процессов.

Ряд направлений в этой области разрабатываются достаточно активно. Это, во-первых, подходы к изучению природы цифровых следов преступной деятельности (их понятию и разновидностей, классификационных групп, специфике их формирования, движения и т.п.) [1]. Во-вторых, есть удачные разработки в области поиска, фиксации, изъятия, хранения и криминалистического анализа таких следов в целом и с позиции использования цифровых способов совершения противоправных деяний (сети Интернет, мобильной телефонии) [2]. В-третьих, учеными довольно подробно разрабатываются тактические особенности организации и проведения следственных действий и экспертиз, связанных с получением, верификацией и интерпретацией цифровых следов, а также частные методики расследования отдельных преступлений, совершаемых в киберпространстве (доведение до самоубийства или склонение к самоубийству; хищения в финансово-банковской сфере; призывы к осуществлению террористической, экстремистской деятельности, массовым беспорядкам; сбыт наркотических средств, оружия; оборот порнографических материалов или предметов, организация азартных игр, преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних и др.) [3].

Однако неоправданно мало внимания в криминалистической доктрине уделяется использованию цифровых возможностей самих сотрудников правоохранительных органов в раскрытии и расследовании преступлений.

Основными направлениями в этой области представляются следующие:

1. Расширение и упрощение возможностей видео и фотофиксации хода и результатов следственных действий, в том числе их проведения с использованием систем видео-конференц-связи.

После долгих дискуссий в УПК РФ была наконец-то введена ст. 189.1. «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи» [4, с. 89], однако практика проведения указанных следственных действий непоследовательна.

Многие руководители следственных органов, прокуроры и судьи предпочитают «работать по старинке», неоправданно затрачивая время, материальные и кадровые средства на дальние командировки и очное их проведение именно следователем, в чьем производстве находится уголовное дело, либо формальное проведение другими сотрудниками по поручениям. Причиной этому служит, прежде всего, недоверие к инновациям, нежелание производить обязательную, порой длительную видеосъемку (ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ), которую многие прокуроры и судьи требуют после завершения следственного действия просматривать со всеми участниками, а затем составлять протокол, а также страх ошибок, признания полученных доказательств недопустимыми.

Изучение следственной практики и общение с действующими следователями Следственного комитета Российской Федерации позволяет выска-

зать общее мнение о необходимости обеспечения самостоятельности следователя, в том числе за счет собственных решений о применении систем видео-конференц-связи исходя из следственной ситуации.

Для этого, во-первых, следует оставить открытым перечень следственных и иных процессуальных действий (также как и перечень участников уголовного судопроизводства, в отношении которых они проводятся), которые следователь вправе провести с использованием систем видеоконференц-связи. Во-вторых, в каких случаях необходимо фиксировать следственное действие на видео, также должен решать следователь. Причем, если решение положительное, в УПК РФ необходимо оговорить право, а не обязанность просмотра записи, а также и составления письменного протокола, так как видеозапись на внешнем носителе и будет являться одним из доказательств.

2. Внедрение в следственную практику современных высокотехнологичных технико-криминалистических средств и специализированного программного обеспечения (например, «Конструктор места происшествия» и др.), значительно упрощающих работу следователя.

Подобные программы активно используются следственными подразделениями во многих странах мира. Они позволяют составить на специальном планшетном компьютере схемы места происшествия с помощью графического редактора и имеющейся обширной коллекции объектов; расположить различные объекты с их подробным описанием; произвести и автоматически отправить в фототаблицу; фото- и видеосъёмка места происшествия; геопозиционирование; добавление на карту специальных меток и др.

Отметим особенность и содержание сформированного программой электронного отчёта, который довольно информативен и может заменить протокол осмотра места происшествия.

3. Применение в ходе следственных действий беспилотных летательных аппаратов, экшн-камер для оперативного и качественного создания панорам мест происшествий, ведение прямых трансляций и возможности интерактивных онлайн-осмотров сложных, отдаленных или труднодоступных мест происшествий.

4. Использование электронной подписи следователя и возможности направлять в цифровом формате запросы, ходатайства и иные процессуальные документы в прокуратуру, суд, органы внутренних дел, операторам связи и другим правоохранительным и коммерческим организациям.

О цифровизации процесса получения и обработки данных от операторов связи в рамках проведения такого следственного действия, как получение информации о соединениях (ст. 186.1 УПК РФ) говорили давно. Довольно успешно прошли апробацию, однако до сих пор не получили повсеместного внедрения автоматизированные системы обработки запросов правоохранительных органов (проект «АСОЗ»).

Это позволило бы получить следователю доступ к автоматизированной системе обработки запросов и по фамилии, имени, отчеству и дате

рождения участника уголовного процесса, оперативно получать сведения о зарегистрированных на него абонентских номерах, а в последующем (после получения судебного решения, причем также путем интернет переписки и направления сканированных документов) получить необходимую детализацию. Результативно осматривать и анализировать объемные детализации также необходимо с помощью специализированных аппаратно-программных комплексах (например «Сигмент»).

5. Значительно повысить скорость и качество проведения ряда следственных и иных процессуальных действий, а также судебного процесса позволило бы повсеместное внедрение в правоохранительных органах программ, позволяющих распознавать, расшифровать аудиовизуальную информацию и переводить ее в текст протокола (программы-транскрайберы) [5, с. 8].

6. Большинство следователей отмечают необходимость цифрового доступа к автоматизированным базам данных, всем видам криминалистических учетов.

7. Рано или поздно в оперативно-разыскную, следственную и судебную практику будут внедрены возможности искусственного интеллекта [6] (в разумных пределах для решения конкретных задач, где без подобных инноваций не обойтись). Речь идет о выявлении и раскрытии серийных, групповых много эпизодных преступлениях, глубокой аналитической и математической работы с большими данными статистики, биллинговой информацией, систем учета, баз данных и т.п.

---

1. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: монография / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2022. 256 с.

2. Вехов В.Б. и др. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под редакцией В.Б. Вехова, С.В. Зуева. М.: Юрайт, 2021. 417 с.

3. Багмет А.М. и др. Цифровые следы преступлений: монография. М.: Проспект, 2021. 168 с.

4. Марковичева Е.В. Перспективы развития электронного судопроизводства в Российской Федерации // Рос. правосудие. 2017. № 3. С. 88–93.

5. Вахмянина Н.Б., Иванов Э.А. Возможности использования программ-транскрайберов при производстве следственных действий // Рос. следователь. 2019. № 2. С. 6–9.

6. Бессонов А.А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений: монография. М., 2021. 816 с.

Ключевые слова: расследование преступлений, цифровизация, раскрытие и расследование преступлений, профилактика, уголовное судопро-

изводство, видео-конференц-связь, программное обеспечение, искусственный интеллект.

УДК 343.1

ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Соколов Андрей Борисович,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры криминалистики,
Омская академия МВД России,
644092, г. Омск, пр. Комарова, д. 7

Вопросы обеспечения безопасности участников уголовного досудебного производства всегда привлекали внимание ученых и остаются на сегодня одним из приоритетных направлений в деятельности правоохранительных органов [1, с. 62–69]. При этом процессуальная деятельность субъекта, осуществляющего предварительное расследование, должна быть выстроена с учетом всех требований уголовно-процессуального закона. К основным из них при производстве следственных и иных процессуальных действий можно отнести обеспечение правовых гарантий и безопасности участников уголовного судопроизводства, соблюдение формы и процедуры.

Сегодня мы наблюдаем стремительное совершенствование научно-технических средств, качественных характеристик их возможностей, реализации их функционального потенциала для разрешения задач, стоящих перед обществом и государством. Учитывая сказанное, следует признать целесообразность модернизации существующих общественных отношений, в том числе в рамках применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, но только тогда, когда это действительно необходимо. Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) был дополнен ст. 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видеоконференц-связи», которая, по мнению отдельных ученых [2, с. 128] и практиков, должна была упорядочить деятельность правоприменителя, путем закрепления общих правил применения видео-конференц-связи (далее – ВКС) при производстве следственных действий [3, с. 116], обеспечив возможность реализовывать дистанционный способ получения информации. Полагаем, что не было острой необходимости в самостоятельной статье, посвященной производству отдельных следственных действий путем

использования систем ВКС. Поскольку до соответствующего дополнения уголовно-процессуальный закон не ограничивал правоприменителя в такой возможности, что явно вытекает из анализа уголовно-процессуального законодательства и результатов исследований ученых [4, с. 14; 5, с. 76; 6, с. 109–115]. Достаточным было бы указать на такую возможность в ст. 164 УПК РФ – «Общие правила производства следственных действий», без привязки к отдельным видам следственных действий и описания организационных аспектов и процедур, реализовать которые не всегда представляется возможным в силу различных причин объективного и субъективного характера.

С криминалистической точки зрения дополнение УПК РФ ст. 189.1 можно рассматривать как закрепление способа производства отдельных следственных действий, в том числе предъявления для опознания (в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым). При этом следует выделить два аспекта реализации указанного способа действия: территориальный и обеспечивающий. Говоря о территориальном, отметим, что в правоприменительной деятельности встречаются случаи, когда опознающий и опознаваемое лицо находятся в разных городах, регионах нашей страны. В данной ситуации целесообразно применение систем ВКС при предъявлении для опознания в связи с отсутствием возможности у опознающего прибыть к месту производства следственного действия в силу различных обстоятельств. Следует помнить, что предъявление для опознания это следственное действие комплексного характера, обусловленное необходимостью осуществления предварительного допроса опознающего. Рассматривая второй аспект, обратим внимание, что применение систем ВКС при предъявлении для опознания может выступать мерой обеспечивающей безопасность участников уголовного досудебного производства – опознающего лица (свидетеля, потерпевшего).

Изучение положений ст. 193 УПК РФ позволяет указать на то, что сущность предъявления для опознания состоит в сравнении запечатлевшегося у опознающего мысленного образа ранее наблюдаемого лица или объекта с представленными лицами или объектами для установления их тождества или различия.

В ч. 8 ст. 193 УПК РФ указано на то, что в целях обеспечения безопасности опознающего предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Данное положение по отношению к указанному нами ранее дополнению УПК РФ ст. 189.1 является ключевым. Его специфика состоит в том, что использование ВКС как меры обеспечения безопасности в рамках реализации ст. 189.1 УПК РФ возможно лишь тогда, когда правоприменитель не может организовать производство предъявления для опознания с участием опознающего и опознаваемого в одном месте.

Развивая мысль относительно производства предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, представляется, что использование ВКС оправданно. При этом правоприменителю достаточно предположить о возможности высказывания угроз в адрес опознающего как со стороны опознаваемого, так и со стороны иных лиц. В свете сказанного уместным представляется мнение Л.В. Брусницына, который обращает внимание на расширительное толкование ч. 3 ст. 11 УПК РФ и предлагает применять меры безопасности до того, как угрозы будут высказаны в адрес защищаемого лица. В этой связи ученый проводит аналогию с п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, который предусматривает возможность применения меры безопасности на том основании, что подозреваемый (обвиняемый) может угрожать свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства [7, с. 20].

Так, в ходе производства предъявления для опознания подозреваемого (обвиняемого) видеоизображение может быть подключено лишь у одной из сторон, где находятся опознающий (свидетель, потерпевший), понятые и сам следователь (дознаватель). Такой подход позволит не только сохранить в тайне данные об опознающем лице, а также исключение возможности повлиять на него в целях отказа от дачи или изменения показаний изобличающих в совершении преступления подозреваемого (обвиняемого), но и обеспечить безопасность опознающего лица в будущем. Считаем, что в процессе получения и использования показаний важно создать для лица условия, которые исключали бы какое-либо воздействие на него со стороны других участников процесса и субъектов, заинтересованных в определенном исходе дела.

Кроме того, исходя из смысла ч. 8 ст. 193 УПК РФ следователь – инициатор производимого следственного действия обязательно обеспечивает участие не менее двух понятых для удостоверения факта добровольного указания опознающего на ранее наблюдаемого лицо, устанавливая при этом их тождество или различие.

Нередко задаются вопросы о месте нахождения защитника при предъявлении для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Полагаем, что защитник размещается в месте, где находится опознаваемый (подозреваемый, обвиняемый), в том числе при производстве рассматриваемого следственного действия путем использования систем ВКС. При нахождении защитника в месте нахождения опознающего (свидетеля, потерпевшего), теряется смысл способа производства предъявления для опознания путем использования систем ВКС, как меры обеспечения безопасности участников уголовного досудебного производства.

Подводя итог, отметим, что указание законодателем на возможность производства предъявления для опознания путем использования ВКС является одной из мер обеспечивающих безопасности опознающего как участника уголовного досудебного производства.

1. Соколов А.Б., Табаков С.А. Допрос свидетеля под псевдонимом: когда проводить и как подготовиться // Уголовный процесс. 2019. № 2. С. 62–69.

2. Чаплыгина В.Н. Проблемы производства дистанционного допроса в досудебном производстве России // Наука и практика. 2015. № 3. С. 128–132.

3. Щерба С., Архипова Е. Правовые основы применения видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве России и перспективы их совершенствования // Уголовное право. 2014. № 4. С. 109–117.

4. Гаас Н. Н. Использование видео-конференц-связи при производстве следственных действий в стадии предварительного расследования: изменения, в которых нуждается практика // Рос. следователь 2021. № 12. С. 11–15.

5. Малышева О.А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видеоконференц-связи // Lex Russica. 2022. № 6. С. 74–84.

6. Мерлаков Д.С. Компетенция органов предварительного расследования по проведению следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьнова. 2022. № 1. С. 109–115.

7. Брусницын Л.В. Оценка показаний, данных под псевдонимом // Уголовный процесс. 2011. № 7. С. 18–25.

Ключевые слова: безопасность, участники уголовного досудебного производства, предъявление для опознания, подозреваемый, система ВКС.

УДК 343.9

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО УПРОЩЕНИЯ

Солодовник Вячеслав Викторович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
188662, Ленинградская область, Всеволожский район,
г. Мурино, ул. Лесная, д. 18а

В статье рассматриваются особенности производства по уголовным делам частного обвинения, его эффективность, дифференциация и перспективные возможности упрощения. При этом выявлены недостатки

в практике производства по данным делам, в результате чего затрагиваются права и законные интересы лица, которое является инициатором такого производства.

Частный (состязательный) процесс – это спор двух сторон, имеющих равные права, который происходит перед третьей независимой стороной – судом [1, с. 83]. Из данного определения следует, что, если одна из сторон откажется от своих претензий и требований к другой стороне, то рассмотрение данного дела судом должно быть прекращено. Таким образом, выделяются две основные особенности производства, осуществляемого по делам частного обвинения. Это возможность принятия решения о возбуждении уголовного дела только по заявлению потерпевшей стороны, а также необходимость прекращения уголовного дела, относящегося к рассматриваемой категории, по воле потерпевшего.

Итак, получается, что если указанные особенности являются единственным отличием уголовных дел частного обвинения от уголовных дел публичного обвинения, тогда, как предлагает И.И. Голубова, не имеет смысла выделять данный институт в качестве отдельного производства, т.к. эту частность можно ввести во все уголовно-процессуальное законодательство [2, с. 56]. Соответственно, уместнее было бы ликвидировать данный институт (институт уголовного преследования в частном порядке), внеся соответствующие изменения в УПК РФ, которые установят, что на стадии предварительного расследования следователи и дознаватели будут иметь право завершать уголовное преследование подозреваемого или обвиняемого, если потерпевший откажется от своих претензий к нему и обвинений.

Указанная точка зрения представляется нам спорной, потому что нельзя ставить вопрос о возбуждении и продолжении производства по любому уголовному делу в зависимость от желания потерпевшего. Причин для этого несколько. Прежде всего, уголовное судопроизводство не будет выполнять своего назначения в полной мере, потому что расследование по любому преступлению (в том числе тяжкому и особо тяжкому) можно будет прекратить, договорившись с потерпевшей стороной. А если договориться не получится, то воздействие на потерпевшего может носить криминальный характер (угрозы, физическое насилие, причинение смерти).

Кроме вышеизложенных обстоятельств, считаем, что и среди дел частного обвинения необходима соответствующая дифференциация. Так, например, нельзя ставить на одну ступень изнасилование, совершённое в отношении женщины, близости с которой виновный добивался ранее другими способами, не увенчавшимися успехом, и изнасилование, совершённое в общественном месте в отношении женщины, с которой виновный не был знаком.

В первом случае виновный вряд ли совершил бы изнасилование другой женщины, его преступные действия были направлены исключительно на нарушение прав и свобод конкретной жертвы. Поэтому вполне логично,

что инициатива возбуждения уголовного дела должна принадлежать потерпевшей от преступления.

Во втором же случае преступление направлено, в том числе и против общественных интересов, так как виновный, избежав уголовной ответственности ввиду отсутствия заявления пострадавшей стороны о привлечении его к уголовной ответственности, при частно-публичном порядке уголовного преследования, бесспорно, ощутив безнаказанность, совершит новое аналогичное преступление. А потому привлечение такого лица к уголовной ответственности не должно быть поставлено государством в зависимость от волеизъявления потерпевшей стороны. Уголовное преследование в таких случаях должно осуществляться в публичном порядке, исключая частные начала.

Иными словами, в каждом конкретном случае нужно устанавливать на чьи интересы посягает совершённое преступление: на интересы общества в целом или на интересы конкретного индивида, и в зависимости от этого уже определять вид уголовного преследования. Но для этого на законодательном уровне необходимо определить чёткий перечень статей УК РФ, уголовное преследование по которым может осуществляться разными видами.

Потерпевший в делах частного обвинения берет на себя инициативу возбуждения дела, сбор и предоставление доказательств по нему, а также строит обвинение, что для неподготовленного лица крайне затратно как с материальной стороны, так и с точки зрения затраты интеллектуально-эмоциональных ресурсов.

Если уголовные дела частного обвинения подлежат рассмотрению у мирового судьи, то большая часть таких дел, переданных судье гражданами или другими органами, судя по статистическим данным, прекращается.

В связи с тем, что на частного обвинителя налагаются обязанности обвинителя государственного, то ему становится значительно труднее защитить свои права (права потерпевшего), а также добиться правосудия и защиты суда. Следовательно, можно говорить о том, что процесс производства по уголовным делам частного обвинения не может в должной мере удовлетворить потребность потерпевшего в защите.

Основной причиной неудовлетворенности потерпевшего является обязанность сбора и предоставления суду доказательств виновности подсудимого, т.к. потерпевший может не иметь представления о том, каким образом происходят эти процедуры. Также нет инструментов, благодаря которым государственный органы могут помочь частному обвинителю собрать доказательства, т.к. суд должен исполнять свои функции беспристрастно и не имеет права содействовать обвинителю, иначе эта функция будет нарушена.

В этой связи Т.В. Трубникова предлагает установить комплексный механизм, которым могут пользоваться частные обвинители. В данном механизме должно быть предусмотрено необходимое правовое содействие в

составлении заявления в суд и представлении интересов частного обвинителя в ходе судебного разбирательства. Так, например, можно закрепить в УПК РФ нормы, допускающие бесплатную юридическую помощь адвоката потерпевшему в делах частного обвинения, и нормы об увеличении числа оснований, которые позволяют государственному обвинителю участвовать в делах частного обвинения [3, с. 60]. Мы согласны с данной точкой зрения и считаем, что также целесообразно разработать правовой механизм оказания помощи правоохранительными органами гражданам, выступающим в качестве частного обвинителя, в сборе доказательств по уголовным делам, по которым уголовное преследование осуществляется в частном порядке.

В случае, когда имеются условия для применения упрощенной процедуры особого порядка судебного разбирательства, мы считаем, что данную процедуру нужно применять, и это является положительной практикой, так как по данным делам значительно уменьшаются сроки рассмотрения и повышается эффективность работы судов.

Н.В. Иванцова на примере из практики показала, что уголовное преследование в частном порядке экономически невыгодно государству. Так, из-за ссоры между двумя гражданками, которая переросла в драку, было возбуждено 3 уголовных дела частного обвинения, проведено 51 судебное заседание, а также было собрано 9 томов уголовного дела. Процессы в общей сложности длились около 2 лет, решения обжаловались, и дела снова рассматривались в судах разных уровней. Такое длительное производство потребовало соответствующего финансирования деятельности участников уголовного процесса, судебных издержек, оплаты канцелярских принадлежностей, бумаги и прочее [4, с. 19].

В связи с этим предлагаем разрешение такого рода инцидентов, а именно, мелких бытовых конфликтов, степень общественной опасности которых не так велика, осуществлять в административном порядке. Можно, например, декриминализировать деяния, образующие составы преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, т.к. затяжные процессы по подобного рода преступлениям не редки при рассмотрении уголовных дел частного обвинения. Реализация данных предложений должна значительно снизить количество затяжных процессов, на проведение которых уходит достаточно большое количество государственных средств.

Кроме того, уголовные дела частного обвинения, вне зависимости от вынесения обвинительного или оправдательного приговора, обостряет несогласие между сторонами конфликта, что несет за собой повышение возможности совершения новых общественно опасных деяний со стороны участников судопроизводства.

Еще одним выходом из сложившейся ситуации можно считать введение протокольной формы представления в суд материалов, которая ранее широко использовалась и положительно себя зарекомендовала на практике.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время особую актуальность приобретает целесообразность упрощения производства по делам частного обвинения, которая еще не исчерпала свои возможности.

---

1. Куцова Э.Ф. Хрестоматия по уголовному процессу России. М.: Городец, 2022. 304 с.

2. Голубов И.И. Частное обвинение как условие совершения преступлений против правосудия // Юрист. 2018. № 2. С. 54–57.

3. Трубникова Т.В. Частное обвинение или отказ в правосудии? // Уголовная юстиция. 2017. № 2 (6). С. 59–62.

4. Иванцова Н.В. Во сколько обходятся налогоплательщику дела частного обвинения? // Мировой судья. 2017. № 6. С. 17–22.

Ключевые слова: уголовный процесс, упрощенное производство, частное обвинение, уголовное дело, частный обвинитель.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Сретенцев Андрей Николаевич,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматриваются некоторые перспективы развития криминалистической науки с учетом современных тенденций в сфере информационных технологий. Затрагиваются вопросы внедрения программных средств с элементами искусственного интеллекта в деятельность по профилактике, раскрытию и расследованию преступлений. Приводятся результаты анализа научной литературы по вопросам развития системы криминалистической регистрации.

Безусловно, современные информационные технологии оказывают мощное трансформационное воздействие на многие процессы, происходящие в обществе, чтобы оценить весь спектр изменений затронувших человека, общество и государство требуются масштабные исследования, которые еще только предстоит провести ученым в области антропологии, социологии, психологии, экономики, юриспруденции и других сферах научного знания.

Однако уже сейчас очевидно, что цифровизация многих сфер общественной жизни, наблюдаемая в настоящее время, привела к глобальным изменениям в структуре преступности. Стремительной рост числа преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, является убедительным свидетельством того, что преступные элементы стремятся в полной мере освоить современные технологии и возможности которые они предоставляют, чтобы использовать их в своих корыстных целях. Возникает закономерный вопрос – каким образом правоохранительные органы должны адаптироваться к складывающимся условиям, чтобы эффективно осуществлять возложенные на них функции в сфере борьбы с преступностью?

В данной статье на основе анализа современного уровня развития науки и техники, отечественного и зарубежного опыта, постараемся обозначить некоторые контуры тех рубежей к которым, по нашему мнению, должна стремиться криминалистическая наука на текущем этапе ее развития, чтобы оказать необходимое содействие правоприменителям.

Последнее десятилетие характеризуется существенным прогрессом технологий прямо или косвенно связанных с искусственным интеллектом. Все чаще от официальных лиц звучат заявления о том, что в настоящее время происходит четвертая промышленная революция, в результате которой будет сформирован новый технологический уклад и произойдет переход к экономике четвертого поколения [1]. Уже сейчас очевиден прогресс в ряде сквозных технологий: обработке больших объемов структурированных и не структурированных данных; создании искусственных нейронных сетей; внедрении систем технического зрения.

На наш взгляд, указанные технологии обладают значительным потенциалом, который должен быть освоен правоохранительными органами, при этом, наиболее перспективными представляются следующие направления:

1) Модернизация системы криминалистической регистрации, которая включает: постепенный отказ от учетов в виде натурных коллекций и переход на коллекции цифровых двойников; дальнейшее повышение степени автоматизации учетов, за счет внедрения программных средств на базе искусственного интеллекта [2]; повышение оперативности использования содержащейся в учетах информации за счет обеспечения дистанционного доступа к ним в целях проведения предварительных исследований на этапе осмотра места происшествия.

Эффективность профилактики, раскрытия и расследования, преступлений находится в прямой взаимосвязи с возможностями использования информации, аккумулируемой в соответствующих информационных системах;

2) Разработка алгоритмов получения криминалистически значимой информации (DataMining) из массивов данных, расположенных в открытом доступе (фотовидеохостинги, социальные сети, мессенджеры) [3];

3) Разработка и внедрение средств поддержки принятия решения субъектов расследования, на основе систем на базе искусственного интеллекта [4];

4) Внедрение современных средств фиксации, включая технологию 3D-сканирования [5];

5) Использование искусственного интеллекта для работы с массивом уже накопленной информации о преступности (статистические карточки, электронные копии приговоров судов, в перспективе, материалы расследованных уголовных дел) с целью выявления с помощью машинного интеллекта неизвестных ранее закономерностей преступной деятельности, закономерностей деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, а также корреляционных связей между ними;

6) Развитие нейросетевых технологий, применяемых в системах машинного зрения (система «Безопасный город») и их обучение распознаванию более широкого круга объектов (оружие и иные потенциально опасные предметы) [6]. А также использование данных систем для инструментального профайлинга, с целью защиты инфраструктурных объектов и мест массового пребывания людей от угроз террористического характера [7].

Указанные направления, требуют соответствующей научной и юридической проработки. Данная работа уже активно ведется научным и юридическим сообществом, однако еще очень далека от завершения. В связи с этим, полагаем дальнейшее исследования возможностей и перспектив внедрения современных информационных технологий, созданных на базе искусственного интеллекта, в правоохранительную деятельность является актуальной научно-исследовательской и прикладной задачей.

---

1. Васюков В.Ф., Волеводз А.Г., Долгиева М.М., Чаплыгина В.Н. Преступления в сфере высоких технологий и информационной безопасности: учебное пособие. М., 2023.

2. Кокушев А.Б. Организационно-правовые аспекты функционирования современных информационных систем оперативно-криминалистических подразделений МВД Республики Казахстан: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2023 С. 104–105.

3. Чаплыгина В.Н., Москвичев А.А. Применение лицевой биометрии для информационно-аналитической поддержки розыскных мероприятий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1 (21). С. 177–187.

4. Сретенцев Д.Н., Волкова В.Р. Перспективы внедрения систем искусственного интеллекта в сферу расследования преступлений // Рос. следователь. 2021. № 11. С. 38–42.

5. Сретенцев А.Н., Бадиков Д.А. Некоторые аспекты использования современных технических средств фиксации при осмотре места дорожно-транспортного происшествия // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4 (34). С. 79–82.

6. Гомозова О.Ю. Возможность использования искусственного интеллекта в системе уголовного правосудия // Цифровая трансформация социальных и экономических систем: материалы международной научно-практической конференции / отв. редактор И.А. Королькова. М., 2023. С. 1290–1296.

7. Сретенцев А.Н. Некоторые особенности использования электронных отображений внешности человека в криминалистических целях и перспективы развития систем видеоидентификации // Научный портал МВД России. 2021. № 4 (56). С. 76–80.

Ключевые слова: искусственный интеллект, криминалистическая регистрация, раскрытие и расследование преступлений, нейросетевые технологии, перспективы развития криминалистики.

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Сретенцев Денис Николаевич,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2;

Гусев Кирилл Александрович,
курсант 3 курса факультета подготовки специалистов ГИБДД, Орловский юридический институт МВД имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В научной статье рассматривается производство судебной экспертизы как одно из определяющих мероприятий в рамках работы с уголовными делами. Рассмотрены некоторые особенности её проведения, характерные, в большей степени, исключительно для неё. Сформировано понимание реализации мероприятий подобного характера из необходимости реализации успешных уголовных расследований и вынесения компетентного приговора.

Как показывает практика, в основном, сложные судебные споры не обходятся без проведения экспертизы, которая, в свою очередь, считается судом как важное доказательство, опровержение которого довольно непростой процесс. Иначе говоря, судебная экспертиза представляет собой мощное средство, помогающее бороться с теми, кто отстаивает ложную и неправильную позицию. Абсолютно бесспорным является тот факт, что су-

дебная экспертиза полноценно реализуема тогда, когда она уместна и когда преследуется цель найти правдивые ответы на вопросы, чтобы решить возникшие споры в различных сферах жизни общества.

Необходимо понимать, что значение того, как именно такое мероприятие реализуется, очень масштабно, ведь корректность принятых решений, вынесенных приговоров, точность разрешения споров зависят от того, насколько правильно сформулированы волнующие вопросы. Также важным моментом является и то, что выбор исполнителя и/или экспертной организации также должен логически обосновываться и быть более актуальным.

Соответственно, возникает необходимость подтверждения профессионального соответствия и существующего опыта, а также наработанного стажа судебных экспертов и многое другого. Все это – только малая часть того, что определяет особенности производства судебной экспертизы, на некоторые из которых обратим внимание в этой статье, затронув этот аспект работы специалистов в рамках уголовных судопроизводств.

Достижение целей и задач, закреплённых в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), возможно благодаря применению многообразных средств и методов, которые допускаются и разрешаются действующим законодательством. Одним из таких правовым мероприятием можно считать судебную экспертизу как источник сбора необходимой доказательной базы и средство её дальнейших систематизации и оценки. Именно судебная экспертиза предоставляет возможным вынести компетентный приговор по конкретному уголовному делу [1]. Судебная экспертиза своей целью определяет как получение новых, так и проверку уже имеющихся вещественных доказательств в уголовном процессе.

Судебная экспертиза – это действие процессуального характера, осуществляемое с целью получения заключения по тем вопросам, ответы на которые могут послужить источником вынесения справедливого, правильного и корректного приговора. Данный процесс реализуется экспертом, то есть тем лицом, который обладает специальными знаниями, под которыми понимаются знания в конкретных областях (наука, искусство, техника, ремесло), приобретенные в ходе получения специального образования или выполнения работы практического характера по конкретной специальности, и назначается на основе следовательского постановления.

Согласно ст. 58 УПК РФ закреплено привлечение узкопрофильного специалиста к производству следственных и судебных действий. Применяя свои специальные знания, он содействует следователю и/или суду в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств. Кроме того, судебный эксперт даёт ответы на вопросы, возникшие в производственном процессе как следственных, так и судебных мероприятий.

Необходимо понимать, что к специальным познаниям нельзя отнести, к примеру, общеизвестные и юридические.

В рамках изучаемого вопроса существуют формы, в которых специальные знания применяются в криминалистике. Так, выделяют процессу-

альную и непроцессуальную форму, для первой из которых характерно прямое участие экспертного специалиста в следственных мероприятиях и само производство судебной экспертизы, а для второй – проведение предварительных исследований и осуществление справочно-консультационной деятельности специалиста.

Результатом реализации всех процедур судебной экспертизы является заключение как источник доказательств, регламентированных законом, а указанные в нём фактические данные – это доказательства [2]. Доказательства, в свою очередь, носят самостоятельный характер.

Рассматривая процедуру производства судебной экспертизы, можно точно сказать, что все её этапы направлены на установление и определение доказательственных обстоятельств. Судебное доказательство – это результат производства мероприятий в рамках судебной экспертизы, т.е. заключение эксперта, которое может как подтвердить существующие догадки и теории, так и в корне изменить ход дела.

В рамках уголовных дел постановка вопроса о проведении экспертизы актуальна для установления:

1. Причины смерти;
2. Характера и степени вреда, причиненного здоровью;
3. Психического или физического состояния подозреваемого/обвиняемого;
4. Возраста подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего лица.

Ряд фактов и обстоятельств, которые могут выступать первоочередными судебными доказательствами, возможно установить только с помощью экспертных исследований. К ним можно отнести:

1. Отнесение объектов к определенному виду оружия;
2. Пригодность имеющегося экземпляра оружия к стрельбе;
3. Описание характерных черт обнаруженных предметов и веществ;
4. Принадлежность растений к культурам, которые содержат вещества наркотического характера;
5. Принадлежность предметов и документов к тем, которые обладают особой ценностью.

Почему роль экспертной деятельности настолько высока? Ко всему сказанному ранее можно добавить следующее. Помимо того, что заключение эксперта – это один из источников доказательств и средство проверки уже имеющихся данных и улик по делу, есть ещё преимущества, касающиеся внедрения судебной экспертизы в расследование преступлений.

Так, благодаря экспертизе можно определить происхождения и выявить причинно-следственные связи отдельных фактов и обстоятельств, предоставляется возможным определить время наступления и протекания явлений, а также иные факты, обладающих юридическим значением. Исследования экспертов дают возможность определить качественную и количественную характеристику вещества. Экспертная работа также помогает определить групповую принадлежность объектов.

Также исследовательская и практическая работа экспертов оказывает содействие в правильной юридической оценке и описания расследуемого преступления. Самое главное и наиболее значимое – судебная экспертиза представляет собой важнейший инструмент профилактики преступлений, ведь вся собранная информация по различным делам, схожим и несхожим между собой, предоставляет возможным изучать то, почему совершаются те или иные преступления, почему именно такие орудия убийства применяются, почему именно таким образом оставляются те или иные следы, которые позволяют вычислить виновника событий [3].

Сфера судебной экспертизы постоянно расширяется, поэтому используют специализированную деятельность уже давно не только в рамках уголовного судопроизводства, но и в рамках гражданских и административных дел. Нормативные правовые акты в сфере судебной экспертизы определяют как права, так и обязанности субъектов, участвующих в производстве судебной экспертизы, а также содержание документов, которые регламентируют на иных уровнях экспертную деятельность, и другие моменты, связанные с порядком проведения и производства экспертной деятельности.

Так, судебные экспертизы проводятся в специализированных экспертных учреждениях, которые относятся к различным профессиональным системам.

Экспертных учреждений довольно много и в них работает значительное количество специалистов, но в полной мере невозможно реализовывать потребности органов внутренних дел по вопросу проведения экспертных исследований и процедур. По этой причине следователь или иное уполномоченное лицо обращается к специалисту соответствующего профиля, чтобы провести, например, технологические, товароведческие и другие экспертизы.

Какими же именно организациями подготавливаются необходимые условия для осуществления судебной экспертизы и в дальнейшем они же и производятся? Существуют как государственные, так и негосударственные судебно-экспертные учреждения.

Экспертное учреждение представляет собой государственное учреждение или иное учреждение, которому поручено провести экспертизу, то есть экспертным учреждением может быть не только государственная организация. Федеральным законом не регламентируются права и обязанности негосударственной экспертной организации, что является одной из проблем в реализации судебных экспертиз [4].

Государственные судебно-экспертные учреждения – это государственные учреждения и/или их подразделения специализированного характера, главная функция которых – подготовка и непосредственная реализация судебной экспертизы. Ими осуществляется судебно-экспертная деятельность согласно их профилю и территориальной зоне обслуживания.

ГСЭУ организованы от лица таких государственных органов, как МВД РФ, ФСБ РФ, Федеральной таможенной службы, Министерства юстиции РФ, Министерства здравоохранения и социального развития, Министерства обороны, Федеральной противопожарной службы. Именно эти учреждения осуществляют в настоящий период времени большую часть судебно-экспертной деятельности по уголовному производству.

Кроме этого, экспертные подразделения могут как подготавливать, так и осуществлять судебную экспертизу. Они создаются федеральными органами исполнительной власти или органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. С их стороны осуществляются такие же функции, исполняются как соответствующие права, так и обязанности, а также несётся ответственность, в идентичной форме, что предъявляются и предоставляются государственным судебно-экспертным инстанциям.

Примечательно, что в Российской Федерации активно функционирует сеть коммерческих экспертно-криминалистических учреждений, лабораторий и экспертных центров.

Что касаемо негосударственных экспертных учреждений, их основная деятельность – производство судебных и независимых экспертиз по назначению судов, правоохранительных органов, заказам юридических и физических лиц на договорной основе.

Во многих из негосударственных учреждений трудоустроены также высококвалифицированные специалисты. При этом отмечается, что в негосударственных экспертных центрах порой диапазон осуществляемых экспертиз значительно шире по сравнению с государственными предприятиями.

Так получается, что в рамках негосударственных судебно-экспертных учреждений в большей своей массе реализуют экспертизы гражданского, административного и арбитражного характера, так как решения по уголовным делам возложены на государственные экспертные центры. При этом отмечается, что экспертизы в негосударственных учреждениях проводятся быстрее.

К услугам негосударственных экспертных учреждений обращаются в тех случаях, когда:

1. Конкретные виды судебно-экспертной деятельности не выполняются в ГСЭУ РФ или именно конкретного региона;
2. Высокий уровень загруженности экспертов ГСЭУ или их отсутствие в данный период, а производство экспертизы требуется в срочном порядке;
3. Отдаётся предпочтение конкретному негосударственному судебно-экспертному учреждению, которое, например, отличается наличием уникального оборудования по сравнению с оборудованием, имеющимся в ГСЭУ;

4. Возникли сомнения в личной незаинтересованности и объективности сотрудников ГСЭУ [5].

Для осуществления экспертной деятельности негосударственным экспертным учреждениям не регламентировано наличие лицензии, специальных свидетельств, которые бы давали право на проведение различных видов экспертиз, а также соответствующих сертификатов и аттестаций, так как лицензирование судебно-экспертной деятельности не предусматривается действующим законодательством.

Изучая Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», можно выделить следующее [6].

Согласно ст. 41 судебно-экспертная деятельность может производиться не в ГСЭУ лицами, которые наделены специальными знаниями и не являются судебными экспертами государственного уровня.

Ст. 2 провозглашает задачи государственной судебно-экспертной деятельности, которые носят равнозначный характер между государственными и негосударственными экспертными учреждениями. Также и ГСЭУ, и не ГСЭУ, осуществляя судебно-экспертную деятельность, руководствуются одними и теми же принципами, которые изложены в ст. 4, 6–8.

Эксперты, являясь государственными или негосударственными специалистами, имеют абсолютно равные права и обязанности (ст. 16 и 17).

Учреждение, проводящее судебно-экспертную деятельность, обязуется предоставлять необходимые для производства экспертизы специалисту условия.

Негосударственные судебно-экспертные учреждения создаются и при ВУЗах. Это касается тех учебных заведений, где осуществляется обучение по такой специальности как судебная экспертиза. Так, сотрудники этих учреждений – высококвалифицированные эксперты. Например, при Институте судебных экспертиз Московской государственной юридической академии была сформирована Автономная некоммерческая организация «Содружество экспертов МГЮА».

Криминалистические экспертизы проводятся как ГСЭУ, так и негосударственными экспертными учреждениями. Только имеется очень важный нюанс, что частные организации не имеют права на проведение ряда экспертиз: баллистической, взрывотехнической, экспертизы наркотических средств и ядовитых веществ по уголовным делам.

Судебно-медицинская экспертиза по уголовным делам, относящаяся к криминалистическим исследованиям, может осуществляться медицинскими учреждениями государственной системы здравоохранения либо негосударственными организациями, которые имеют лицензию на медицинскую деятельность.

Таким образом, подводя итоги исследования, отметим следующее. В ходе расследования преступлений постоянно возникает потребность в получении ответов на различные вопросы, которые наиболее актуальны для

эффективного расследования преступного события. Чтобы эти ответы были получены, нужно использовать знания, которыми не обладает лицо, заведующее расследованием. Этим занимается специальное лицо, которое обладает соответствующими компетенциями, необходимыми для решения данных вопросов.

Роль судебной экспертизы не стоит недооценивать, так как именно она позволяет насколько это возможно более объективно и полно раскрыть то или иное дело, сделать всё правильно и в соответствии с законом. Как и другая область работы людей, она также не совершена, но осознание её преимуществ должно мотивировать развивать судебную экспертизу и делать её проведение более эффективным и плодотворным.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 7 октября 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовный процесс / под ред. В.И. Радченко. М.: 2006. С. 119.

3. Морозова Н.В. Теоретические и практические аспекты производства судебных экспертиз в досудебном производстве по уголовным делам // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 1. № 1 (3). С. 298–304.

4. Карпушкин О.С., Чаплыгина В.Н. Назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы реализации и пути развития // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 71–73.

5. Россинская Е.Р. Проблемы развития института судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях системы министерства юстиции Российской Федерации // Юстиция. 2005. № 1.

6. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебный эксперт, доказательства, экспертная организация.

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛОЖНОГО АЛИБИ В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Сучков Андрей Игоревич,
преподаватель кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2;

Батуева Алтани Батоевна,
курсант 2 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с преодолением противодействия, оказываемого участниками уголовного судопроизводства с целью избежание наступления уголовной ответственности. В статье приводятся примеры преодоления следователем противодействия расследованию по уголовным делам, в частности рассмотрены наиболее эффективные способы разоблачения ложного алиби.

Прежде всего, следует обратить внимание на тот факт, что при заявлении субъектом о наличии у него алиби либо при прогнозе того, что субъект заявит о том, что у него имеется алиби, лицо, производящее расследование, должно осуществить многоэтапную деятельность. Так, в рамках данной деятельности можно выделить следующие этапы:

1. Выявление признаков алиби – факта того, что лицом заявлено о невозможности совершения им преступления.

2. Проверка алиби: установление истинности или ложности алиби.

3. Использование алиби.

В последнем случае возможно два варианта:

- в том случае, когда установлено, что алиби ложное, ведется деятельность по его разоблачению;

- в том случае, когда установлено, что алиби истинное, принимаются процессуальные решения, вытекающие из этого. Например, в том случае, когда лицо было введено в статус подозреваемого или обвиняемого, и при проверке алиби выясняется, что в действительности данное лицо имеет алиби, принимается решение о прекращении в отношении него уголовного преследования [1].

Так, например, «Т.» подозревался в совершении кражи из магазина, совершенного в ночь с пятницы на субботу, однако, было установлено, что в данное время он находился в развлекательном центре в другом городе. Уголовное преследование в отношении него было прекращено, впослед-

ствии было установлено, что данное деяние совершил «А.» – брат «Т.» [2].

Первые два этапа фактически реализуются одними и теми же средствами: путем анализа материалов уголовного дела, производства следственных и иных действий, сопоставления полученных данных.

Последний этап может реализовываться различными способами, которые зависят от того, к каким результатам привела проверка алиби. В том случае, когда установлена истинность алиби, следователь должен принять соответствующее решение – прекратить уголовное преследование в отношении лица, чье алиби подтверждено, продолжить деятельность по установлению лица, причастного к совершению преступления. В том случае, когда установлено, что алиби является ложным, следователь должен принять все возможные меры к тому, чтобы разоблачить алиби таким образом, чтобы факт его ложности стал очевидным для всех. Здесь следует предпринять попытки убедить в этом, прежде всего, самого субъекта алиби, чтобы породить у него осознание того, что противодействие расследованию не имеет дальнейшего смысла, и более целесообразно сотрудничать со следствием [3]. Однако, если это не удается, и подозреваемый, обвиняемый, продолжает настаивать на своих показаниях либо в дальнейшем отказывается от дачи показаний, следователь должен изложить доказательства ложности алиби таким образом, чтобы это не вызывало сомнений, и привести доказательства виновности лица в совершении преступления, поскольку разоблачение алиби само по себе достаточной совокупностью доказательств для привлечения лица к уголовной ответственности выступать не может [1].

В обязательном порядке версия об алиби должна быть выдвинута и проверена следователем по каждому уголовному делу, где подозреваемый или обвиняемый заявляет о наличии у него алиби.

Таким образом, получив заявление от подозреваемого (обвиняемого), следователь должен выдвинуть и проверить ряд версий. Так, общими из них являются следующие:

1) алиби имело место в действительности;

2) заявление об алиби является ложным.

Это первоначальные общие версии, которые должны быть в обязательном порядке выдвинуты тогда, когда подозреваемый (обвиняемый) заявил о наличии у него алиби. Поскольку данные версии друг другу противоположны, истинной является только одна из них, а вот какая – это должен установить следователь.

Впоследствии указанные версии находят свою конкретизацию в системе частных версий. Так, проверяя общую версию о реальности алиби, следователь может выдвинуть предположение о том, каковы причины, выступившие основаниями для привлечения лица к уголовной ответственности. Причины могут быть разнообразны: самооговор, неправильная оценка доказательств, ошибки в тактике конкретных следственных действий, по-

влекшие недостоверность их результатов, умысел со стороны третьих лиц, самооговор и т.д.

Ложное алиби, как и любое другое явление, имеет свои признаки, которые должны своевременно обнаруживаться и проверяться. При этом, признаки алиби зависят того, какова форма ложного алиби по конкретному уголовному делу: простая, сложная либо сопряженная с инсценировкой.

Признаки алиби можно систематизировать в зависимости от того содержания и способа совершения данных признаков [4]. Так, выделяют следующие признаки:

1. Признаки, вытекающие из анализа материалов уголовного дела. Это, например, могут быть признаки противоречия показаний субъекта ложного алиби и иных участников уголовного судопроизводства.

К примеру, подозреваемый сообщает о том, что он находился в момент совершения преступления в ином месте, называя лиц, которые могут это подтвердить, так как находились рядом с ним. Допрошенные в качестве свидетеля лица подтверждают данный факт, однако описываемые обстоятельства времяпрепровождения между собой существенно различаются.

2. Признаки, выявляемые в результате процессуальных мероприятий и действий. Данные признаки имеют существенное сходство с вышеуказанными, разница заключается лишь в том, что в первом случае данные признаки уже имеются в протоколах следственных действиях или иных материалах уголовного дела, а в данном случае они появляются уже позднее, в ходе проверки показаний подозреваемого или обвиняемого;

3. Признаки, выявляемые в результате непроцессуальных мероприятий и действий. Это, к примеру, могут быть признаки, которые удается выявить в результате оперативно-разыскных мероприятиях, либо каким-либо иным способом (например, случайно услышанный разговор и т.д.);

4. Признаки, находящие свое отражение в идеальных следах преступления. Данные признаки выявляются посредством производства вербальных следственных действий, таких, как допросы потерпевших, свидетелей, подозреваемых; очные ставки; предъявление для опознания и т.д.;

5. Признаки, находящие свое отражение в материальных следах преступления. Это, к примеру, может быть наличие определенных следов на месте совершения преступления, которые никак не соотносятся с теми сведениями, которые вытекают из ложного алиби обвиняемого; обнаружение в ходе обыска у обвиняемого тех предметов, которых у него не могло бы быть при условии правдивости его алиби и т.д. Данные признаки преимущественно выявляются в ходе таких следственных действий, как осмотры, обыски, судебные экспертизы и т.д.;

6. Признаки, связанные с особенностями личности субъекта алиби и проявляющиеся в его поведении. Это, к примеру, могут быть определенные привычки, жесты лица, которые непроизвольно им демонстрируются в момент лжи; выявляемые на месте происшествия (к примеру, когда подозреваемому свойственна излишняя аккуратность, тяга к упорядочиванию, и на

месте происшествия обнаруживается передвижение, перестановка предметов в определенном порядке); содержание в ложном алиби таких сведений, которые никак не соотносятся с привычками и свойствами личности преступника и т.д.

Необходимость знания таких признаков следователем совершенно очевидна, поскольку их наличие должно в обязательном порядке натолкнуть следователя на выдвижение версии о том, что преступником сообщено о ложном алиби и требуется его тщательная проверка. В то же время необходимо учитывать и тот факт, что данные признаки не свидетельствуют о том, что в обязательном порядке заявленное лицом алиби ложное, поэтому и необходима тщательная проверка [5].

Рассмотрим пример. «У.» был осужден за совершение преступления, предусмотренного «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Судом было установлено следующее: «У.», действуя по предварительному сговору с неустановленными лицами, напал на ранее незнакомого «Ж.», и, нанеся ему множество ударов руками и ногами по различным частям тела, открыто завладел имуществом последнего на 4750 рублей. Когда за «Ж.» попытался вступиться его сын, ему также было нанесено не менее пяти ударов ногами и руками по различным частям тела.

Стороной защиты в суде была выдвинута версия о том, что у «У.» имеется алиби, поскольку, в момент инкриминируемого преступления он находился на торжестве по поводу бракосочетания у своих знакомых. С целью подтверждения алиби, сторона защиты предоставила фото- и видеоматериалы, а также более десяти свидетелей. При этом «У.» выдвинул версию о том, что данное преступление совершили другие лица, и они были приглашены в суд. Однако, судом версии «У.» и его защитника после его проверки были отвергнуты как необоснованные.

Кассационная инстанция, в которую осужденный и его защитник обжаловали решение суда первой инстанции, также сочла доводы последних несостоятельными, приговор был оставлен без изменения [6].

Выдвинув перечисленные нами общие версии, следователь приступает к их проверке, предварительно составив план, содержание которого, в основном, определяется имеющейся в арсенале следователя информацией. Однако существуют и общие мероприятия, которые используются для проверки алиби любого вида.

Таким образом, подводя итог, можно сделать выводы о том, что при заявлении субъектом о наличии у него алиби в обязательном порядке должны быть выдвинуты две основные версии: первая – об истинности алиби, вторая – о его ложности. Далее следователь выполняет определенные мероприятия, направленные на проверку данных версий, здесь важное значение имеет анализ признаков, свидетельствующих о ложности алиби, и определение комплекса следственных и иных действий, посредством которых может быть проверена каждая из версий.

1. Мусаев А.И., Николайченко В.В. Криминалистическое расследование ложного алиби // Приоритетные направления научных исследований. Материалы международной научно-практической конференции, 2018. С. 99.

2. Приговор Черемушкинского районного суда г. Москвы [Электронный ресурс]: от 12 июня 2018 г. по делу № 1–65/2018. URL: https://sudact.ru.

3. Новикова Е.А., Чаплыгина В.Н. Условия психологического воздействия в сфере уголовно-процессуальных отношений: общие черты и особенности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 19–25.

4. Еремин Р.А. Криминалистическая характеристика алиби // Пермский период: сборник материалов VI Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов, 2019. С. 169.

5. Чаплыгина В.Н. Разграничение правомерного и неправомерного психологического воздействия на стадии предварительного расследования // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2020. С. 401–407.

6. Суд оценил алиби, подтвержденное 20 участниками свадьбы, в 8 лет строгого режима [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.ru/news/view/81177.

Ключевые слова: алиби, ложно алиби, противодействие, расследование, предварительное следствие, процессуальные действия, версии.

УДК 343.9

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

Терехова Екатерина Михайловна,
адъюнкт кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье обращается внимание на отражение в средствах массовой информации деяний о реабилитации нацизма, приводится статистика роста преступности вышеуказанных преступлений, отмечается вызываемый ими общественный резонанс, указывается на роль интернет-СМИ в процессе раскрытия и расследования преступлений, приводятся возможные источники получения криминалистически значимой информации в

цифровой среде, акцентируется внимание на взаимодействие правоохранительных органов со средствами массовой информации, перечисляются субъекты такого взаимодействия и некоторые аспекты передачи информации, отмечается необходимость направленного обучения субъектов взаимодействия со СМИ.

Современные геополитические процессы привели ряд государств к попыткам пересмотреть историю Второй мировой войны, нивелировать роль Советского Союза в победе над фашизмом, признать пособников фашизма борцами за свободу, что находит отражение в органах публичной передачи информации.

В эйфории победы 1945–1946 гг. казалось, что «коричневая чума» канула в Лету навсегда, однако настоящие тенденции в российском обществе показывают обратный процесс, о чем свидетельствует статистика роста фактов реабилитации нацизма. Так, по данным ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России», только за 2021 и 2022 гг. зарегистрировано 89 и 131 преступление соответственно, тем самым прирост составил 47,2 %.

Каждый факт реабилитации нацизма вызывает в обществе резонанс и широко освещается в средствах массовой информации, пример тому сайты Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ и МВД РФ, однако данные источники не пользуются популярностью у широкой аудитории.

Процессы цифровизации и информатизации привели к тому, что большая часть деяний по реабилитации нацизма совершается с использованием цифровой среды, что требует от правоохранительных органов активного и эффективного использования ее возможностей в целях оперативного получения и фиксации криминалистически значимой информации, имеющей в последующем доказательственное значение.

В этих условиях информационное обеспечение расследования преступлений, как элемент в целом криминалистического обеспечения, имеет одно из приоритетных значений, и как отмечал Волынский А.Ф., его задачи и возможности играют роль ключевого фактора в развитии криминалистики, предопределяя приоритетное значение научно-технического обеспечения деятельности правоохранительных органов [1, с. 116].

Дефиницию информационного обеспечения расследования преступлений в научной литературе определяли многие авторы, так О.А. Белов представлял его как деятельность по сбору криминалистически значимой информации, сохранению, обработке, передаче и применению ее при расследовании преступления [2].

П.П. Ищенко, определял информационное обеспечение расследования преступлений как сознательно организованную и направленно осуществляемую деятельность по формированию, обслуживанию и улучшению информационных систем, выполняющих сбор, обработку, накопление, сохранение, поиск, анализ и передачу криминалистически значимой ин-

формации, а также обеспечивающих на законных основаниях, использование информационных ресурсов иных органов, предприятий, организаций и учреждений сотрудниками правоохранительных органов [3].

В.О. Давыдов, применительно к преступлениям экстремистской направленности, определил информационное обеспечение как комплексный процесс, состоящий из последовательно сменяющих друг друга стадий целенаправленного поиска, выявления, фиксации, исследования, оценки, выдачи и хранения криминалистически значимой информации, осуществляемый с использованием научных познаний и современных технических средств и обеспечивающий решение следственных задач [4]. В контексте реабилитации нацизма, как одной из форм экстремистской деятельности, данный подход представляется наиболее рациональным.

Как объективно указывает И.П. Можаева, в условиях информационного «голода» нет возможности эффективно осуществлять расследование преступления [5, с. 131–135], однако информация на сегодняшний день понятие обширное и может быть сосредоточено в разных средах, одна из которых – цифровая.

Важную роль в цифровой среде имеют средства с помощью которых происходит распространение информации, и развитие информационно-телекоммуникационных технологий привело к масштабной популяризации среди населения социальных сетей и различных мессенджеров, таких как ВКонтакте, Telegram, а также принадлежащие запрещенной в РФ как экстремистской Meta Platforms Inc. – Facebook, Instagram и мессенджер WhatsApp (на который решение суда не распространяется). С помощью социальных сетей и мессенджеров, а также различных сайтов, которые в настоящее время фактически осуществляют функцию средств массовой информации на просторах глобальной сети Интернет, происходит не только информирование населения о событиях в стране и за рубежом, но и формирование как общественного, так и индивидуального мнения о произошедших событиях, пропаганда и совершение различного рода преступлений, не исключение в данном случае и реабилитация нацизма.

Разворачивающаяся информационная революция, требует от правоохранительных органов осуществления тесного и взаимовыгодного взаимодействия с интернет-СМИ, разнообразный функционал которых, дает возможность опосредованной коммуникации между пользователями, а также бесконтрольного распространения контента, для широкого круга лиц.

Таким образом, информационное обеспечение в настоящее время обязано предоставлять дополнительные возможности правоохранительным органам в целях оперативного обнаружения, фиксации и изъятия информации, являющейся основным ресурсом, с помощью современных технологий, как способа ее получения.

Цифровая среда, в которой практически каждый гражданин РФ имеет активный аккаунт, дает возможность получать криминалистически значи-

мую информацию, в целях раскрытия и расследования преступлений, из различных источников, таких как:

- официальные государственные органы;
- фотовидеохостинги;
- агрегаторы;
- социальные сети и сообщества в них;
- мессенджеры и группы в них;
- электронные сайты.

При этом данная информация должна быть получена законно, с соблюдением норм уголовно-процессуального законодательства, для последующего придания ей доказательственного значения.

В органах внутренних дел взаимодействие со средствами массовой информации, в том числе интернет-СМИ, осуществляет Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел Российской Федерации (УОС МВД России) [12], одной из основных функций которого является создание необходимых условий для своевременного доведения до государственных и муниципальных органов, представителей СМИ, общественности и граждан информации о деятельности органов, организаций, подразделений системы МВД России и их должностных лиц в области противодействия преступности, предупреждения и пресечения правонарушений, а также о принимаемых мерах по реализации государственной политики в сфере внутренних дел [13].

При этом круг субъектов взаимодействующих со СМИ гораздо шире, он включает в себя помимо сотрудников вышеуказанного подразделения, еще и субъектов расследования: оперативных работников, следователей, дознавателей, их руководителей, то есть лиц, которые зачастую обладают достоверной и актуальной информацией, касающейся расследования конкретного факта, и именно они в целях получения взаимовыгодной информации, определяют, необходимость публикации сведений о преступлении, и их содержание [6].

Как правило, на практике, особенно в территориальных подразделениях, организация взаимодействия между вышеуказанными субъектами и СМИ не налажена, что требует разработки определенных алгоритмов, для эффективного решения задач по раскрытию и расследованию преступлений. Особенно в связи с тем, что использование социальных медиа в раскрытии и расследовании преступлений, является отсутствие достаточных знаний у сотрудников правоохранительных органов об их возможностях, механизме действий по размещению информации и организации обратной связи с гражданами [7, с. 27–34].

При этом с помощью СМИ, независимо от используемой ими формы передачи информации, в целях расследования преступлений, возможно решение различных задач:

– своевременно проинформировать население или определенных лиц (групп) о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений;

– установить лиц, совершивших преступление и их местонахождение;

– установить потерпевших;

– выявить свидетелей и их разыскать;

– проверить причастность определенного лица (лиц) к совершению других преступлений;

– установить принадлежности материальных ценностей, обнаруженных у подозреваемых, найти вещественные доказательства;

– обнаружить предметы преступления (фотовидеоаудиофайлы, явившие в себе отражение совершенного деяния*);*

– побудить общественность к сообщениям об иных обстоятельствах совершения преступлений [8].

Для получения «обратной связи» необходимо обязательно в публикациях указывать номер телефона, данные аккаунта и адреса, куда граждане будут иметь возможность обратиться для предоставления сведений, которыми они располагают, аналогичный подход освещает И.В. Тишутина [9].

Кроме того, при разработке алгоритмов взаимодействия со СМИ, и активной работы в современных социальных медиа пространствах, необходимо учитывать охват аудитории. В настоящее время каждое территориальное подразделение МВД РФ имеет свой аккаунт в социальных сетях и мессенджерах (группы), однако данные аккаунты показывают низкую активность пользователей. Характерными являются примеры – в социальной сети «ВКонтакте» группы «УМВД России по Орловской области» насчитывает около 8900 подписчиков [14], «УМВД России по Калужской области» – около 5200 подписчиков [15], тогда как население данных областей соответственно: 714 094 [16], 1 000 980 человек [17] (по состоянию на 2022 г.), что отражает низкую осведомленность о деятельности правоохранительных органов среди населения, предположительно в ввиду отсутствия у граждан интереса к публикуемым сведениям, и влечет за собой малую эффективность проводимой работы в медиапространстве.

Контент, размещенный в официальных источниках, должен отвечать требованиям четкости, ясности, доступности для аудитории, краткости и одновременно содержательности, а также сопровождаться визуалом – фотоснимками либо видеофайлами [8, с. 27–34].

Полагаем, что вышеизложенное свидетельствует о необходимости проведения планомерной организационной работы в продвижении официальных групп как в социальных сетях, мессенджерах так и сайтах, путем своевременного размещения достоверного и актуального контента, сведений о работе правоохранительных органов, о внутренних ведомственных изменениях, о совершенных и расследуемых преступлениях, что привлечет

аудиторию и расположит ее доверие к правоохранительным органам, и как результат даст возможность получения обратной связи, а вместе с ней и потока информации, имеющей значение в целях раскрытия и расследования преступлений.

Также стоит отметить и влияние на осведомленность населения со стороны различных телевизионных программ, доступных и в онлайн формате, освещающих резонансные преступления, что является взаимодействием с населением. Информирование о действиях преступников, совершивших реабилитацию нацизма, привлекает внимание к обстоятельствам совершенного преступления, к установленным историческим событиям и документам, тем самым обращая внимание аудитории на недопустимость и наказуемость публичного распространения ложной информации, что по сути является превентивными мерами по предотвращению преступлений о реабилитации нацизма.

Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений должно использовать современные компьютерные технологии, о чем указывают Е.Р. Россинская [10] и Б.В. Вехов [11], а это требует от правоохранительных органов квалифицированных субъектов взаимодействия со СМИ, так как специалист, обладающий знаниями о том, как получить (разместить) данные из цифрового пространства, не имеет представления о том, какая информация несет в себе важное криминалистическое значение и какой необходимо поделиться. В связи с чем представляется актуальным, направленное обучение субъектов взаимодействия со СМИ в области инновационных технологий, что усовершенствует информационное обеспечение при раскрытии и расследовании всех видов преступлений.

---

1. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. С. 116.

2. Белов О.А. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.

3. Ищенко П.П. Информационное обеспечение следственной деятельности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.

4. Давыдов В.О. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием компьютерных сетей: дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2013. С. 13.

5. Можаева И.П. Информационные основы расследования в системе криминалистики // Информационная безопасность регионов. 2012. № 1. С. 131–135.

6. Чаплыгина В.Н., Калюжный А.Н. Особенности взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации в ходе контр-

террористических операций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2. С. 110.

7. Тишутина И.В. Организационные и тактические аспекты взаимодействия правоохранительных органов со средствами массовой информации в условиях цифровизации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 3. С. 27–34.

8. Расследование грабежей и разбойных нападений / под ред. А.Ю. Головина. Тула: ТГУ, 2001. 140 с.

9. Тишутина И.В. Первоначальный этап раскрытия и расследования бандитизма: дис. … канд. юрид. наук. М.: МосУ МВД РФ, 2003.

10. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 193–202.

11. Вехов В.Б. Автоматизированные методики расследования преступлений как новое направление в криминалистической технике // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 8–11.

12. Об утверждении порядка организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 27 октября 2015 г. № 1010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/uos/Osnovnie_funkcii_UOS (дата обращения: 15.03.2023).

14. URL: https://vk.com/mvd57 (дата обращения: 15.03.2023).

15. URL: https://vk.com/40mvdru (дата обращения: 15.03.2023).

16. URL: https://orel.gks.ru/naselen (дата обращения: 15.03.2023).

17. URL: https://kalugastat.gks.ru (дата обращения: 15.03.2023).

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическое обеспечение, информационное обеспечение, реабилитация нацизма, цифровая среда, средства массовой информации, взаимодействие.

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИЦИИ РЕСПУБЛИКИ ЗИМБАБВЕ)

Тишков Сергей Александрович,
кандидат политических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2;

Магарамомбе Румбидзаи Черити,
слушатель специального курса по подготовке кадров для зарубежных стран,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассмотрена организационно-штатная структура и функции подразделений полиции Республики Зимбабве, участвующих в расследовании преступлений, а также некоторые аспекты организации взаимодействия при расследовании уголовных дел.

Полиция Республики Зимбабве является основным государственным органом в сфере противодействия преступности и осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими органами власти страны. Командование силами полиции осуществляет глава полиции Республики Зимбабве в должности Генерального комиссара.

На национальном **(**республиканском) уровне полицейской структуры возможно выделить четыре основных подразделения, возглавляемых заместителями Генерального комиссара по направлениям служебной деятельности:

- Административный департамент (англ. Administration),
- Департамент оперативного управления полицейской деятельностью (англ. Operations),
- Департамент управления персоналом (англ. Human Resources),
- Департамент по борьбе с преступностью (англ. Crime).

В соответствии с административно-территориальным делением Республики Зимбабве аналогичные структурные подразделения имеются в полицейских департаментах на уровне провинций и округов [2, с. 1172].

Головным подразделением по вопросам противодействия преступлениям является Департамент по борьбе с преступностью, который подчиняется заместителю Генерального комиссара (по борьбе с преступностью). Основные задачи данного Департамента связаны с организацией эффективного анализа и мониторинга тенденций и форм преступности, распространением актуальной статистической информации о преступлениях для за-

действованных государственных органов и надзором за предотвращением, раскрытием и расследованием преступлений, обеспечивая при этом, чтобы весь процесс осуществлялся с соблюдением правовых и этических норм.

В структуру данного департамента входят управления по расследованию преступлений (англ. Department of Criminal Investigation), юридическая служба (англ. Judicial Service), подразделение внутренних расследований (англ. Internal Investigations).

Управление по расследованию преступлений является ведущим подразделением полиции Республики Зимбабве, ответственным за раскрытие и расследование тяжких преступлений в соответствии со ст. 219 Конституции Республики Зимбабве.

В структуру Управления входят:

- отдел по расследованию убийств (англ. CID Homicide),
- отдел по борьбе с хищениями (англ. CID Property),
- отдел по борьбе с резонансными мошенничествами (англ. CID Serious Frauds),
- отдел по борьбе с наркотиками (англ. SID Drugs),
- отдел по борьбе с угонами транспортных средств (англ. Vehicle Theft Squad),
- Национальное Центральное Бюро Интерпола (англ. Interpol National Central Bureau),
- отдел криминалистического обеспечения работы на местах происшествий (англ. CID Scenes of Crime),
- автоматизированная система идентификации отпечатков пальцев (англ. Automated Fingerprints Identification System) [5].

Отдел по расследованию убийств специализируется на «громких» случаях вооруженных ограблений и убийств, например, совершенных с применением огнестрельного оружия, или серийных убийств. Сотрудники республиканского подразделения также участвуют в расследовании похищений человека, а также преступлений, связанных с похищениями огнестрельного оружия их частей, боеприпасов или их компонентов.

Отдел по борьбе с хищениями выявляет и расследует серьезные случаи незаконного проникновения в жилище, краж и вандализма в отношении имущества различных форм собственности. При этом особое внимание уделяется преступлениям в отношении имущества городского хозяйства и коммунальных служб.

Отдел по борьбе с резонансными мошенничествами занимается громкими случаями хищений, в которых присутствует элемент введения в заблуждение. В отделе создана группа по борьбе с киберпреступностью, занимающаяся проблемой компьютерных преступлений.

Отдел по борьбе с наркотиками специализируется на делах, связанным со злоупотреблением наркотиками и их незаконным оборотом.

Отдел по борьбе с угонами транспортных средств – специализированное подразделение, которое занимается кражами транспортных средств

и вооруженными нападениями на водителей транспортных средств [3, с. 230].

Данный отдел тесно сотрудничает с Центром по регистрации автотранспорта (англ. Central Vehicle Registry), отвечающим за проверку автотранспортных средств при проведении регистрационных действий или внешнеэкономических операций, а также выдачу разрешения на временное использование автотранспортного средства за пределами страны в соответствии с Соглашениями в формате южноафриканской региональной полицейской организации (англ. Southern African Regional Police Chiefs Cooperation Organisation) [6].

Отдел криминалистического обеспечения отвечает за сбор доказательств путем научного изучения мест преступлений, сбора следов рук и установления связи подозреваемых с преступлениями, которые могли быть ими совершены. Важно отметить, что структурные подразделения данной службы имеются только на уровне провинции.

Таким образом, особенностью построения полиции Республики Зимбабве является наделение функциями по технико-криминалистическому обеспечению расследования уголовных дел отдельного полицейского подразделения, не входящего в структуру экспертных подразделений [1; 4, с. 112].

Автоматизированная система идентификации отпечатков пальцев отвечает за электронную классификацию и проверку следов рук, обнаруженных на местах происшествий, по электронной базе данных всех дактилоскопированных преступников. Данное подразделение организовано только на национальном (республиканском) уровне.

Важную роль в обеспечении полного и эффективного расследования преступлений играет Лаборатория судебной экспертизы, которая расположена в штаб-квартире Департамента уголовных расследований в столице Зимбабве г. Хараре. Это специализированное технически оснащенное подразделение полиции, функция которого заключается в оказании помощи полицейским расследованиям путем анализа вещественных доказательств и предоставления экспертных заключений, в том числе и на местах резонансных преступлений.

Лаборатория судебной экспертизы укомплектована квалифицированными экспертами и состоит из следующих подразделений:

- секция биологических исследований анализирует широкий спектр биологических доказательств (например, образцы крови, спермы, слюны, пота, полученные в процессе расследования убийств, изнасилований, краж и т.д.),
- секция криминалистических исследований объединяет специалистов, занимающихся микроскопией, анализом следов инструментов, следов применения огнестрельного оружия, а также красок, стекла, волокон и металлов,

- секция химических исследований исследует сложные токсикологические доказательства (пестициды, инсектициды, гербициды и другие яды), средства, инициирующие горение, взрывчатые вещества и взрывоопасные объекты, наркотические средства и т.д.,
- секция исследования документов использует передовые аналитические методы при исследовании рукописного текста, подписей, печатных реквизитов документов, оттисков печатей, а также различных изменений в реквизитах документов (подчисток, дописок и т.д.) [7].

В состав полицейских подразделений (Департаментов) **на уровне провинций**[1] входят отделение дежурной службы (англ. Duty Uniformed Police), подразделение полицейской поддержки (англ. Support Unit), подразделение по поддержанию правопорядка (англ. Law and Order), кинологическое подразделение (англ. Canine Unit), материально-техническое подразделение (англ. Logistics), учебное подразделение (англ. Initial Police Recruit Training Institute), отделение дорожного движения (англ. Traffic Police Squard) и административный персонал (англ. Administrative Cell). Сотрудники данных подразделений, как правило, несут регулярную службу в полицейской форме и преимущественно выполняют задачи в сфере обеспечения общественной безопасности.

Блок оперативных подразделений включает отдел по расследованию преступлений (англ. Criminal Investigation Department), службу внутренних расследований полиции (англ. Internal Investigations), подразделение полицейской разведки (англ. Police Intelligence), представительство Национального Бюро Интерпола (англ. Interpol National Central Bureau). В некоторых Департаментах (например Хараре, Масвинго) также функционирует подразделение пограничной полиции (англ. Border Control).

Данные подразделения выполняют специфические задачи в соответствии со своими полномочиями. Например, полицейская разведка осуществляет сбор информации о судимых гражданах в целях повышения оперативности раскрытия преступлений на основании данных о «специализации преступников» и способах совершения преступлений (лат. modus operandi). Кинологическое подразделение (англ. Canine Unit) отвечает за дрессировку и применение полицейских собак. На протяжении многих лет служебные животные доказали свою эффективность в работе при отслеживании и поиске преступников, выборке искомых предметов и разыскиваемых лиц, а также профилактическом патрулировании.

На уровне **полицейских станций (**англ. Police Stations) функционируют различные отделы (секции): по работе с потерпевшими (англ. Victim Friendly Unit), по расследованию преступлений (англ. Investigations), патрулирования на велосипедах (англ. Cycle Unit), полицейской разведки (англ. Police Intelligence), административная группа (англ. Administration), а также

[1] В структуре полиции Республики Зимбабве функционируют 10 подразделений уровня провинции, 74 окружных штаб-квартиры, 509 полицейских станций и 92 полицейских участка.

офицеры по связям с общественностью (англ. Community Relations and Liaison Officer).

Рассматривая организацию расследования уголовных дел важно отметить, что данные функции выполняют следователи на уровне провинций, округов, станций полиции. При этом именно на уровне станции полиции сосредоточена значительная часть работы. Как правило, преступления, подследственные сотрудникам станционного уровня, имеют незначительную и среднюю степень тяжести (например: кражи, кражи с незаконным проникновением или преступления, связанные с насилием в семье (англ. domestic violence).

Начальник станции полиции (его заместитель):

- обеспечивает выезд на место происшествия, назначая ответственных сотрудников (англ. Officer in Charge) и предоставляя служебный транспорт,
- в случае необходимости согласует выезд сотрудников специализированных подразделений.

Поскольку в структуре полицейской станции нет специалистов, обеспечивающих применение криминалистических средств при осмотрах мест происшествий, специалисты-криминалисты приглашаются из подразделений провинциального уровня. В случае необходимости сотрудники также имеют возможность пригласить кинологов, работающих на окружном уровне.

На стадии возбуждения уголовного дела следователь должен действовать по указанию начальника полицейской станции или заместителя начальника (ответственного лица), указания которых должны быть в обязательном порядке изложены в письменной форме.

При расследовании тяжких или многоэпизодных преступлений к данной работе подключаются сотрудники подразделений по расследованию преступлений уровня округа или провинции. Для эффективного расследования преступлений также необходимо постоянно поддерживать рабочий контакт с Лабораторией судебной экспертизы, чтобы знать статус назначенных исследований и вещественных доказательств.

Таким образом, в структуре полиции Республики Зимбабве существуют специализированные подразделения, ответственные за расследование уголовных дел. Важной особенностью организационного построения полиции Республики Зимбабве является выделение подразделений, ответственных за технико-криминалистическое обеспечение расследования уголовных дел и ведения автоматизированных дактилоскопических учетов, из подразделения, выполняющего экспертные исследования (лаборатории судебной экспертизы).

---

1. Волынский А.Ф. Судебно-экспертная и технико-криминалистическая виды деятельности: современное состояние, перспективы совершен-

ствования // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3. С. 8–12.

2. Долоба Л. Основные направления деятельности полиции Республики Зимбабве // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): материалы XIX международной научно-теоретической конференции. В 2 ч. Часть 1. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 1172–1174.

3. Курауоне М. Отряд полиции по борьбе с угоном транспортных средств при отделе уголовного розыска полиции Зимбабве // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования): к 40-летию со дня образования ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова: сборник материалов X международной научно-практической конференции. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2016. С. 229–232.

4. Тишков С.А. К вопросу об организации экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел // Наука и практика. 2015. № 2 (63). С. 110–113.

5. Zimbabwe Republic Police [Электронный ресурс] // Official Website. URL: http://www.zrp.gov.zw (дата обращения: 18.03.2023).

6. Southern African Regional Police Chiefs Cooperation Organisation [Электронный ресурс] // Official Website. URL: http://sarpcco.org (дата обращения: 18.03.2023).

7. Zimbabwe Republic Police // Official Website. URL: http://www.zrp.gov.zw/index.php?option=com_content&view=article&id=65&Itemid=734 (дата обращения: 18.03.2023).

Ключевые слова: Полиция Республики Зимбабве, организация расследования, взаимодействие.

УДК 343.98

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Тишутина Инна Валериевна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В статье обращается внимание на то, что в связи с глобальными изменениями преступной деятельности вследствие резкого ускорения научно-технического прогресса и всеобщей цифровизации, ученые-крими-

налисты и практические сотрудники органов следствия и дознания сталкиваются с рядом взаимосвязанных проблем научно-практического характера. Их решение требует обновления подходов к организации и производству научных исследований, подготовке кадров и обеспечению потребностей практики в разработке методической базы; модернизации организационно-правового сопровождения расследования преступлений; внедрению современных технических средств и программных продуктов в деятельность правоохранительных органов. В этой связи предлагаются решения, учитывающие современное состояние науки и техники.

Масштабные изменения в жизни общества и государства, активно начавшиеся на рубеже XX и XXI вв. и ставшие результатом резкого ускорения научно-технического прогресса, закономерно отразились на криминалистической науке в целом, предопределив ключевые перспективные направления ее развития.

В этой связи наглядно проявились все те последствия влияния научно-технического прогресса на науку, на которые обращал внимание Р.С. Белкин, в частности: ускорение темпов ее развития («информационный взрыв»); математизация и формализация знаний; интеграция наук и появление комплексных наук; всеобщий интерес к методологии, логике и философии науки [1, с. 13–14]. В настоящее время в условиях глобальной цифровизации эти последствия усугубляются.

Так, ускорение темпов развития науки тесно связано с ростом объемов научного знания и проявляется:

- возрастающим объемом научных исследований;

- ускоренным развитием отраслей знаний, используемых криминалистикой;

- актуализацией борьбы с преступностью и увеличивающимся ввиду научно-технического прогресса потенциалом криминалистики как науки.

Однако, наряду с очевидными преимуществами, которые предоставляет глобальная цифровизация, она несет и ряд проблем. Обратим внимание на некоторые из них.

1. Запаздывание разработки методически значимых рекомендаций, обеспечивающих практическую эффективность криминалистических методик. В настоящее время практика как никогда остро нуждается в современных методических рекомендациях, подготовленных с учетом специфики преступности и современных возможностей науки и техники, опираясь на которые возможно ориентироваться в быстро меняющихся условиях. На эту проблему обращено внимание и в Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел России до 2030 г. (п. 13.1): «практические подразделения МВД России несвоевременно получают соответствующие научно обоснованные рекомендации и предложения, что, в частности, проявилось в период глобального экономического кризиса и мировой пандемии. Часть субъектов научно-исследовательской деятельности отвлекает-

ся на исследование неактуальных тем, диссертационные исследования нередко носят отвлеченный характер и не имеют практической ценности. При этом практика испытывает острый недостаток в научно-методических материалах по противодействию новым угрозам и вызовам, особенно в сферах противодействия экстремизму и киберпреступности» [2].

Существующие сегодня подходы к разработке методик оформились в условиях, когда преступность не претерпевала существенных изменений в своем развитии и не приводила к постоянным изменениям законодательства, регулирующего вопросы борьбы с ней. Сейчас очевидно, что за время проведения диссертационных исследований могут происходить существенные модификации способов, приемов и иных ключевых характеристик преступной деятельности, а также правовой основы деятельности правоохранительных органов.

Необходимо своевременное создание научной продукции и обеспечение адекватной системы раскрытия и расследования преступлений. Решение данной проблемы видится в коррекции требований к научным исследованиям с позиции сроков, требования о подготовке в качестве обязательного приложения к диссертационным исследованиям методических рекомендаций, прошедших апробацию. В этой же связи во избежание дублирования проводящихся исследований, видится целесообразным возвращение к системе координационного центра (совета).

2. Увеличение объема научной продукции не обеспечивает рост числа современных методических пособий, востребованных практикой.

Сложившаяся практика публикации монографий и пособий на основе результатов диссертационных исследований демонстрирует довольно низкую их востребованность практиками. Отчасти это вызвано тем, что анализом и адаптацией для практических подразделений информации, даже перспективных и заслуживающих внимания работ, из общей массы никто не занимается.

В концепции научно-технической политики МВД России до 2030 г. (п. 13.4) отмечено: «Ухудшается качество научных кадров, о чем, в частности, свидетельствует повсеместное снижение теоретической и практической значимости диссертационных исследований, их недостаточная ориентированность на реальные интересы органов внутренних дел, формальный подход к внедрению результатов диссертационных работ в практику и законотворческую деятельность. У многих представителей научных коллективов опыт работы в практических подразделениях органов внутренних дел небольшой или отсутствует. Размывается профессиональное звено квалифицированных научных сотрудников» [2].

Как нельзя более точно ситуацию прокомментировали в своей статье, посвященной проблемам развития криминалистической методики, А.Ю. Головин и Е.В. Головина: «…правоохранители ожидают от криминалистики не столько научных дискуссий и выводов о предпочтительности тех или иных «мнений» и «точек зрения», сколько четких методических ре-

комендаций по раскрытию и расследованию преступлений, основанных на традиционных подходах к криминалистической терминологии, действующем законодательстве и современной следственной практике …» [3, с. 6].

При этом следует учитывать, что резкое увеличение объемов информации не сопровождается разработкой и внедрением современных платформ ее накопления и систематизации. Практически не ведется работа по ее упорядочиванию и доведению до потребителя в систематизированном виде. Это соответственно, снижает ее эффективность, а в ключе научной информации – востребованность, возможность своевременно обнаруживать и использовать содержащиеся в ней идеи и мысли.

Решение данной проблемы возвращает к давно обсуждаемому в научных кругах вопросу о необходимости и целесообразности формирования научных центров, в том числе, при соответствующих учебных заведениях. В таких центрах вполне могли бы осуществляться подготовка комплексных практико-ориентированных методических пособий с учетом рекомендаций, содержащихся в научных исследованиях и запросов практики; рецензирование методических рекомендаций, прилагающихся к диссертационным исследованиям; мониторинг потребностей практики и взаимодействие с координационным центром.

3. Необходимость использования в практической деятельности правоохранительных органов новейших компьютерных и телекоммуникационных технологий.

Сегодня скорость развития технологий настолько высока, что, порой, возможности, которые они предоставляют, позволяют решать задачи, заменяя штат целых компаний. Не удивительно, что использование при совершении преступлений современных информационно-коммуникационных технологий существенно модифицирует преступность в целом. В этих условиях для эффективного раскрытия и расследования преступлений необходима разработка тактических и методических основ этой деятельности с учетом освоения правоохранительными органами современных технических возможностей

Разработка вышеуказанных вопросов – наглядное проявление одного из последствий научно-технического прогресса – математизации и формализации знаний. Как справедливо заметил Р.С. Белкин, математизация криминалистики открыла новые возможности ее развития и повышения практической эффективности, в частности для решения задач судопроизводства [4, с. 711]. Интересно, что такой вывод был сделан не на волне цифровизации в условиях абсолютной очевидности, а в период, когда ни компьютерные, ни тем более информационно-коммуникационные технологии не были еще так широко доступны, как сегодня.

Во многих научных исследованиях затрагиваются вопросы использования в рамках расследования возможностей 3D-технологий, беспилотных летательных аппаратов, современных цифровых систем, основанных на технологии блокчейн и т.п. Однако редко их авторы предлагают конкрет-

ные алгоритмы и тактические рекомендации в виде приложений к научным исследованиям. В то же время беспилотные аппараты, роботизированные виртуальные ассистенты и иные продукты современных информационных технологий уже активно используются как средство совершения преступлений.

Так, остро актуально в этой связи предложение А.Ф. Волынского и В.А. Прорвича о необходимости разработки и внедрения в практическую деятельность следователя интерактивных экспертных систем выявления и расследования преступлений, предполагающее создание роботов на основе определенных нейросетевых алгоритмов и других элементов искусственного интеллекта [5, с. 441–452]. Конечно, их создание обусловит необходимость подготовки соответствующей организационно-правовой основы их использования, подготовки кадров, умеющих эксплуатировать такие системы и применять их возможности в целях повышения эффективности расследования! – но, как говорится, «путь в тысячу ли начинается с первого шага».

4. Необходимость совершенствования основ профессиональных знаний следователя, приобретаемых в рамках вузовской программы обучения. В сегодняшних реалиях актуализируется важность творческого, индивидуального подхода следователя к решению стоящих перед ним задач, что, с одной стороны, требует увеличения степени владения криминалистическим мышлением, а с другой – обладания необходимыми навыками и знаниями по грамотному использованию возможностей, предоставляемых современными информационно-коммуникационными и компьютерными технологиями. Соответственно, особое значение приобретает целесообразность получения будущими субъектами расследования совокупности знаний не только юридического, но и информационно-компьютерного профиля, то есть сегодня важна не просто широта и глубина знаний, а комплексный подход к их получению с учетом современных возможностей науки и техники.

Культура криминалистического мышления, как отметил Н.П. Яблоков, возникла в недрах криминалистической деятельности, в которой следователям в поисках следов, вещественных доказательств и информации из личностных источников, а также в сложных ситуациях приходится включать в работу весь арсенал усвоенных ими знаний, мыслительных приемов разных наук [6, с. 182, 187]. При этом очевидно заслуживает поддержки мысль о необходимости разработки целостной концепции криминалистического мышления важным элементом которой должна стать разработка коллективом ученых различного профиля (юристов, психологов, философов, математиков и практических работников следствия) системы мыслительных приемов, применяемых для решения тех или иных задач.

Кроме того, все большее значение приобретает наличие у субъекта расследования знаний в области обоснованной Е.Р. Россинской теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [7, с. 200], а соответственно, целесообразности введения одноимен-

ного спецкурса в рамки профессиональной подготовки специалистов юридического профиля, в том числе, следователей, дознавателей.

В текущей ситуации бесперспективно осуществлять подготовку будущих профессионалов без ориентации на обновление подходов к организации и осуществлению их будущей деятельности. Скорость изменения учебных планов и программ подготовки в вузах должна быть обусловлена не формальными основаниями, а реальными потребностями общества и государства в соответствующем уровне подготовки специалистов.

Сегодня просто необходимо соответствовать темпам развития техники и технологий во всех направлениях деятельности. Решение проблем, возникающих в научной среде и практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений на фоне постоянно и стремительно обновляющихся условий жизни общества требует незамедлительной реакции, ориентированной на использование адекватных средств и методов, возможностей, предоставляемых достижениями научно-технического прогресса, и, безусловно, инициативы заинтересованных сторон. Очевидна необходимость модернизации: организационно-правового и тактико-методического обеспечения деятельности правоохранительных органов с учетом внедрения современной техники и технологий; подходов к осуществлению научных исследований и формулированию их результатов, повышению практической значимости и качества научной продукции; подготовки кадров с ориентацией на новые возможности и готовность динамично реагировать на вызовы современности.

---

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, 2001. 240 с.

2. Концепция научного обеспечения деятельности органов внутренних дел России до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/upload/site163/folder_page/018/930/872/Kontseptsiya_NO_na_15.10.2020.pdf?ysclid=ldrp1vmoud26243528.

3. Головин А.Ю., Головина Е.В. К вопросу о консолидации криминалистических методик расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета: Серия экономические и юридические науки. Вып. 3. 2022. Тула: ТулГУ, 2022. С. 3–9.

4. Белкин Р.С. Избранные труды. М.: Норма, 2008. 768 с.

5. Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики: монография. М.: Экономика, 2020. 476 с.

6. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 192 с.

7. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные за-

кономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. № 2 (99). С. 193–202.

Ключевые слова: следователь, научные кадры, основы профессиональных знаний, расследование, предварительное следствие.

УДК 343.1

О СОДЕРЖАНИИ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Ушаков Андрей Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса,
Нижегородский филиал ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации»,
603104, г. Нижний Новгород, ул. Краснозвездная, д. 5;

Хайретдинова Маргарита Дмитриевна,
кандидат юридических наук,
Самарский государственный университет путей сообщения (Нижегородский филиал),
603011, г. Нижний Новгород, пл. Комсомольская, д. 3

В статье в тезисном виде уделено внимание содержанию допроса подозреваемого лица в совершении преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенных с использованием сети Интернет. Сформулированные и сформированные положения, произведены на основе анализа материалов судебно-следственной практики.

Цифровизация и переход многих аспектов реальной жизни в виртуальное пространство требует адаптации институтов защиты прав человека к меняющимся условиям. Сетевое общение часто ослабляет внутренний контроль личности, дает ощущение ложного чувства безнаказанности и вседозволенности, что служит частой причиной совершения деликтов, в том числе преступного характера.

Раскрытие и расследование преступлений, совершаемых против половой неприкосновенности и половой свободы личности с использованием сети Интернет обусловлено, в первую очередь, трудностями в установлении субъектов преступления. Подобные трудности обусловлены не только непосредственным объектом преступных посягательств, который делает данную категорию преступлений чрезвычайно латентной, но и механизмами, позволяющими использовать для совершения преступных действий сеть Интернет. Именно этот нестандартный способ совершения преступле-

ний против половой неприкосновенности и половой свободы личности наделяет лиц возможностями по применению механизмов анонимизации и шифрования своих действий и позволяет им быть разделёнными с жертвами тысячами километров, а иногда и границами нескольких государств.

Ввиду того, что по данной категории дел решение об уголовном преследовании принимается в основном по факту, появление подозреваемого лица возможно только в двух случаях:

– в порядке задержания в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ;

– в результате применения меры пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ.

Особенностью расследования данной категории уголовных дел является то, что подозреваемые, как правило, обладают высоким уровнем знаний в области информационных технологий, владеют специфической жаргонной терминологией, не всегда понятной следователю, в связи с чем возникает необходимость в предварительной консультации с лицами, обладающими познаниями в данной области, либо в их участии в производстве следственных действий.

В ходе допроса подозреваемых следует выяснить и уделить внимание следующим обстоятельствам:

– месту постоянного и временного проживания подозреваемого, роду его деятельности по основной и дополнительной работе, уровню образования, в каких организациях и на каких должностях работал ранее, уровню владения электронно-вычислительной техникой, наличию навыков в сфере программирования;

– наименованию сетевого ресурса, используемого для совершения преступления;

– способам, которыми осуществлялся доступ к сети Интернет (с использованием какой электронно-вычислительной техники (прямым подключением через кабель, с использованием wi-fi, флеш-модема, мобильного Интернета и т.д.);

– обстоятельствам, при которых был создан Интернет-сайт либо учетная запись в сервисах электронной почты, социальных сетях, мессенджерах, каким образом осуществлялось администрирование указанных ресурсов, какой контент на них размещался;

– при каких обстоятельствах были оформлены интересующие следствие сим-карты, какие документы при этом предоставлялись;

– какой никнейм использовался для общения с потерпевшим;

– каким образом происходило общение: онлайн или офлайн;

– в какой форме происходило общение: онлайн, переписка, видеоконтент и т.д.);

– с какой периодичностью (как часто) происходили эти контакты;

– обладал ли подозреваемый сведениями о возрасте и настоящих ФИО потерпевших;

– сообщал ли он потерпевшему, с которым общался в сети Интернет, сведения о своем реальном возрасте и ФИО;

– понуждал ли несовершеннолетнего высылать фотографии половых органов или иные фотографии сексуального характера;

– понуждал ли несовершеннолетнего к видеотрансляции, провоцирующей сексуальное возбуждение;

– демонстрировал ли несовершеннолетнему свои половые органы либо совершал действия, направленные на удовлетворение сексуального возбуждения;

– осуществлялись ли контакты посредством направления личных сообщений несовершеннолетнему с вложенными в них ссылками на материалы порнографического характера с целью пробуждения у несовершеннолетнего нездорового сексуального интереса, оказания развращающего влияния, в какие даты и время;

– направлял ли посредством личных сообщений самостоятельно изготовленные фото- и видеоматериалы порнографического характера, провоцирующие сексуальное возбуждение несовершеннолетнего, в какие даты и время;

– высказывал ли несовершеннолетнему угрозы о размещении интимных фотографий последнего, а также иной компрометирующей информации в конкретной социальной сети (социальных сетях);

– совершались ли им ранее подобные действия, если да, то где, когда, при каких обстоятельствах;

– имелись ли соучастники и каким образом осуществлялась с ними коммуникация в ходе совершения преступления (номера телефонов, электронные почтовые ящики, мессенджеры).

Если переписка на сексуальные темы с несовершеннолетними в социальных сетях является не самоцелью, а способом приготовления к совершению более тяжкого насильственного преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, и, в результате, оканчивается совершением насильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ, в данном случае при допросе подозреваемого необходимо выяснить:

– понуждал ли подозреваемый несовершеннолетнего к совершению полового акта, иных действий сексуального характера, угрожая в случае отказа несовершеннолетнего разместить компрометирующую интимную информацию в социальной сети, либо оказывая психологическое воздействие иным образом, например, обещанием удалить компрометирующие сексуальные фото из определенной группы в социальной сети «Вконтакте» либо в иных социальных сетях.

При получении ответов подозреваемого лица на вышеуказанные основные вопросы следователь должен самостоятельно определить перечень дополнительных, исходя из полученной информации и имеющейся доказательственной базы.

В любом случае осуществляя уголовное преследование в отношении лиц, совершивших преступления против жизни, здоровья, половой неприкосновенности и иных конституционных прав несовершеннолетних, в том числе с использованием сети Интернет, должна даваться надлежащая юридическая оценка всего произошедшего. Именно в рамках правильно организованного и хорошо проведенного допроса подозреваемого, появится уверенность в вынесении впоследствии судом справедливого приговора.

Ключевые слова: допрос подозреваемого, сеть Интернет, половая неприкосновенность, половая свобода личности, учетная запись, социальные сети, мессенджеры.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА

Фадюшина Полина Александровна,
слушатель 5 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2;

Морозова Наталия Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Статья посвящена рассмотрению психологических аспектов при проведении обыска. Авторы рассматривают организацию производства обыска как одного из элементов режима, уделяя этому важное значение. Раскрывается роль социально-психологических и индивидуально-психологических особенностей личности обыскиваемого, профессионализма сотрудников, психологических факторов и условий проведения обысков.

Обыск, производство которого регламентировано ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), является одним из наиболее распространенных и плодотворных с одной стороны, и сложных следственных действий с другой, основной целью которого является установление обстоятельств расследуемого события.

Не вызывает сомнений тот факт, что проведение обыска неизбежно влечет ограничение прав и законных интересов граждан, вторжение в личную жизнь граждан, поэтому может сопровождаться возможным противодействием со стороны обыскиваемого, в расхождении целей лица, производящего обыск и обыскиваемого [1]. Поэтому от следователя и сотрудников

правоохранительных органов требуется грамотно подходить к выбору тактики и знать психологические приемы производства обыска.

Тактико-психологические приемы обыска базируются на основании того, что именно, где именно и каким именно образом отыскивается. Но при этом, в теории и на практике осуществления поисковых мероприятий имеются базисные, тактические положения, которые затрагивают любой вид обыска.

Психологические аспекты должны быть учтены следователем уже на подготовительной стадии проведения обыска, поэтому немаловажное значение здесь имеет психологическая подготовка следователя к обыску.

Наиболее верное определение данного процесса дано В.Е. Коноваловой, под психологической подготовкой к обыску она предлагает понимать «интеллектуально-волевую деятельность следователя, направленную на определение основных целей обыска, постановка и разрешение мыслительных задач, мобилизация необходимых волевых качеств, разработка и реализации тактики проведение обыска» [2].

По мнению В.Е. Коноваловой, «психологическая подготовка следователя делится на два периода: информационный и интеллектуальный» [2, с. 84]. В момент проведения информационного периода происходит обнаружение и сбор информационных данных об имеющих значение для уголовного дела объектах и лицах. В момент проведения интеллектуального периода происходит моделирование поведения указанных выше лиц в момент проведения поисковых мероприятий, а также выстраивание действий следователя, направленных на обнаружение искомых предметов.

В тех случаях, когда следователь не смог психологически подготовить себя или кого-либо из членов своей СОГ к возможным проблемам тактического и психологического характера, возможно появление несобранности, подавленности и отсутствия четкой слаженности и понимания всех тонкостей производства поисковых мероприятий.

Помимо собственной психологической подготовки, следователю целесообразно понимать, у кого именно будут проводиться поисковые мероприятия. Данных лиц можно подразделить на 2 группы:

а) лица, которые знают, что у них находятся объекты, имеющие непосредственное значение для уголовного дела;

б) лица, которые никаким образом не осведомлены о нахождении таких объектов.

Негативные аспекты того, что преступник осознает о наличии у него уголовно значимых объектов и предполагает о возможности проведения у него обыска заключается в том, что он может заранее избавиться от предметов, орудий и документов добытых преступным путем либо же сокрыть их таким образом, что для следствия отыскать их будет крайне затруднительно. Необходимо понимать, что лицо, причастное к совершению преступления, будет выбирать место для сокрытия предметов, исходя из объективных и субъективных факторов.

К объективным факторам, как правило, относятся размеры, масса и объем объектов. Некоторые объекты, из-за своей величины и объемов не могут быть спрятаны в пределах какого-либо небольшого помещения, поэтому поиски таких предметов, например, на территории многоквартирного дома являются нецелесообразными.

К субъективным факторам, прежде всего, необходимо отнести пол обыскиваемого лица. Основываясь на практике проведения поисковых мероприятий необходимо знать, что женщины очень редко прячут предметы в тайниках, для доступа к которым потребуются значительные физические усилия. Чаще всего женщины организовывают тайники, используя для этого средства личной гигиены и вещи своего туалета. Необходимо принимать к сведениям и возрастные особенности обыскиваемых лиц, так, например, несовершеннолетние и подростки зачастую прячут предметы на крышах, чердаках и подвалах, в тех местах, где они проводят время и играют [3]. Помимо указанных выше, к субъективным факторам необходимо отнести и имеющиеся у обыскиваемого лица профессиональные навыки.

В свете этого, необходимо обратить внимание на так называемый метод «рефлексии» – т.е. учитывать характерные особенности обыскиваемого: его профессию, хобби, образование, привычки и интересы [2].

Одной из значимых особенностей при проведении поисковых мероприятий является фиксация поведения обыскиваемого лица. Преступники из-за стрессовых ситуаций испытывают чувство страха в момент производства поисковых мероприятий. Мимика и поведение преступника во время проведения обыска может рассказать следователю о многих аспектах. Нетипичное и непродуманное поведение подозреваемого лица может указать на наличие или отсутствие в определённых местах искомых объектов. Из-за частого наличия указанных выше особенностей следователю следует оказывать повышенное внимание на реакцию обыскиваемого лица во время проведения поисковых мероприятий.

Ко второй группе лиц, т.е. тем, кто не осведомлены, что у них имеются на хранении разыскиваемые объекты, чаще всего относятся родственники, знакомые, близкие друзья, соседи. Зачастую подозреваемые (обвиняемые) пытаются скрыть от них, что те предметы, которые они передали им на хранения, получены преступным путем или участвовали в осуществлении преступной деятельности. Особенностью при обыске таких лиц является то, что данные граждане не связывают хранение переданных им вещей с опасностью для себя и окружающих. Они не придумывают и не создают тайники, и зачастую не оказывают никакого противодействия следствию и выдают переданные им на хранение искомые объекты на добровольных началах. Из-за определённой эмоциональной нагрузки следователю необходимо объяснить данным лицам, что их не подозревают в совершении каких-либо противоправных действий, но ввиду расследования преступления, у них необходимо произвести поисковые мероприятия на принудительных

началах. Так же целесообразно допросить данных лиц в качестве свидетелей по данному делу.

Следует понимать, что далеко не последнее место в расследовании уголовного дела занимает умение следователя распознавать и понимать психологию людей. Психология помогает следователю целенаправленно заставить преступника ошибиться. В этом случае следователю помогает метод рефлексивного управления, где следователь может вызвать определенные психологические реакции у подвергнутых обыску лиц.

Таким образом, успех обыска в значительной мере зависит от индивидуальных качеств следователя: воображения, выдержки, профессионализма, самообладания, собранности.

---

1. Чаплыгина В.Н., Рудов Д.Н. К вопросу о процессуальных гарантиях прав личности при производстве обыска в жилище // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 3. С. 261–265.

2. Коновалова В.Е. Психология в расследовании преступлений. Харьков, 1978. С. 77.

3. Рудакова М.А., Зебницкая А.К. Психологический аспект производства обыска // Актуальные вопросы развития современного общества: сборник статей 4-й Международной научно-практической конференции. В 4 томах (Курск, 18 апреля 2014 г.) / Юго-Западный государственный университет; председатель редколлегии Ю.В. Вертакова. Том 3. Курск: Университетская книга, 2014. С. 366–370.

4. Морозова Н.В. Психологические аспекты проведения обыска и выемки // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов дознания и предварительного следствия: сборник статей, 2018. С. 215–220.

Ключевые слова: преступление, расследование, обыск, следователь, подозреваемый, преступник.

УДК 343.9

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Фомичев Андрей Андреевич,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Статья посвящена исследованию структуры криминалистической идентификации. Вследствие научной проработанности, учение о кримина-

листической идентификации в достаточной степени сформировало самостоятельные компоненты. В работе предпринята попытка их выделения, освещения и систематизации.

Борьба с преступностью требует постоянного совершенствования деятельности правоохранительных органов, разработки и использования ими в данном процессе специальных средств и методов, достижений науки и техники. Важное значение здесь имеет криминалистическая идентификация, которая лежит в основе многих действий и процедур, связанных с раскрытием и расследованием преступлений.

Криминалистическая идентификация имеет общее значение как для науки криминалистики, так и для теории доказательств в уголовном процессе. Она находит практическое применение на всех этапах доказывания в стадии предварительного расследования. Присущие ей задачи и методы тесно связаны с инструментарием, используемым в уголовно-процессуальном доказывании [1, с. 12–13].

В настоящее время научная разработанность учения о криминалистической идентификации позволяет констатировать ее сложный многосторонний характер со множеством присущих ей элементов. Выделение аспектов криминалистической идентификации является важным теоретико-методологическим шагом, позволяющим уточнить, конкретизировать, систематизировать и устранить противоречия между сложившимися учениями и представлениями о ней.

Анализ и обобщение сведений о криминалистической идентификации позволяет рассматривать ее в качестве криминалистической теории [2, с. 85; 3, с. 289; 4, с. 43; 5, с. 134–139]; средства [6, с. 743–744] или метода [7, с. 14; 8, с. 212] собирания и проверки доказательственной информации; исследовательского процесса [9, с. 362; 10, с. 104]; практической процедуры установления значимых для уголовного дела фактов [11, с. 323–326; 12, с. 5]. Каждый из указанных аспектов криминалистической идентификации обладает набором индивидуальных свойств.

Обобщающими, интегрирующими свойствами, связывающими все аспекты криминалистической идентификации в единое целое, обладает соответствующая теория криминалистики, которая относится к числу крупнейших и наиболее разработанных. Она представляет собой учение об общих правилах отождествления объектов по их отображению в целях получения доказательственной информации [1, с. 13; 13, с. 195]. Ее выражением служит система научных положений, включающих в себя специальный понятийный аппарат и практические рекомендации. В настоящее время теория криминалистической идентификации выступает научной основой производства экспертных исследований вещественных доказательств и многих других познавательных процедур уголовного судопроизводства, включая тактическое обеспечение следственных действий.

В значении средства и метода собирания и проверки доказательственной информации криминалистическая идентификация проявляет свои прикладные свойства. В данном случае она представляет собой совокупность определенных приемов, способов и процедур, позволяющих установить тождество объекта самому себе по оставленному им отображению.

Говоря о криминалистической идентификации как об эффективном средстве собирания и проверки доказательственной информации в уголовном судопроизводстве, В.А. Образцов и Д.А. Степаненко подчеркивают ее практическую значимость [6, с. 743–744]. А.М. Зинин и Н.П. Майлис указывают, что именно в этом аспекте она стала объектом науки криминалистики [14, с. 106].

Рассматривая криминалистическую идентификацию как метод, различные исследователи понимали под ней следующее:

специальный научный способ доказывания фактических обстоятельств по уголовным делам [7, с. 3, 10];

способ установления причинно-следственной связи между идентифицируемым и идентифицирующим объектами посредством определения их идентичности или отсутствия таковой в процессе расследования преступного деяния [3, с. 288–289];

способ установления истины по уголовному и иным делам, который основывается на учении об общих принципах и приемах отождествления материальных объектов [2, с. 85].

Важно подчеркнуть, что криминалистическая идентификация не сводится к сугубо техническим приемам сравнения объектов. Это процесс исследования объектов, применительно к которым решение вопроса о тождестве играет существенную роль для установления обстоятельств предмета доказывания [1, с. 13]. Этот процесс представляет собой интеллектуальную деятельность субъекта по установлению тождества образовавшего след объекта. Он протекает в условиях сопоставления общих и частных признаков объекта, оставшихся в отображении (следе), с самим проверяемым объектом. Причем данный познавательный процесс также включает в себя исследование структуры и элементов материальной обстановки; условий следообразования; состояния, формы и свойств объекта; способа передачи признаков объекта отражающей среде; установление как объединяющих, так и различающих признаков объекта и отображения [4, с. 40–43; 15, с. 153].

Осуществляемый в рамках криминалистической идентификации исследовательский процесс не является произвольным. Он основывается на специализированных методиках, формирующих практические процедуры установления значимых для уголовного дела фактов. Такие методики непосредственно используются в экспертных исследованиях, а также в некоторых следственных действиях и оперативно-разыскных мероприятиях [13, с. 106, 108; 16, с. 164; 17, с. 205].

Таким образом, криминалистическая идентификация может рассматриваться в значении теории, метода, средства, исследовательского процесса и технической процедуры установления значимых для раскрытия и расследования преступления фактов. Каждый из аспектов криминалистической идентификации имеет индивидуальные свойства и специфику, позволяющие решать определенный спектр задач. Данные аспекты обусловливают друг друга, находятся в тесной взаимосвязи и системном взаимодействии, что позволяет рассматривать криминалистическую идентификацию в качестве целостного научно-теоретического учения, направленного на решение прикладных задач.

---

1. Сулейманов Р.Ш. Криминалистическая идентификация в процессуальных действиях по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.

2. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина. М.: Изд. НОРМА, 2000. 928 с.

3. Китко А.С., Ловяников Н.А., Влезько Д.А. О понятии криминалистической идентификации // MODERN SCIENCE. 2021. № 4-1. С. 287–289.

4. Горбатый Р.Н. Понятие и особенности криминалистической идентификации и диагностики // Инициатива в образовании: проблема интерпретации знания в современной науке: сборник научных трудов. Казань: ООО «СитИвент», 2019. С. 40–45.

5. Ткачук Т.А., Михайлов А.Е. Криминалистическая идентификация и ее роль в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 3. С. 134–139.

6. Образцов В.А., Степаненко Д.А. Теория криминалистической идентификации: состояние, проблемы, перспективы развития // Lex russica (научные труды МГЮА). 2006. № 4. С. 743–754.

7. Колмаков В.П. Идентификационные действия следователя. М., 1977. 112 с.

8. Кравцов М.А. Особенности криминалистической идентификации и диагностики применительно к установлению морального вреда, причинённого преступлением // Вестник Полоцкого государственного университета. 2013. № 6. С. 212.

9. Натура Д.А. О сущности криминалистической идентификации в аспекте информационного обеспечения доказывания по уголовным делам // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции. В 2 томах. Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Иркутск), 2015. С. 360–363.

10. Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций. М.: Экзамен, 2001. 112 с.

11. Лошкарев А.В., Шакурова Е.В. Криминалистическая идентификация человека по внешним признакам // Наука и просвещение: сборник статей победителей VII международной научно-практической конференции. Пенза: ИП Гуляев Г.Ю., 2016. С. 323–326.

12. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982. 150 с.

13. Сретенцев Д.Н., Титова К.А. Современные возможности криминалистической идентификации в расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 192–197.

14. Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза: учебник. М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. 318 с.

15. Сретенцев А.Н. Перспективы развития системы идентификации личности в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 1 (90). С. 151–156.

16. Чаплыгина В.Н. Отдельные аспекты криминалистической методики расследования коррупционных преступлений // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: сборник научных трудов 5-й Международной научной конференции. Курск, 2022. С. 162–165.

17. Бадиков Д.А. Эксперт и его правовое положение в уголовном процессе России // Наука молодых – будущее России: сборник научных статей 6-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых. Курск, 2021. С. 203–206.

Ключевые слова: криминалистическая идентификация, идентификационный процесс, аспекты криминалистической идентификации, учение об идентификации, теория криминалистической идентификации, метод криминалистической идентификации.

УДК 343.98

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ОБЖАЛОВАНИИ РЕШЕНИЯ ПРОКУРОРА В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Чич Бислан Еристемович,
старший следователь-криминалист отдела криминалистики следственного управления, Следственный комитет Российской Федерации по Республике Адыгея, 385000, г. Майкоп, ул. Комсомольская, д. 201 «А»;

Научный руководитель:
Османова Надежда Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент, декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

В статье рассмотрены вопросы обеспечения следователем прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при обжаловании решения прокурора в стадии предварительного расследования. Анализируется правоприменительная практика обжалования следователем решений прокурора о возвращении уголовного дела.

Право обжалования решений и действий (бездействия) органов государственной власти и их должностных лиц закреплено в ч. 2 ст. 46 Конституции РФ.

В уголовном судопроизводстве право на обжалование отнесено к принципам уголовного судопроизводства. В уголовно-процессуальном законе правоотношения, касающиеся реализации пава на обжалование, регламентированы целым рядом норм, рассредоточенных по всему Кодексу.

Регламентирующие основания и пределы обжалования следователем решений прокурора нормы, распределены по уголовно-процессуальному кодексу в статьях, связанных непосредственно с субъектом обжалования (п. 5 ч. 2 ст. 39) или принимаемым решением (ч. 4 ст. 221, ч. 2 ст. 317.2).

На стадии предварительного расследования следователь имеет право обжаловать лишь ряд решений прокурора, не указанный в ст. 124 УПК РФ, в порядке, изложенном в главе 31 УПК РФ «Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением»: о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий об-

виняемых или изменения (пересоставления) обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков; об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Принятие следователем решения обжаловать отказ прокурора в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в большей степени обусловлено необходимостью соблюдения публичных интересов участников уголовного судопроизводства по раскрытию и расследованию «новых» преступлений, установления дополнительных участников совершения преступления и т.п., а также (в меньшей степени) интересов подозреваемого, обвиняемого, с которым это досудебное соглашение может быть заключено (т.е. интересов частных).

В то же время вынесение следователем постановления о направлении уголовного дела прокурору с обвинительным заключением относится к решениям, направленным на реализацию функции уголовного преследования и защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Эти же решения могут быть обжалованы непосредственно участниками уголовного судопроизводства, чьи права и интересы были нарушены принятым по делу решением прокурора. Причем порядок обжалования может быть и судебным, что, как правило, предопределяет больший успех реализации права на обжалование. В судебном порядке также могут быть рассмотрены жалобы лиц на иные процессуальные действия и решения как прокурора, так других субъектов уголовного преследования.

Начиная с 2007 года, определяется тенденция наделения следователя все большей самостоятельностью, связанной как с расширением прав, а значит и обязанностей по применению норм законодательства и реализации этих прав.

Реализация принципа законности обеспечивает обязательность выполнения властными субъектами предоставленных им прав и в полной мере распространяется на всех властных субъектов: следователя, его руководителя, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания и прокурора.

На протяжении последних более 15 лет, оценивая внесенные изменения в УПК РФ по усилению процессуальной самостоятельности следователя, руководителя следственного органа и действия этих норм, профессор Б.Я. Гаврилов приходит к выводу о повышении качества расследования уголовных дел, сокращению числа лиц, незаконно, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности [1, с. 23].

Одним из показателей качества проводимого следователем предварительного расследования и осуществления прокурорского надзора является количество уголовных дел, возвращенных следователю прокурором в порядке, предусмотренном п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. При оценке эффективности работы следователя и качества проводимого расследования следует обратить внимание и на другие показатели следственной работы, например,

удельный вес возвращенных уголовных дел прокурором следователю в общем количестве направленных руководителем следственного органа уголовных дел для утверждения обвинительного заключения.

Складывающаяся на современном этапе правоприменительная практика показывает, что не всегда и не по всем вопросам мнения следователя и прокурора совпадают и порой они принимают настолько разно полярный характер, что для разрешения возникающих споров законодателем не обойтись без участия вышестоящего прокурора, вплоть до Председателя Следственного комитета Российской Федерации и Генерального прокурора Российской Федерации в случаях, когда следователю приходится два и более раз выходить с инициативой обжалования решения прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действия обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков.

Вмешательство третьих лиц должно способствовать разрешению споров, поскольку на практике порой встречаются решения (как со стороны прокурора, вернувшего уголовное дело в порядке, предусмотренном п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, так и со стороны прокурора, не удовлетворяющего жалобу следователя и поддерживающего позицию нижестоящего прокурора) явно свидетельствующие о нарушении прав участников уголовного судопроизводства. Обжаловать такие решения является обязанностью следователя.

Проведенное нами исследование свидетельствует о наличии достаточного множества таких различных одиозных решений.

Обратимся к правоприменительной практике обжалования следователем решения прокурора о возвращении уголовного дела следователю.

Возбужденное в отношении Д. уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, было возвращено прокурором следователю для производства дополнительного следствия в связи с тем, что следствием не установлен прямой умысел обвиняемого при оскорблении сотрудника полиции в присутствии свидетеля, т.е. не установлено понимал ли Д. публичность своих действий. Не согласившись с решением прокурора, следователь обжаловал его, указав в обоснование своей позиции, что осведомленность Д. прослеживается из его показаний, согласно которым он знал о наличии в спецприемнике еще одного постороннего человека, т.е. осознавал публичность содеянного им деяния. Вышестоящий прокурор поддержал позицию следователя.

Уголовное дело возбуждено в отношении Д. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 135 УК РФ. По результатам изучения материалов уголовное дело возвращено прокурором следователю для производства дополнительного следствия в связи с наличием в деянии потерпевшей состава преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ, оценка которым не дана в ходе предварительного расследования. Следователь обжало-

вал указанное решение, обосновав свою позицию, положениями ст. 151 УПК РФ, согласно которым в компетенцию Следственного комитета не входит расследование преступлений, предусмотренных ст. 163 УК РФ и ст. 37 УПК РФ, предусматривающей полномочия прокурора направить постановление об обнаружении признаков преступления в следственный орган или орган дознания. Дополнительно следователем указано, что рассмотрению уголовного дела в суде в отношении Д. не препятствует проведение проверки по ст. 163 УК РФ. Позиция следователя поддержана вышестоящим прокурором.

Обжалование следователем процессуальных решений прокурора является важнейшей составляющей реализации назначения уголовного судопроизводства, выражающееся как в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Представленный выше анализ норм уголовно-процессуального законодательства, судебно-следственной практики следственных органов СК России по республике Коми свидетельствует о важной роли института обжалования в деятельности следователя по обеспечению интересов прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и реализации принципов законности и разумного срока уголовного судопроизводства.

---

1. Гаврилов Б.Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 19–26.

2. Османова Н.В. Право следователя на отстаивание интересов следствия в уголовном судопроизводстве // Рос. следователь. 2019. № 5. С. 32–36.

Ключевые слова: право на обжалование, права и законные интересы, законность, разумный срок уголовного судопроизводства, процессуальная самостоятельность, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, обеспечение права на доступ к правосудию, назначение уголовного судопроизводства.

УДК 343.1

СПЕЦИФИКА РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Чувальникова Виктория Ивановна,
государственный инспектор безопасности
дорожного движения отдела ГИБДД,
УМВД России по г. Туле,
300053, г. Тула, ул. Вильямса, д. 22;

Колычева Алла Николаевна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматриваются отдельные аспекты работы следователя по расследованию преступлений против собственности с использованием сети Интернет. Автором точечно рассматриваются специфические моменты, которые возникают по рассматриваемой категории преступлений с использованием сети Интернет.

Количество преступлений против собственности, совершенных с использованием сети Интернет, с каждым годом увеличивается. Появляются и новые виды преступных проявлений, связанные с Интернетом (так называемая «киберпреступность»), интернет-преступность и информационная (компьютерная) зависимость. Теперь информация уже стала объектом преступной деятельности. В Интернете происходит вымогательство с угрозой уничтожения баз данных крупных компаний, происходят похищения имущества, распространяется компрометирующие материалы.

В сети Интернет существует огромное количество организованных групп, совершающих уголовные правонарушения. Такие группы часто занимаются «атаками» на сервера и банки. Все для того, чтобы завладеть информацией для продажи или дальнейшего вымогательства. Финансовая сфера – один из наиболее привлекательных секторов преступности [1, с. 125]. В этой связи необходимо принимать во внимание преобразование самого права, изменяющегося при соприкосновении с цифровой (виртуальной) средой [2, с. 102].

Преступление против собственности, совершенное с использованием сети «Интернет», является специфическим явлением в современной преступности, поскольку может проявляться, как внутри государства, так и охватывать территории других государств, приобретая транснациональный характер. Предлагается ввести классификацию способов совершения анализируемых преступлений против собственности с использованием сети Ин-

тернет, в частности: а) преступления против собственности, связанные с покупкой/продажей в сети «Интернет»; б) преступления против собственности, сущность которых заключается в получении средств (имущества) путем направления писем или сообщений; в) преступления против собственности, которые для завладения средствами (имуществом) требуют разработки и размещения в сети «Интернет» дубликатов или узкоспециализированных сайтов для предоставления «псевдоуслуг»; г) преступления против собственности, которые направлены на получение персональных (регистрационных) данных (так называемый «фишинг»); д) преступления против собственности, связанные с оборотом электронных денег; е) преступления против собственности, для совершения которых используется специализированное и/или вредоносное программное обеспечение; е) «комбинированные способы» преступления против собственности.

Изучение следственной практики позволило нам в случае совершения уголовного правонарушения установить особенности, суть которых заключается в том, что: а) физическое местонахождение преступника, как и средств совершения уголовного правонарушения, в основном не совпадают с местом пребывания потерпевшего и наступлением негативных последствий уголовного правонарушения (место причинение материального ущерба), а в определенных случаях такие обстоятельства могут иметь даже транснациональный (трансконтинентальный) характер; б) установлено отсутствие зависимости времени года и других сезонных проявлений, которые прямо влияли на преступную активность преступников.

При совершении преступления против собственности с использованием сети «Интернет», процесс следообразования является специфическим потому, что принципы обмена информацией в сети «Интернет» регулируются международными стандартами, несоответствие которым приводит к невозможности подключения к ней, и как следствие – к невозможности совершения преступлений против собственности, совершенных посредством сети интернет. Независимо от технологии (устройства), которая использовалась для подключения к сети (локальной или глобальной), процессы и принципы следообразования остаются одинаковыми [3, с. 126].

Определено, что основными следами узла в пределах локальной или сети «Интернет» является его IP и (или) MACадреса. Эффективность разоблачения и досудебного расследования анализируемых преступлений против собственности связаны с необходимостью своевременного получения информации о преступном событии, источниками которой в основном были заявления или сообщения от: а) представителя Интернет-сервиса, на котором было выявлено преступление против собственности; б) потерпевшего. Нельзя исключать и другие источники, наиболее вероятными из которых являются непосредственное обнаружение признаков уголовного правонарушения сотрудниками правоохранительных органов [4].

Заслуживает внимания большая значимость использования важного способа получения доказательной информации во время предварительного

расследования – истребование информации от операторов связи. Эффективность указанного способа зависит от выполнения требований законодательства к содержанию и процедуре запроса, соблюдения своевременности, определение достаточного объема сведений, запрашиваемых у оператора.

Кроме того, при расследовании преступлений против собственности в сети Интернет применение специальных знаний непосредственно требует от следователя знания информационных технологий с целью, например, правильного определения необходимого уровня научной специализации, которую должен иметь эксперт и специалист, привлекаемые к производству по уголовному делу, для наиболее эффективного взаимодействия следователя с этими лицами на всех этапах расследования преступлений против собственности в сети Интернет.

Таким образом, указанное позволяет учитывать в обобщении основ расследования и профилактики преступлений против собственности, совершенных в сети Интернет, а также проследить взаимосвязь с другими общественными отношениями, затрагивающими криминалистическую плоскость.

---

1. Волков А.С. Применение цифровых технологий в ходе расследования преступлений в экономической сфере // Экономическая безопасность и качество. 2018. № 2 (31).

2. Фомичев А.А. Об обеспечении прав человека в контексте цифровизации общественных отношений // Актуальные проблемы уголовно-процессуального права, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Орел, 2022. С. 101–104.

3. Аминев Ф.Г. Об интеграции специальных знаний в судебной экспертизе // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), 2019.

4. Чаплыгина В.Н., Черкасова Е.А., Рудов Д.Н. Особенности расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Современный ученый. 2023. № 1. С. 267–271.

Ключевые слова: преступления, сеть Интернет, собственность, способ, след, следственный.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ (СТ. 137 УК РФ)

Яшков Сергей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации (Екатеринбургский филиал),
620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18

В настоящей статье автором исследуется предмет преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ. Описываются сложности в его понимании, которые накладывают отпечаток на правоприменительную деятельность.

С появлением и развитием новых технологий государственным органам, отдельным гражданам стало намного проще получать доступ к личным данным конкретного человека, тем самым вторгаясь в сферу его свободы, нарушая при этом неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [1].

Поэтому вопрос защиты неприкосновенности частной жизни человека и гражданина, его личной или семейной тайны является в настоящее время достаточно актуальным.

Уголовно-правовыми средствами частная жизнь защищается ст. 137 УК РФ.

Сложности в применении данного состава преступления вызывает предмет.

Так, для правоприменителя он не очень понятен, поскольку в российском законодательстве нет официальных разъяснений содержания данного института.

Речь идет о сведениях о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну потерпевшего.

Первое, к чему обращается правоприменитель в поисках ответа на интересующий его вопрос – что относится к предмету преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, – это разъяснения Верховного Суда РФ, обличенные в форму постановления Пленума.

К сожалению, в соответствующем постановлении от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 УК РФ)» [2] данных разъяснений нет.

Далее правоприменителю приходится обращаться к определению Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина В.А. и Захаркиной И.Н. на

нарушение их конституционных прав пунктом «б» ч. 3 ст. 125 и ч. 3 ст. 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» [3].

В данном документе указано: в частную жизнь включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства. К ней отнесены образ мыслей, увлечения, убеждения, хобби, привычки и иные аспекты жизни гражданина.

Боле того, Конституционный Суд РФ указал, что частная жизнь охватывает все сферы семейной, бытовой, имущественной, культурной жизни, родственных и дружественных связей, домашнего уклада, личных отношений.

Также с целью определения содержания понятия «частная жизнь» правоприменителю следует обратиться к ст. 152.2 ГК РФ.

Пунктом 1 данной статьи установлено, что не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни.

Как видно, какого-то конкретного понимания, что такое «частная жизнь», не имеется. Все попытки объяснений, что это, сводятся к констатации того, что она относится к частному лицу, охватывает практически все сферы жизнедеятельности этого лица, и, кроме того, имеются примеры, что к ней относить.

Представляется, что для точной уголовно-правовой оценки деяния виновного, связанного с нарушением неприкосновенности частной жизни, такое широкое понимание «частной жизни» недопустимо.

Правоприменителю нужна четкая определенность и конкретика. Особенно учитывая, что предметом преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, являются не просто сведения о частной жизни лица, а только составляющие его личную или семейную тайну.

К сожалению, в настоящее время нет возможности определить, что представляет собой «личная» и «семейная» тайна.

Законодательных определений понятий данных институтов не имеется. Разъяснений высших судов РФ также нет.

В таком случае можно обратиться к цивилистической литературе, в которой излагается мнение, что они тесно связаны между собой и во многом совпадают. Основное различие между ними усматривается в одном: если личная тайна непосредственно касается интересов лишь конкретного индивидуума, то семейная тайна затрагивает интересы нескольких лиц, находящихся друг с другом в семейных отношениях [4].

Таким образом, все вышесказанное о предмете преступления предусмотренного ст. 137 УК РФ, свидетельствует о его «размытости», что влечет трудности в правоприменительной практике.

Так, например, органами следствия расследовалось уголовное дело в отношении П. К нему, как к старшему оперуполномоченному ОП № 7

УМВД России по г. Тюмени, обратился его знакомый А., который попросил его предоставить ему сведения о передвижении К. на транспортном средстве «Хёндай АЙ 40» с госномером «___» с целью установления его местонахождения.

П. данные сведения были неоднократно получены через третье лицо из информационной системы «Система фото-видеофиксации нарушений ПДД Тюменской области» и переданы А. посредством мессенджера «WhatsApp».

Органами следствия П. вменялась ч. 2 ст. 137 УК РФ, а именно – незаконное собирание и распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную тайну, без его согласия, совершенное с использованием служебного положения.

Могут ли данные о передвижении К. на транспортном средстве быть признаны сведениями о частной жизни лица, составляющими его личную или семейную тайну? Формально – да. Ведь до тех пор, пока он не рассказал кому-то куда, когда и зачем ездил, эти сведения никого не касаются и составляют тайну.

С другой стороны, свидетельствуют ли обезличенные данные о передвижении конкретного автомобиля по дорогам общего пользования о частной жизни именно К., если неизвестно, кто этим автомобилем управляет? Формально – нет.

Вместе с тем органами следствия при таких обстоятельствах уголовное дело было возбуждено, обвинительное заключение утверждено прокуратурой и передано в суд.

Однако Калининским районным судом г. Тюмени приговором от 28 сентября 2022 г. (по делу 1-486/2022), оставленным без изменения Тюменским областным судом, П. был оправдан в инкриминируемом ему деянии за отсутствием состава преступления [5].

В приговоре было указано, что судом установлен и не вызывает сомнения факт собирания П. сведений о передвижении транспортного средства «Хёндай АЙ 40» с госномером «___» и передачи этих сведений А.

Однако суд указал, что обстоятельства передвижения любого автомобиля по дорогам общего пользования при наличии большого количества камер фото-видеофиксации не могут составлять личную тайну гражданина, поскольку к обстоятельствам передвижения автомобиля с определенным госномером имеется свободный доступ неограниченного круга лиц среди участников дорожного движения, в том числе на дорогах общего пользования и на улицах города.

В обоснование своей позиции суд сослался на ст. 152.2 ГК РФ, в абзаце втором п. 1 которой указано, что не являются нарушением сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле.

Таким образом, суд пришел к выводу, что сведения о частной жизни (передвижении на автомобиле) потерпевшего К. стали общедоступными, в том числе были раскрыты им самим, поскольку он не отрицал, что передвигался в рассматриваемые в уголовном деле даты на этом автомобиле, что не образует состава преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ.

Более того, суд указал, что стороной обвинения не представлено доказательств и, соответственно, судом не установлено, что П. обладал информацией о владельце транспортного средства с госномером «___», и что сведения о передвижении указанного транспортного средства хранятся владельцем транспортного средства в тайне.

---

1. Рождайкина Е.И. Защита личной тайны гражданина в ходе следствия // Вопросы российской юстиции. 2021. № 12. С. 390–397.

2. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 25.12.2018 № 46 // Рос. газ. 2019. 9 янв. № 1.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 9 июня 2005 г. № 248-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Версия Проф».

4. Елисеева А.А. Семейная тайна: вопросы содержания и правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. С. 71–76.

5. Приговор Калининского районного суда г. Тюмени по делу 1-486/2022 [Электронный ресурс]: от 28 сентября 2022 г. URL: https://kalininsky--tum.sudrf.ru.

Ключевые слова: сведения, частная жизнь, незаконное собирание, незаконное распространение, тайна, семейная, личная.

УДК 343.2

Сборник научных статей

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Подписано в печать 30.06.2023. Формат 60x90 1/16.
Усл. печ. л. – 13,06. Тираж 20 экз. Заказ № 524.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.